

ISSN 2500-3216

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные
науки
№ 1

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2021

Редакционная коллегия

И. Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта (главный редактор); *Г. В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора); *М. А. Анипкин*, д-р социол. наук, проф., Волгоградский государственный университет, Эссекский университет, Великобритания; *М. В. Берендеев*, канд. социол. наук, доц., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта; *К. Ю. Волошенко*, канд. экон. наук, директор центра моделирования социально-экономического развития региона, БФУ им. И. Канта; *Т. С. Волчецкая*, д-р юр. наук, проф., зав. кафедрой уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики, Юридический институт, БФУ им. И. Канта; *А. А. Давиденко*, доц., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта; *Ю. В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта; *А. Жуковский*, д-р полит. наук, проф., президент Польской ассоциации политической науки, Польша; *О. И. Зазнаев*, д-р юр. наук, проф., зав. кафедрой политологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет; *Ю. В. Кривошеев*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой исторического регионоведения, СПбГУ; *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф., СПбГУ; *О. В. Попова*, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой политических институтов, СПбГУ; *Е. Р. Россинская*, д-р юр. наук, проф., директор Института судебных экспертиз Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина; *Р. Саква*, д-р полит. наук, проф., Кентский университет, Великобритания; *П. Тамаш*, д-р социологии, проф., Академия наук Венгрии, Венгрия; *А. Е. Шашитко*, д-р экон. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издатель

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.

Тираж 1000 экз.

Дата выхода в свет 16.08.2021 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

Чуклина Э.Ю. Криминогенная ситуация как объект уголовно-правового и криминологического воздействия	5
Славгородская О.А. Расширение возможностей получения показаний свидетелей в уголовном судопроизводстве	15
Авдеев В.Н., Александрова Л.А., Панькина И.Ю. Альтернатива уголовному преследованию в отношении несовершеннолетних обвиняемых	23

3

Актуальные проблемы современной экономики

Демченко А.М. Агентный подход к экономической политике государства в условиях фундаментальной неопределенности	31
Юстратова В.О. Связь транспортной доступности и качества жизни в сельских населенных пунктах Калининградской области	41
Пекер И.Ю. Центры генерации научных публикаций международного уровня в регионах России	49

История. Исторические науки

Кретинин Г.В., Макарычев А.С. «400 дней Восточной Пруссии» Августа Виннига: опыт конъюнктурной мемуаристики	61
Панин С.О. Участие иностранных добровольцев в Греческой революции 1821 – 1830 годов	71

Общество и политика

Зверев К.А. Политика Латвии в отношении образования на русском языке	82
Болотина И.И. Состояние государственно-гражданской идентичности в среде студенческой молодежи РФ: теоретический и прикладной аспекты	92

Рецензии

Рец. на книгу: Кретинин Г.В. Летопись Победы в Восточной Пруссии, 1944 – 1945 (Ю.В. Костяшов)	106
---	-----

CONTENTS

State and law

<i>Chuklina E. Yu.</i> Crime situation as an object of criminal law and criminological impact	5
<i>Slavgorodskaya O.A.</i> Expanding opportunities for obtaining testimony from witnesses in criminal proceedings	15
<i>Avdeev V.N., Alexandrova L.A., Pankina I. Yu.</i> Alternative to criminal prosecution against accused juveniles	23

Current economic problems

<i>Demchenko A.M.</i> Agents approach to the state economic policies in the condition of fundamental uncertainty	31
<i>Yustratova V.O.</i> The relationship between transport accessibility and quality of life in rural areas of the Kaliningrad region	41
<i>Peker I. Yu.</i> Centres for the generation of scientific publications of the international level in the regions of Russia	49

History. Historical sciences

<i>Kretinin G. V., Makarychev A. S.</i> «400 days of East Prussia» of August Winnig: an experience of opportunistic memoirs.....	61
<i>Panin S.O.</i> Participation of foreign volunteers in the Greek Revolution of 1821 – 1830	71

Society and politics

<i>Zverev K.A.</i> Latvian policy on the Russian-language education	82
<i>Bolotina I.I.</i> The state-civil identity among the student youth of the Russian Federation: theoretical and applied aspects.....	92

Reviews

Rev.: <i>Kretinin G.V.</i> Chronicle of the Victory in East Prussia, 1944 – 1945 (<i>Yu. V. Kostyashov</i>).....	106
--	-----

КРИМИНОГЕННАЯ СИТУАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Исследована криминогенная ситуация в качестве объекта направленности криминологических и уголовно-правовых мер предупреждения преступлений. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (логический и системный методы, метод анализа), а также метод формально-юридического анализа в процессе толкования норм уголовно-процессуального и уголовного закона. Автор демонстрирует растущее внимание к криминогенной ситуации, способствующей совершению преступлений как на уровне практики предупреждения преступлений, так и на законодательном уровне. Оптимальной теоретической рамкой для применяемых на практике и охраняемых законом мер, воздействующих на криминогенную ситуацию, выбрана концепция ситуационного предупреждения преступлений, цель которого – нейтрализация или сокращение во внешней по отношению к преступнику среде обстоятельств, делающих возможным совершение преступления, путем затруднения совершения преступного деяния (обеспечение охраны, ограничение доступности средств и орудий) либо уменьшения выгоды от его совершения (идентификационная маркировка, усиление наблюдения). С учетом ряда недостатков практики воздействия на криминогенную ситуацию (в частности, игнорирования причин преступного поведения и тотализации контроля) делается вывод о необходимости постоянной оценки эффективности применения таких мер.

The article investigates the crime situation as an object of focus of criminological and criminal justice measures of crime prevention. The methodology of the research relied on both general scientific methods (logical and systemic methods, method of analysis) and the method of formal legal analysis for interpreting the norms of criminal procedure and criminal law. The author demonstrates the growing attention to the crime situation, and this awareness contributes to crime prevention both at the level of regular practice and the legislation. The situational crime prevention was chosen as the optimal theoretical framework for practical and legislative measures that affect the crime situation. The purpose of situational crime prevention is to neutralize or reduce the external factors which let the criminal commit crimes more easily and introduce some barriers to it (ensuring protection, limiting the availability of funds and tools) or reduce the benefits from the criminal act (identification marks, increased surveillance). Considering a number of drawbacks in the crime-mitigation practice, in particular, ignoring the causes of criminal behavior and totalizing control, the continuous assessment of such measures is seen as an effective solution.

Ключевые слова: криминогенная ситуация, предупреждение преступлений, криминализация, контроль, ситуационная превенция

Keywords: crime situation, crime prevention, criminalization, control, situational prevention

В отечественной криминологии криминогенная ситуация рассматривается в рамках учения о механизме преступного поведения, под которым понимается связь и взаимодействие субъективных психических процессов и объективных факторов действительности, которые детерминируют решение совершить преступление, направляют и контролируют исполнение этого решения [2, с. 39; 16, с. 30; 17, с. 931]. Криминогенная ситуация, будучи совокупностью объективных условий совершения преступления, занимает промежуточное место между личностью и преступным деянием, выступая в роли катализатора криминогенной мотивации либо облегчающего совершение преступления фактора.

В российской криминологической науке обычно подчеркивается важность изучения причин, порождающих преступность, а также обстоятельств, участвующих в формировании антиобщественной установки личности и, соответственно, мер противодействия таким обстоятельствам [1; 18].

Вместе с тем практика предупреждения преступлений свидетельствует о расширении сферы применения мер, воздействующих именно на криминогенную ситуацию, а не на причины, формирующие криминальную личность. В значительной мере это связано с государственной политикой цифровизации различных отраслей и сфер деятельности [4, с. 136]. Сканеры на входе в здания железнодорожных вокзалов и аэропортов, биометрическая система данных, камеры видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, бишперы в магазинах одежды, контрольно-кассовая техника с функцией онлайн-обмена с ИФНС — лишь незначительная часть технологий, обеспечивающих высокую степень контроля, в условиях которого максимально сложно либо невозможно совершить правонарушение (преступление). Можно предположить, что апробированные в связи с пандемией COVID-19 QR-пропуска и мобильные приложения, отслеживающие перемещение граждан, в дальнейшем станут частью системы предупреждения преступлений (например, рецидива преступлений).

В этой связи актуализируется изучение криминологического и уголовно-правового воздействия на криминогенную ситуацию.

В науке зачастую криминогенная ситуация трактуется в широком смысле как конкретная жизненная ситуация, повлиявшая на решение о совершении преступления. При таком подходе ситуация включает как обстоятельства, участвующие в формировании антиобщественной установки личности (недостатки воспитания, тяжелое материальное положение, травля окружающих), так и обстоятельства, характеризующие обстановку совершения преступления (отсутствие охраны, неосвещенная улица и т. п.) [7, с. 97; 9, с. 126; 12, с. 13].

Именно такое понятие, на наш взгляд, кроется под формулировкой «обстоятельства, способствовавшие совершению преступления», которые надлежит выявлять в процессе уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 73 УПК РФ). Как правило, ученые-процессуалисты под этими обстоятельствами понимают причины и условия совершения преступления, по которому ведется уголовное производство [8]. Словосочетание «причины и условия» применялось в УПК РСФСР 1960 г. [23] и используется нередко в настоящее время в представлениях дознавателя, руководителя следственного органа, следователя и/или частных определений и суда (это можно установить, если ввести словосочетание «представление по устранению причин и условий, способствующих совершению преступления» в поисковой строке ГАС РФ «Правосудие»).

Криминалисты делят обстоятельства, способствующие совершению преступления, на две группы: 1) обстоятельства формирования личности преступника (издержки воспитания, отрицательное влияние окружения, материальное неблагополучие); 2) обстоятельства, связанные с обстановкой совершения преступления (упущения в деятельности организаций, халатность должностных лиц, природные явления) [24, с. 107]. Нетрудно заметить, что подобное понимание указанных обстоятельств совпадает с вышеприведенной трактовкой жизненной ситуации, приведшей к совершению преступления. Если обратиться к практике вынесения судом постановлений в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 29 УПК РФ, то видно, что в качестве причин совершения преступления чаще всего указывается недостаточное проведение профилактической и воспитательной работы сотрудниками полиции или уголовных инспекций в отношении лиц, склонных к совершению преступлений, и лиц с непогашенной судимостью.

Следовательно, обстоятельства, способствующие совершению преступления в смысле уголовно-процессуального закона бывают субъективными (обстоятельства формирования личности), которые могут приравняться к причинам совершения конкретного преступления, а также объективными (обстоятельства, характеризующие обстановку совершения преступления), представляющими собой факторы, облегчающие или иным образом способствующие совершению преступного деяния.

Таким образом, в случае широкой трактовки криминогенной ситуации как жизненной ситуации, приведшей к совершению преступления, происходит смешение субъективных и объективных обстоятельств. Во-первых, такой подход противоречит определению механизма преступного поведения, в котором субъективные факторы, связанные с личностью, и объективные факторы, связанные с обстановкой совершения преступления, представлены раздельно в качестве самостоятельных, но взаимовлияющих элементов. Во-вторых, в целях развития мер предупреждения преступлений оптимально акцентировать внимание на превентивных мерах, направленных либо на личность, либо на объективные, внешние по отношению к личности, обстоятельства.

Узкий подход, при котором криминогенная ситуация является совокупностью объективных условий окружающей действительности, способствующих совершению преступлений, представлен в исследованиях В.Н. Кудрявцева и В.А. Плешакова о противодействии преступности.

Так, В.Н. Кудрявцев предлагал воздействовать на особенности ситуации с целью превращения последней из способствующей реализации преступного умысла в нейтральную с помощью мер безопасности четырех видов: организационные (ревизии хозяйственной и финансовой деятельности), технические (электромагнитный и рентгеновский пропускной контроль), градостроительные (постройка ограды, ликвидация проходных дворов), специальные меры против террористических актов (повышение устойчивости объектов к диверсионно-террористическим актам) [14, с. 307].

В.А. Плешаков рассматривает меры воздействия на криминогенную ситуацию в рамках теории криминологической безопасности в качестве мер криминологической защиты, которые направлены на непосредственную защиту объектов преступного посягательства, создание осознаваемых преступником трудностей в совершении преступления, снижение заинтересованности преступника, увеличение осознаваемой преступником угрозы разоблачения и задержания [19, с. 100].

Однако следует констатировать, что в исследованиях В.Н. Кудрявцева и В.А. Плешакова меры воздействия на криминогенные ситуации не являются основным предметом, им уделено незначительное внимание.

Воздействие на криминогенные ситуации находится в центре внимания в англо-американской концепции ситуационного предупреждения преступлений (*situational crime prevention*). Она возникла на фоне популяризации идеи контроля над преступным поведением, отныне рассматриваемым как нормальное проявление воли индивида, примерно с 1970-х гг. в странах Западной Европы и Северной Америки [21, с. 113]. Предполагалось, что каждый человек гипотетически может совершить преступление, однако решение о совершении преступления в определенной мере зависит от внешних обстоятельств. Поэтому в профилактической деятельности акцент начал смещаться с индивида на повседневное взаимодействие индивидов, дизайн окружающей обстановки и контроль за поведением лиц [6, с. 342].

Теоретическую базу концепции ситуационного предупреждения составляет теория возможностей [27, р. 23], впервые провозглашенная на международном уровне в 1988 г. на конгрессе ООН по борьбе с преступностью и правонарушениями. Согласно данной теории, мотивация правонарушителя подвергается значительному влиянию окружающих обстоятельств и наличествующих возможностей [30, р. 107]. Теория возможностей, в свою очередь, включает ряд концепций, из которых особо выделяется теория рационального выбора. В соответствии с данной теорией преступление есть результат тщательного выбора, основанного на калькуляции издержек и выгод, которые может повлечь сделанный выбор. Это означает, что преступник в концепции ситуационного

предупреждения преступлений рационален и, вероятнее всего, совершит преступление только при наличии благоприятных условий и/или гарантированной выгоды.

Первичная концептуализация ситуационного предупреждения преступлений была предложена руководителем исследовательского отдела британского Министерства внутренних дел Р. Кларком в статье «Предупреждение ситуационных преступлений: теория и практика», опубликованной в 1980 г. В 1992 г. выходит первое издание книги «Ситуационное предупреждение преступлений: опыт успешных исследований» [3, с. 149].

Р. Кларк определяет ситуационное предупреждение преступлений как подход, полагающийся не на улучшение общества или его институтов, а на уменьшение возможностей для совершения преступного деяния посредством создания обстоятельств, снижающих криминальную мотивацию и затрудняющих совершение преступления [28, р. 2]. При этом важно, чтобы препятствия или невыгодность преступного поведения осознавались потенциальным преступником, иначе меры будут работать только на пресечение, а не на раннее предупреждение.

Центральное звено в превентивной деятельности отведено не столько государственным органам, сколько частным и некоммерческим организациям (школам, больницам, транспортным и производственным предприятиям, торговым площадкам, ресторанам, парковкам), чьи товары, продукты и услуги создают возможность совершения широкого круга преступлений.

Мерам ситуационного предупреждения преступлений присущи три основные характеристики, определяющие их сущность. Во-первых, это узконаправленность ситуационных мер — они призваны предупреждать специфические виды преступлений (кражи драгоценностей и денег, хищения в многоквартирных домах и т.п.). Во-вторых, превентивный механизм данных мер реализуется посредством управления элементами окружающей среды (улицами, зданиями, другими предметами материального мира), их преобразования и проектирования. В-третьих, они призваны сделать совершение преступления более затруднительным, рискованным либо менее выгодным для преступника (табл.) [29, р. 90].

Меры ситуационного предупреждения преступлений

Меры, затрудняющие совершение преступления	Меры, повышающие риск совершения преступления	Меры, уменьшающие ожидаемую выгоду	Меры, снижающие оправдание преступника
1. Дополнительная защита Устройство для отбрасывания пуль Рулевые колонки Защитные экраны	5. Проверка входа/выхода Автоматические турникеты Проверка багажа Читирование товаров	9. Перемещение объекта Удаление радио из машины Убежища для женщин Телефонная карта	13. Установление правил Таможенная декларация Правила о домогательствах Регистрация в отеле

Окончание табл.

Меры, затрудняющие совершение преступления	Меры, повышающие риск совершения преступления	Меры, уменьшающие ожидаемую выгоду	Меры, снижающие оправдание преступника
2. Контроль прохода <i>Барьеры на автостоянке</i> <i>Ограждение территорий</i> <i>Домофон</i>	6. Официальное наблюдение <i>Дорожный фоторадар</i> <i>Охранная сигнализация</i> <i>Служба охраны</i>	10. Идентификация собственности <i>Маркировка</i> <i>Транспортное лицензирование</i> <i>Клеймение скота</i>	14. Апелляция к совести <i>Придорожные спидометры</i> <i>«Мелкое воровство — это воровство»</i> <i>«Идиоты пьют и едут»</i>
3. Отвлечение правонарушителей <i>Расположение автобусных остановок / баров</i> <i>Уличные заграждения</i>	7. Наблюдение со стороны сотрудников <i>Расположение таксофонов</i> <i>Сотрудники парка</i> <i>Камеры наблюдения</i>	11. Уменьшение соблазна <i>Гендерно нейтральный подход</i> <i>Парковка в стороне от главной улицы</i> <i>Быстрый ремонт</i>	15. Сдерживающие факторы <i>Повышение возраста употребления алкоголя</i> <i>Блокировка зажигания</i> <i>V-чип (блокировка нежелательных ТВ-программ)</i>
4. Контроль криминальных факторов <i>Фотография на кредитной карте</i> <i>Оружейный контроль</i> <i>Идентификация входящих звонков</i>	8. Естественное наблюдение <i>Защищенное пространство</i> <i>Уличное освещение</i> <i>Идентификация водителей</i>	12. Тщетность попыток <i>Чернила, не пристающие к товарам</i> <i>ПИН-код для радио в автомобиле</i> <i>Очищение граффити</i>	16. Обеспечение порядка <i>Проверка на выходе из библиотеки</i> <i>Общественные туалеты</i> <i>Мусорные ведра</i>

Удачная апробация ситуационных превентивных мер в США и Западной Европе способствовала ее распространению в других странах. В руководящем документе Организации Объединенных Наций «Руководство по основным направлениям предупреждения преступлений» (далее — Руководство) меры ситуационного предупреждения преступлений были рекомендованы странам — членам ООН в качестве основного направления противодействия преступлениям наряду с социальными мерами [20].

Полагаем, что положения концепции ситуационного предупреждения адаптивна и к российской практике противодействия преступлениям, связанной с усилением контроля за гражданами.

Согласно Руководству, ситуационное предупреждение преступлений направлено на то, чтобы уменьшить возможности совершения преступлений специфических видов и увеличить вероятность их раскрытия, осознаваемую широким кругом потенциальных преступников.

Меры ситуационного предупреждения делятся на меры безопасности, которые затрудняют совершение преступления, и меры, снижающие заинтересованность в совершении преступления.

Первая группа мер включает три подгруппы, предназначенные для: 1) укрепления физической защиты объекта преступного посягательства; 2) перемещения объекта посягательства из привлекательной для преступника зоны; 3) изъятия средств совершения преступления из свободного оборота.

Меры безопасности, затрудняющие совершение преступления, давно применяются в России: физические барьеры (замки, сейфы, стальные двери, специальные упаковки товаров), контроль входов и вы-

ходов (с помощью сканеров, электронных ключ-карт, биперов), контроль над средствами совершения преступления (регламентация оборота огнестрельного оружия и боеприпасов), размещение фанатов соперничающих футбольных команд в отдельных секциях и т.п.

Вторая группа мер предусматривает меры, понижающие ценность потенциального объекта посягательства и препятствующие использованию или перепродаже незаконно приобретенного предмета с помощью несмываемых чернил, световых кодов, установления ПИН-кодов на девайсах, штрихкодирования, маркировки с внесением данных в информационные базы данных. В последнее время в России широкое распространение получила маркировка товаров, которая используется в отношении алкогольной и табачной продукции, меховых изделий, лекарственных препаратов и товаров широкого потребления в рамках национальной системы цифровой маркировки «Честный знак» [13, с. 181].

Также к ситуационным превентивным мерам относятся формы наблюдения — формальное наблюдение (полицейские патрули, дружинники, служба охраны, видеокамеры), неформальное наблюдение (консьержи, «соседский контроль») [5, с. 44], естественное наблюдение (проектирование и строительство улиц, зданий, общественных мест таким образом, чтобы они могли хорошо просматриваться) [28, р. 21].

К примеру, в России на уровне муниципальных образований и субъектов федерации продолжается внедрение и эксплуатация аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», одним из направлений реализации которого является предупреждение и выявление правонарушений посредством системы наружного видеонаблюдения.

В пределах Ростовской области по состоянию на 2019 г. «в 39 муниципальных районах и городских округах функционируют 1748 единиц технических средств видеонаблюдения», из них 1516 работают по линии охраны общественного порядка [10]. С 1 сентября 2020 г. в московском метрополитене введена система видеонаблюдения с функцией распознавания лиц [11].

Свидетельством расширения практики воздействия на криминальную ситуацию являются также ряд положений Федерального закона от 23 июня 2016 г. №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». На данный момент указанный закон является единственным базовым актом, закрепляющим правовые основы деятельности системы профилактики правонарушений. В ч. 1 ст. 15 закона одним из способов осуществления общей профилактики названы выявление и устранение причин, порождающих правонарушения, и условий, способствующих совершению правонарушений или облегчающих их совершение, их мониторинг и прогнозирование.

В ч. 1 ст. 6 закона в качестве направлений профилактики указаны охрана общественного порядка, в том числе при проведении спортивных, зрелищных и иных массовых мероприятий; обеспечение общественной безопасности, в том числе безопасности дорожного движения и транспортной безопасности; защита потенциальных объектов террористических посягательств, в том числе критически важных и (или) потенциально опасных объектов инфраструктуры и жизнеобеспече-

ния, а также мест массового пребывания людей. Эти положения свидетельствуют о внимании, которое государство уделяет минимизации и нейтрализации потенциально опасных криминогенных ситуаций, создающих удобные условия для совершения таких преступлений, как участие в массовых беспорядках, террористические акты, хищения с незаконным проникновением и др.

Ввиду того, что нарушителям нередко удается обходить технические и организационные ситуационные меры, законодатель предусматривает дополнительную защиту в виде административной и уголовной ответственности. К примеру, подделка маркировки или неисполнение обязанности маркировать товар обусловили введение ст. 12.1, 12.2, 15.12, 19.37 КоАП РФ, ст. 171.1, 325.1, 326, 327.1 УК РФ, предусматривающих наказание за незаконную манипуляцию с маркировкой товаров и имущества.

Данные нормы принимаются с целью предупредить возникновение криминогенной ситуации (к примеру, нарушения правил обеспечения безопасности особо охраняемых объектов или неконтролируемого оборота товаров), которая может привести к совершению другого, более тяжкого, преступления — диверсии, террористического акта, хищения, образования нелегального рынка сбыта. Такие нормы уголовного закона относятся к нормам с двойной превенцией, поскольку они призваны предупреждать не только запрещенные ими деяния посредством общей и частной превенции, но и другие связанные с ними преступления [22; 26].

Реализация предупредительной функции норм с двойной превенцией, воздействующих на криминогенную ситуацию, может осуществляться несколькими способами: 1) угроза уголовной ответственности побуждает к исполнению обязанностей по обеспечению требований безопасности на объекте, и тем самым вероятность возникновения криминогенной ситуации на охраняемой территории минимизируется (ст. 215, 215.4, 217, 217.1, 217.2 УК); 2) привлечение к уголовной ответственности на ранней стадии, например на стадии приискания средств, лишает лицо физической возможности совершить преступление (привлечение за приобретение оружия) либо затрудняет его совершение (привлечение за нелегальный сбыт оружия) (ст. 138.1, ч. 3 ст. 205.1, ст. 220 — 226.1, 234, 272 — 274.1, 292, ч. 2 — 4 ст. 303, 324, 325, 325.1, 327, 327.1 и 327.2 УК РФ); 3) угроза уголовным наказанием побуждает к соблюдению фискальных и других финансово-контрольных требований, что исключает возможность совершения преступлений в сфере торговли и финансовых операций (ст. 171.1, 174, 174.1, 175, ч. 1.1 ст. 205.1 в части финансирования, ст. 282.3, ч. 3 ст. 325, ст. 326 УК РФ); 4) уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению уменьшает шансы скрыться от правосудия (ст. 205.6, 293, 316 УК РФ) [25, с. 74].

Таким образом, в качестве объекта криминологического и уголовно-правового воздействия криминогенная ситуация представляет собой совокупность объективных условий, способствующих совершению преступлений, и содержательно уже жизненной ситуации, приведшей к преступному деянию. Теоретической рамкой для применяемых на практике и охраняемых законом мер, направленных на криминоген-

ную ситуацию, наилучшим образом служит концепция ситуационного предупреждения преступлений. Ввиду относительной простоты и результативности выявления объективных криминогенных факторов и воздействия на них, можно говорить о сохранении тенденции расширения мер, направленных на криминогенные ситуации, в дальнейшем. Однако, учитывая ряд недостатков подобной превентивной практики, а именно игнорирование причин преступного поведения и тотализацию контроля, необходимо осуществлять на постоянной основе оценку эффективности применения мер, в особенности закрепленных в уголовном законе, и определить границы такого применения во избежание необоснованного ограничения прав граждан.

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, проект № АААА-А19-119011190185-9.

Список литературы

1. Антонян Ю.М. Концепция причин преступности // Научный портал МВД России. 2014. №4 (28). С. 31 – 37.
2. Афанасьев П.Б., Шиян В.И. Механизм преступного поведения лиц, совершающих умышленное причинение тяжкого вреда здоровью: понятие и структура // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. №2. С. 38 – 41.
3. Ведерникова О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью (Британская криминологическая модель) : дис. ... д-ра юр. наук. М., 2001.
4. Вехов В.Б., Пастухов П.С. Преступления в информационном обществе: совершенствование расследования на основе положений электронной криминалистики // Ex Jure. 2018. №4. С. 134 – 148.
5. Грэхэм Д., Беннетт Т. Стратегии предупреждения преступности в Европе и Северной Америке. Хельсинки, 1995.
6. Гурина А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ : монография. СПб., 2018.
7. Жигарев Е.С. Механизм преступного поведения: модели и их сущность // Вестник Московского университета МВД России. 2018. №5. С. 97 – 103.
8. Иванов Д.А., Угольников А.В. Классификация обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и их значение при расследовании преступлений // Российский следователь. 2013. №2. С. 5 – 8.
9. Игнатов А.Н. О категориях «механизм преступного поведения», «механизм преступления» и «механизм совершения преступления» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. №6 – 7. С. 126 – 132.
10. Информационно-аналитическая записка о результатах оперативно-служебной деятельности ГУ МВД России по Ростовской области за 2019 г. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/1784621> (дата обращения: 20.03.2021).
11. Калугин Д. В Москве презентовали систему распознавания лиц в метро. URL: <https://mskgazeta.ru/obshchestvo/v-moskve-prezentovali-sistemu-raspoznaniya-lic-v-metro-5877.html> (дата обращения: 20.03.2021).
12. Камалова А.К. Механизм преступного поведения при совершении кражи : автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2016.
13. Корса Д.Д. Цифровая экономика Российской Федерации: особенности внедрения национальной маркировки товаров // Экономика и предпринимательство. 2019. №3 (104). С. 180 – 183.
14. Криминология : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 1997.
15. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003.

16. *Механизм преступного поведения* / Ю.М. Антонян, М.А. Барановский, П.С. Дагель [и др.] ; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1981.
17. *Новикова Ю.В.* Механизм детерминации преступного поведения как элемент криминологической характеристики преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2014. №5 (42). С. 930 – 937.
18. *Номоконов В.А.* Причины преступности в современной России: проблема обостряется // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, №2. С. 247 – 257.
19. *Плешаков В.А.* Введение в криминологическую теорию ситуаций, или ситуационную криминологию // Человек: преступление и наказание. 2012. №1 (76). С. 100 – 106.
20. *Руководство по основным направлениям предупреждения преступлений*, которые были подготовлены для представления Восьмому Конгрессу ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, Куба, 27 августа – 7 сентября 1990 г.). URL: http://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_39091.html (дата обращения: 20.03.2021).
21. *Сморгунова А.Л.* Трансформация уголовной политики в США и Великобритании (конец XX – XXI вв.) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №56. С. 127 – 136.
22. *Тагиров А.Н.* Понятие и структура преступлений с «двойной превенцией» и их влияние на профилактическую деятельность органов Следственного комитета Российской Федерации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016 №3 (13). С. 61 – 65.
23. *Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г.* URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5601.htm (дата обращения: 20.03.2021).
24. *Черепанова Л.В.* Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления: понятие, содержание // Алтайский юридический вестник. 2020. №1 (29). С. 104 – 109.
25. *Чуклина Э.Ю.* Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, система и механизм превентивного воздействия // Полицейская и следственная деятельность. 2020. №3. С. 61 – 75.
26. *Шуйский А.С.* Предупреждение преступности и уголовно-правовые нормы с двойной превенцией // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. №2. С. 106 – 110.
27. *Welsh B. C., Farrington D. P.* The Future of Crime Prevention: Developmental and Situational Strategies. 2010.
28. *Clarke R.* Situational Crime Prevention: Successful Case Studies. N. Y., 1997.
29. *Cornish D., Clarke R.* Opportunities, Precipitators and Criminal Decisions: a Replay to Wortley's Critique of Situational Crime Prevention // Crime Prevention Studies. 2003. Vol. 16. P. 41 – 96.
30. *Tilley N.* Crime Prevention. Cullompton, 2009.

Об авторе

Элена Юрьевна Чуклина — мл. науч. сотр., Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Россия.

E-mail: die_sehnsucht@mail.ru

The author

Elena Yu. Chuklina, Junior Scientific Associate, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: die_sehnsucht@mail.ru

О. А. Славгородская

РАСШИРЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПОЛУЧЕНИЯ ПОКАЗАНИЙ
СВИДЕТЕЛЕЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

15

Вопросы повышения качества расследования преступлений неразрывно связаны с повышением качества доказывания и получения доказательств. Специфичность показаний свидетелей требует дальнейшего совершенствования криминалистического обеспечения процесса их получения. Цель проведенного исследования была обусловлена необходимостью рассмотрения тактических возможностей получения объективных показаний свидетелей. При анализе перспектив совершенствования тактики допроса использовалась принадлежность свидетеля к определенной группе. В статье рассмотрены общие вопросы характеризующие содержание информации и ее базовые элементы. Применение диалектического и сравнительного методов исследования позволило выявить перспективные направления совершенствования тактики проведения допроса и возможности использования полученных разработок в рамках осуществления административного расследования. На основе анализа выделенных категорий очевидцев расследуемого события определены возможности повышения объективности получаемых от данных лиц показаний.

Improving the quality of crime investigation is tightly linked with improving the quality of evidence gathering. The nature of the witness testimony requires further improvement of the forensic support to the process of evidence obtaining. The purpose of the study was determined by the need to consider the tactical possibilities of obtaining objective testimony from witnesses. While analyzing the ways to improve the interrogation tactics, the research considered social groups the witnesses belonged to. The article discusses general issues of the content of information and its basic elements. Dialectical and comparative research methods helped to define ways to improve the tactics of interrogation and the likelihood of applying the findings to administrative investigation. The analysis of the selected categories of crime witnesses has determined the strategies of improving the testimony objectivity.

Ключевые слова: информация, допрос, очевидец, свидетель, показания, расследование

Keywords: information, interrogation, eyewitness, witness, testimony, investigation

Одним из направлений реализации прикладного характера криминалистики выступает совершенствование процесса доказывания при производстве расследования по уголовным делам. Именно на данное направление деятельности указывали Р. С. Белкин и А. И. Винберг, подчеркивая, что «методы криминалистики и разрабатываемые ею методы судебного исследования составляют существенный элемент методологии доказывания» [2, с. 12].

Посредством выполнения обеспечительной функции криминалистики происходит совершенствование и развитие процесса доказывания. Оценивая криминалистическую составляющую этого процесса, необходимо обращать внимание на все элементы деятельности по получению, закреплению, исследованию информации и ее трансформации в деятельность по принятию и обоснованию всех решений по уголовному делу [9, с. 24].

Установление обстоятельств расследуемого события, реализуемое путем сбора, оценки, использования доказательственной информации, с одной стороны, осуществляется под воздействием жестких правовых требований и предписаний, а с другой — оставляет лицу, осуществляющему расследование, свободу выбора средств и методов сбора доказательственной информации. Определение возможностей получения доказательственной информации в рамках разрешенной деятельности требует от лица, осуществляющего расследование, умений ориентироваться в сложившейся ситуации и принимать тактически обоснованное решение.

При оценке эффективности способов получения различных видов доказательственной информации очевидно, что одну из лидирующих позиций занимает проведение допросов.

Исследователями временных затрат рабочего времени следователя было установлено, что допрос занимает 27,3 % рабочего времени [8, с. 127]. Подобный показатель сохраняется до настоящего времени. Распространенность данного следственного действия с точки зрения получения доказательств объясняется спецификой получаемой информации и ее ролью в процессе доказывания. Причем криминалистические основы проведения допроса в настоящее время выходят за рамки только уголовного судопроизводства и начинают все активнее реализовываться в деятельности по проведению административного расследования, в частности — при проведении основанного на его тактических основах опроса [3]. Подобное расширение границ криминалистического влияния на получение информации во всех видах деятельности, связанной с процессом доказывания, требует дальнейшего совершенствования существующих разработок.

Характеризуя последовательность действий при формировании доказательств посредством получения информации от свидетелей, следует придерживаться определенного алгоритма.

Во-первых, это выполнение действий, направленных на выявление тех лиц, которые потенциально обладают необходимой информацией; во-вторых, организация получения показаний от установленных лиц; в-третьих, сам процесс получения от установленных лиц криминалистически значимой информации.

Каждый из указанных этапов обладает определенными особенностями, учет которых позволяет повысить качество получаемых показаний. Однако базовую характеристику любого из этих этапов содержания составляет получаемая или прогнозируемая информация.

При определении содержания информации в криминалистике принято оперировать термином «информационный сигнал», который

используется в сочетании с его доказательственным содержанием. Определение «Содержание доказательства — это заключающаяся в нем как в информационном сигнале доказательственная информация» наиболее точно передает его внутреннее содержание и значение [1, с. 291].

Реализация информационного сигнала возможна различными способами, в том числе и посредством человеческой речи. Передача сведений о событии, которое лицо наблюдало, происходит как передача информации о внешней стороне исследуемого явления и облекается в форму речевых элементов, фиксируемых затем как показания.

Р.С. Белкин и А.И. Винберг подчеркивали, что сами свидетельские показания «есть еще не сам информационный сигнал, а зашифрованная словесным кодом форма его выражения» [2, с. 177–178]. Следовательно, определение информационного сигнала неразрывно связано с процессом формирования доказательств. Определенное событие, отраженное в сознании лица, — это и есть информационный сигнал и одновременно будущее доказательство, основанное на сформировавшемся информационном сигнале [6, с. 36].

Поскольку в процессе получения доказательств происходит трансформация информационного сигнала в речевую форму, то в силу особенности происходящего процесса он не свободен от возможных искажений и трансформации. Именно подобными обстоятельствами и определяется актуальность продолжающихся поисков наиболее эффективных критериев получения объективных показаний от свидетелей.

Обеспечение объективности показаний требует перевода образов, возникающих в сознании лица под воздействием события преступления, в форму, доступную для восприятия и использования. Объективность непосредственно связана с достоверностью, обеспечить которую должны существующие методы криминалистики, реализуемые в законодательно определенных рамках [10, с. 126].

При исследовании вопросов, определяющих степень осведомленности определенного лица о событии преступления, закономерным образом следует определять подобную осведомленность как сферу, характеризующую сознание человека, память и все взаимосвязанные элементы. В связи с этим речь идет не о внешнем или внутреннем строении объектов и возможностей получения определенной информации, а о специфике получения необходимой информации на основе использования знаний об особенностях памяти и сознания.

Специфичность допроса и проводимого по его тактическим основам опроса имеет сложную природу в части формирования информационной составляющей. Сведения, получаемые при проведении допроса, имеют личностную окраску и несут на себя отпечаток непосредственного восприятия события тем лицом, которое в последующем и передает информацию лицу, осуществляющему расследование. Особенно характерно это для допроса свидетелей.

Исходя из имеющихся сложностей, целесообразно вести речь о необходимости классификации свидетелей для формирования рекомендаций, направленных на оптимизацию получения доказательств.

венной информации. Свидетели, особенно свидетели-очевидцы, оказываются непосредственно включенными в процесс расследуемого или устанавливаемого события, в связи с чем представляет интерес выделение отдельных категорий этих лиц.

Традиционным вариантом прикладного характера следует признать деление свидетелей на активных и пассивных очевидцев [7, с. 454 – 455]. Данные категории характеризуются не только различными особенностями восприятия, формирующимися под воздействием уровня их вовлеченности в процесс расследуемого события, но также и своим посткриминальным поведением, которое определяет как их стремление сообщить криминалистически значимую информацию, а так и ее качество и объем.

Действительно, при получении информации от активных свидетелей-очевидцев следует учитывать их включенность в процесс расследуемого события и, как результат, возможность искажения сообщаемой информации под влиянием эмоционального напряжения. Лицу, осуществляющему расследование, необходимо принимать в расчет данные обстоятельства и использовать тактические приемы, позволяющие получать наиболее полные и точные показания от данной категории свидетелей.

Свидетели-очевидцы, относящиеся к категории пассивных, могут реализовывать свою осведомленность в отношении расследуемого события различными способами.

Первая ситуация возникает в случае, когда пассивное поведение лица относительно события стало следствием совокупности объективных условий, не позволивших ему активно участвовать в самой ситуации, однако отношение лица характеризуется стремлением к максимальному содействию в установлении картины происшедшего события и значительным объемом информации, в соответствии с имевшимися у него возможностями восприятия.

Данные сведения преимущественно требуют детализации и конкретизации, реализуемых в постановке определенного вида вопросов для выявления области максимальной информированности.

При получении информации от пассивных свидетелей-очевидцев необходимо учитывать, что один из вариантов их поведения при допросе — это минимизация сообщаемых сведений, поскольку пассивные очевидцы, испытывая угрызения совести в отношении иногда недостаточно приемлемого поведения, выразившегося в отстраненности, неказании помощи при имевшейся для этого возможности, стараются ограничить сообщаемые сведения незначительной информацией, поскольку при расширении сведений им приходится описывать свою роль, что может доставлять некоторым лицам определенный психологический дискомфорт.

В отношении подобных свидетелей следует придерживаться разъяснительной линии ведения допроса, акцентировать их внимание на важности информации, сообщаемой свидетелем для установления истины. Обращение к положительным качествам личности в совокупности с данным методом расширит зону осведомленности о происшедшем событии.

Наименее благоприятный вариант в поведении пассивных очевидцев — это сокрытие своей осведомленности относительно расследуемого события. Подобная модель поведения складывается у указанной категории лиц под влиянием нескольких групп факторов, причем часть этих факторов зачастую оказывает влияние и на позиции активных очевидцев, а часть — характеризует особенности поведения только пассивных очевидцев, которые могли, но не стали принимать активное участие в предотвращении преступления, устранении его негативных последствий и т. п.

К числу факторов общего характера, способных оказать влияние на отношение к процессу расследования и поведение очевидцев, следует отнести то обстоятельство, что свидетель, участвуя в процессе расследования по уголовным делам, приобретает статус участника правоотношений.

Правовой статус традиционно включает в свой состав гражданство; правоспособность; права, не опосредованные субъективными правами; законные интересы; обязанности; гарантии, обеспечивающие осуществление прав, защиту интересов и исполнение обязанностей; ответственность [5, с. 54].

Признание свидетеля в качестве участника правоотношений требует обязательного урегулирования комплекса проблем, возникающих в процессе правоприменения. Подобными действиями реализуются защитительные функции уголовного процесса по обеспечению прав всех граждан, которые попадают в поле деятельности по осуществлению уголовного расследования [4, с. 211].

Получение лицом процессуального статуса свидетеля неразрывно связано с возникновением ряда обязанностей. Участник правоотношений, не исполняющий обязанности или исполняющий их ненадлежащим образом, может потенциально быть привлечен к ответственности. В связи с этим у очевидца расследуемого события может сформироваться негативное отношение к вступлению в уголовно-процессуальные правоотношения в качестве свидетеля и желание всячески скрыть свою информированность в отношении исследуемых обстоятельств. Подобный вариант поведения любой категории очевидцев требует от правоохранительных органов принятия мер, направленных на их выявление и даже розыск.

Пассивные очевидцы, не проявившие никакого участия в предотвращении события преступления или его последствий, могут дополнительно активизировать все свои усилия в направлении сокрытия информационной осведомленности. На создание такой ситуации оказывает влияние страх, нежелание вмешиваться и просто то, что лицо предпочитает занимать пассивную позицию по отношению к событиям и явлениям окружающего мира.

Кроме психологически пассивного отношения к жизни и окружающим, в подобной ситуации этому могут способствовать запоздалое раскаяние, угрызения совести и чувство стыда за то, что они будут выглядеть в глазах окружающих не в самом позитивном свете.

Выполнение задачи по выявлению и проведению розыска лиц, потенциально обладающих необходимой для расследования информацией свидетелей, требует основательного тактического и технического обеспечения. В ходе этой работы целесообразно не только решать организационные задачи в рамках реализации тактической операции, но и использовать возможности современных автоматизированных информационно-поисковых систем идентификации человека по изображению лица, таких как «Образ», «Портрет-Поиск», программно-технический комплекс «Сова». Данные комплексы успешно используются для идентификации личности по изображениям. Одним из направлений использования данных систем является установление лиц, находившихся на месте расследуемого преступления с последующей их идентификацией и розыском [11].

Деятельность лиц, осуществляющих расследование, требует методического обеспечения тактических операций, направленных на выявление очевидцев. Полноценно проводимая тактическая операция позволит повысить качество расследования, поскольку выявленные и установленные очевидцы могут обеспечить расследование новыми данными, имеющими значение для установления истины.

К способам сокрытия информации относительно расследуемого события следует отнести и косвенное оказание противодействия, выражающееся в утаивании известной лицу информации. Этот вариант проявляется во внешнем желании оказания содействия при полном отсутствии значимых сведений. Лицо указывает при этом на негативные факторы, неблагоприятно повлиявшие на его восприятие — непродолжительность, местонахождение, условия, физическое или психическое состояние очевидца и т.п. Результатом подобного поведения является то, что лицо не сообщает никаких сведений, но в то же время формально выполняет свою процессуальную обязанность и не отказывается от дачи показаний.

В подобных ситуациях тактические основы возможности получения показаний должны быть ориентированы на использование подхода, ориентированного на обращение к положительным качествам личности, использование метода аналогий по оказанию помощи в расследовании и в определенных ситуациях применение ассоциативных связей, которые в большей степени могут способствовать снятию психологического напряжения.

Формирование модели негативного отношения к процессу дачи показаний основано на существующем нигилистическом образе, который возникает по отношению к процессу свидетельствования. Этот образ обусловлен сложностями компенсационного процесса, нежеланием нести временные и эмоциональные затраты, а также отсутствием уверенности в должном уровне необходимой защиты.

Одновременно со стороны лиц, производящих расследование, негативное отношение к свидетельским показаниям и снижение объема их использования в качестве доказательств основано на возрастающем уровне недоверия к объективности информации, сообщаемой свидетелем, и возможности последующего изменения ранее данных показаний.

Результаты проведенных нами исследований показывают, что в настоящее время наиболее распространенными видами угроз, применяемых в отношении свидетелей, являются угрозы физической расправы над самим свидетелем, угроза уничтожения имущества, физическая расправа над родными и близкими, психическое насилие.

В ходе анкетирования следователей Следственного комитета РФ и органов МВД по Саратовской, Оренбургской и Рязанской областям в качестве наиболее распространенных видов угроз в отношении свидетелей назывались: физическая расправа над самим свидетелем, угроза уничтожения имущества и психическое насилие.

Разделение свидетелей-очевидцев на пассивных и активных влияет не только на интерпретацию показаний, формируемых под влиянием степени личного участия в событии и оценки происшедшего, но и на тот факт, станут ли лица, которые располагают определенной информацией о совершенном преступлении, доводить до правоохранительных органов либо заинтересованных в их показаниях лиц свою осведомленность относительно события преступления.

Тактические приемы по выявлению, обеспечению участия в расследовании, получению показаний от свидетелей расследуемого или устанавливаемого события, основанные на рассмотренной классификации очевидцев, представляют одно из перспективных направлений криминалистического обеспечения уголовно-процессуального и административного расследования.

Список литературы

1. Белкин Р. С. Избранные труды. М., 2008.
2. Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М., 1969.
3. Голованов А. А. Криминалистическое обеспечение административного расследования: основные направления // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2006. Вып. 9. С. 68–75.
4. Комиссаров В. И. Защита прав и свобод свидетелей и потерпевших в уголовном судопроизводстве // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения : матер. науч.-практ. конф. (3–4 октября 2001 г.) / под ред. А. И. Демидова. Саратов, 2001. С. 210–212.
5. Корнуков В. М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1987.
6. Криминалистика : учебник для вузов / отв. ред. Н. П. Яблоков. М., 1995.
7. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. М., 1999.
8. Михайлов А. И., Соловьев А. Б., Соя-Серко Л. А. Научная организация труда следователя. М., 1974.
9. Новик В. В. Криминалистические аспекты доказывания по уголовным делам: проблемы теории и практики. СПб., 2005.
10. Панькина И. Ю. Взаимосвязь методологии познания и доказывания в уголовном процессе и криминалистике // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 2. С. 122–129.

11. Щеголева Н.Л., Туяка А. К вопросу совершенствования современных габитоскопических регистрационно-поисковых систем // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. №3 (59). С. 223—231.

Об авторе

Ольга Александровна Славгородская — канд. юр. наук, доц., Саратовская государственная юридическая академия, Россия.

E-mail: slavkur-hc@yandex.ru

The author

Dr Olga A. Slavgorodskaya, Associate Professor, Saratov State Law Academy, Russia.

E-mail: slavkur-hc@yandex.ru

В. Н. Авдеев, Л. А. Александрова, И. Ю. Панькина

АЛЬТЕРНАТИВА УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОБВИНЯЕМЫХ

23

Рассмотрен вопрос о необходимости введения медиации как альтернативы уголовному преследованию. Авторы ставят цель доказать своевременность применения медиации в уголовном процессе, изменения концепции уголовного преследования в отношении несовершеннолетних обвиняемых. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы: логический и системный методы, анализ и сравнение. Авторы утверждают, что медиация возможна только в отношении несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет. Анализируется система критериев медиации. Представлены результаты ее анализа, основанные как на теоретических постулатах уголовного процесса, так и на эмпирической основе (опрос и анкетирование субъектов правоохранительных органов Калининградской области).

The article questions the need to introduce mediation as an alternative for criminal prosecution. The author of the article aims to prove the urgency of mediation for the criminal process, changing the concept of criminal prosecution in relation to accused juveniles. Methodologically, the article relies on general scientific methods: logical and systemic ones, the method of analysis and comparison. The author argues that mediation is possible only in relation to minors aged 14 to 16 years. The mediation criteria system is analyzed and the obtained results are based both on the theoretical postulates of the criminal process and on an empirical basis (a survey was conducted among the subjects of law enforcement agencies of the Kaliningrad region).

Ключевые слова: уголовное преследование, несовершеннолетние лица, альтернативы преследованию, медиация, критерии медиации

Keywords: criminal prosecution, minors, alternatives to prosecution, mediation, criteria for mediation

Традиционный уголовный процесс не может обеспечить полного разрешения уголовно-правового конфликта, когда сталкиваются совершенно противоположные интересы. Привлечение к уголовной ответственности и назначение наказания не всегда эффективно разрешают уголовно-правовой конфликт, а в совокупности с текущим состоянием пенитенциарной системы не помогают достичь цели превенции, не говоря об интересах потерпевшего. Надо отметить, что вопросы уголовного преследования и в настоящее время исследуются учеными с точки зрения, например, ее понятия и структуры [11], начала возникновения уголовного преследования [10], функции субъектов стороны обвинения [13], критериев разделения ее на виды и формы [1].

Поиск альтернатив уголовному преследованию также обусловлен большой долей преступлений небольшой и средней тяжести, по кото-

рым часто используются альтернативные формы разрешения уголовного дела. Так, в целом по России указанные категории преступлений, несмотря на снижение их числа в 2020 г. до 1,5 млн (–3,2 %), имеют в массиве преступности долю более 72 % [17]. Что касается Калининградской области, то в структуре зарегистрированных преступлений их доля составляет ровно 72 %.

Совокупный массив преступлений несовершеннолетних в 2020 г. составил 37771 (–9,1 %). При этом доля преступлений небольшой и средней тяжести – 74 % (27974) [17]. На территории Калининградской области соответствующие преступления, совершенные несовершеннолетними, составили непосредственно 77 %.

Известно, что места лишения свободы не способствуют исправлению осужденных несовершеннолетних лиц, а в большинстве случаев наоборот – порождают рецидивы. Сейчас уголовное судопроизводство ведет поиск альтернатив уголовному преследованию и оптимального соотношения с традиционными институтами для полного восстановления прав потерпевшего и реабилитации преступника.

Современному уголовному процессу известны два типа уголовного преследования. Первый – *традиционный*, в основе которого лежат принципы законности и публичности. Именно они диктуют прямую линию уголовного преследования – от возбуждения уголовного дела через привлечение лица в качестве обвиняемого до вынесения итогового обвинительного документа субъектом предварительного расследования.

Таким образом, в настоящее время в основу уголовного процесса в России положены публичные начала, содержащие в себе публичный интерес и порядок его реализации. При этом сущность публичности состоит в *обязанности стороны обвинения* осуществлять уголовное преследование при обнаружении признаков преступления независимо от волеизъявления других участников уголовного процесса.

В результате в уголовном процессе выделяется три вида уголовного преследования: *частное, частно-публичное и публичное* (ч. 1 ст. 20 УПК РФ). При этом, как отмечается в п. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 г. №7-П [12], введение дифференциации уголовного преследования, учитывая характер преступления, его общественную опасность, сочетание затрагиваемых деяниями общественных и индивидуальных интересов, направлено на то, чтобы более полно обеспечить права и свободы человека и гражданина, а также предотвратить нежелательные для пострадавшего последствия его участия в уголовном процессе.

Но существует и *второй тип* уголовного преследования. В его основе лежит принцип целесообразности. Исследование сущности и содержания соответствующего принципа было представлено еще в 2002 г. профессором Л. В. Головки [6]. Мы присоединяемся к его мнению о том, что именно принцип целесообразности дает возможности реализации медиации как альтернативы уголовному преследованию в российском уголовном процессе.

Опрос сотрудников прокуратур Калининградской области, проведенный нами, показал, что почти 61 % респондентов считают медиацию дублированием института примирения сторон (ст. 25 УПК РФ). Но результаты анкетирования этой же аудитории показали, что респонденты не в полной мере понимают механизм применения медиации. И, как следствие, не могут отличить элементы института примирения от института медиации. Конечно, мы также понимаем, что на данный момент социум пока не готов к введению такого института. Но «лоскутная» концепция уголовного процесса в настоящее время заставляет искать пути реформирования как в целом, так и в части отдельных ее институтов для выполнения назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

В данной статье мы представляем определенные элементы медиации как альтернативы уголовному преследованию в отношении несовершеннолетних лиц. Так, для передачи дел медиатору необходимо соблюдение определенных групп критериев.

Первая группа критериев относится к субъекту применения медиации. Учитывая опыт зарубежных стран на этапе становления медиации, мы полагаем, что данная процедура возможна только в отношении несовершеннолетних лиц от 14 до 16 лет. Выбор данного круга лиц обусловлен подвижностью их эмоционального состояния, а также неокрепшим сознанием. Именно эти лица больше всего подвержены изменению и готовы к реабилитации и ресоциализации. Такого же мнения придерживались 40 % из опрошенных нами сотрудников прокуратур Калининградской области.

Также медиация не может проводиться по делам, где отсутствует потерпевший как физическое лицо. Ведь для процедуры медиации требуется примирение сторон, где стороны должны проявить свое согласие в установленной законом форме.

Вторая группа критериев относится к совершенному преступлению: его тяжесть; наличие элемента публичности (публичный интерес); совершение преступления впервые.

Медиация распространяется на дела небольшой и средней тяжести. Исключение составляют тяжкие преступления имущественного характера. В основном тяжесть таких деяний заключается в значительном размере имущественного ущерба. В подобных преступлениях потерпевший, как правило, заинтересован не в наказании преступника, а в возмещении вреда от преступления [2]. Примером может быть ч. 3 ст. 158 УК РФ (см.: [3]). Тем не менее мы должны отметить, что, по данным опроса, 80 % респондентов-сотрудников прокуратур Калининградской области считают медиацию приемлемой по преступлениям небольшой тяжести и лишь 20 % — по делам средней тяжести.

Кроме того, дела небольшой и средней тяжести обычно относятся к делам частного и частно-публичного характера. И в данном случае, чтобы не возникло проблемы с механизмом возбуждения и прекращения дел данной категории, нам представляется необходимым исключить такую форму уголовного преследования, как частное преследование (ч. 2 ст. 20 УПК РФ). При посягательстве на общественные интере-

сы, когда потерпевшим может выступать юридическое лицо, дело относится к категории дел публичного обвинения. Если несовершеннолетнее лицо посягает на интересы частного (физического) лица, то дело относится к категории дел частно-публичного обвинения [9; 15].

Важным критерием для передачи дела является то, что несовершеннолетний должен был впервые совершить преступление. Этому же мнению придерживаются 100 % процентов опрошенных нами сотрудников прокуратур Калининградской области.

На наш взгляд, применение медиации необходимо после возбуждения уголовного дела. Решение о передаче дела в службу медиации принимается лицом, осуществляющим производство по делу. Если дело находится у следователя, то решение принимается с согласия руководителя следственного органа, если же дело находится в производстве у дознавателя, то — с согласия прокурора. Процедура должна инициироваться одной из сторон конфликта, но для начала медиации необходимо согласие второй стороны. В решении должны быть указаны фабула дела, основания для медиации, учреждение, которое проводит медиацию, и материалы, передаваемые на процедуру медиации, а также сроки проведения медиации.

Третья группа критериев относится к медиатору как специалисту уголовного процесса. Так, необходимо определить на законодательном уровне выбор организации, которая проводит примирение, и объем материалов, который передается на процедуру медиацию. В первую очередь медиатору должны быть представлены материалы, которые устанавливают событие преступления [14]. Это могут быть разные документы — от постановления о возбуждении уголовного дела до обвинительного акта в зависимости от стадии уголовного процесса, на котором инициируется медиация. Также медиатор по своему усмотрению может запрашивать документы, необходимые для разрешения уголовного дела и примирения сторон [15, с. 92].

Для медиации в уголовном процессе необходим профессиональный медиатор — представитель специализированной организации по примирению. Он должен обладать специальными навыками в области конфликтологии, психологии и юриспруденции. Такие знания и навыки медиатора позволят участникам конфликта разрешить конфликт не только в формальном плане, но и на уровне эмоций. Основная особенность деятельности данного специалиста состоит в том, что он не является лицом, принимающим процессуальные решения при проведении медиации. Главная задача медиатора в процессе примирения — привести стороны конфликта к взаимовыгодному решению. В своей деятельности медиатор должен руководствоваться принципами добросовестности и беспристрастия [4, с. 67].

По нашему мнению, медиатора необходимо наделить полномочиями специалиста уголовного процесса (ст. 58 УПК РФ). Медиатором должно быть физическое лицо, независимое и незаинтересованное в исходе дела, а также обладающее специальными знаниями и навыками по проведению процедуры медиации.

К медиатору следует предъявить ряд требований. Он должен иметь достаточное образование и жизненный опыт, чтобы провести процедуру медиации [3]. Требования определены в ст. 11 модельного закона субъекта РФ «О службе примирения»:

- умение устанавливать коммуникацию между сторонами в конфликтной ситуации, настраивать психологический контакт между сторонами медиации;
- умение анализировать информацию и выявлять из нее конструктивные идеи;
- умение управлять дискуссией, поддерживать ее и направлять к достижению соглашения;
- достаточный жизненный опыт, который позволяет анализировать чужие проблемы и понимать трудности других людей;
- знание основ правового регулирования, основ судопроизводства и судостроительства [4].

При установлении прав и обязанностей медиатора необходимо обратить внимание на саму специфику медиации. Так, к правам медиатора необходимо отнести следующие:

- на получение полной информации о конфликте, который передан на медиацию;
- на доступ к материалам дела, переданного на медиацию;
- на проведение мероприятий по регулированию конфликта и разрешению уголовного дела.

К обязанностям необходимо отнести:

- соблюдать конфиденциальность информации, полученной в ходе проведения процедуры: медиатор не вправе разглашать сведения, ставшие известными в ходе проведения медиации. Данное положение относится как к третьим лицам, не участвующим в процедуре медиации, так и к правоохранительным органам и должностным лицам, ведущим производство по делу;
- разъяснить сторонам суть проведения процедуры;
- беспристрастно и одинаково относиться к обеим сторонам конфликта.

Также необходимо определить круг лиц, участвующих в медиации по уголовным делам. Основными лицами в медиации являются стороны (обвиняемый и потерпевший), а также сам медиатор. Участие сторон является обязательным. Кроме них в медиации могут участвовать защитники, адвокаты, представители, родственники и иные лица, которым сторона доверяет.

В настоящее время более чем в 52 субъектах Российской Федерации используются процедуры медиации для несовершеннолетних лиц [7]. Так, интересен опыт Ивановской области, где судья поручает специалисту из органов соцзащиты или специалисту из комиссии по делам несовершеннолетних составить характеристику обвиняемого и выступить посредником в процедуре примирения. Комиссия по делам несовершеннолетних проводит медиацию, результатом которой является соглашение. Данные документы направляются в суд для приобщения к материалам дела. Положительный результат такой процедуры может

быть учтен судом для принятия решения о прекращении уголовного дела или как смягчающее обстоятельство. На основании данного соглашения подготавливается индивидуальный план реабилитации несовершеннолетнего, который оформляется в виде частного определения [8].

Вместе с тем возникает вопрос о контроле над деятельностью медиаторов в сфере разрешения уголовно-правовых конфликтов. Учитывая специфику уголовного судопроизводства, мы считаем необходимым установление контроля над сферой медиации в уголовном процессе. В связи с этим нужно создать специализированный орган (органы), объединяющий лиц, осуществляющих медиацию. Предполагается, что такая организация должна иметь государственную основу, то есть относиться к органам исполнительной власти. С этим мнением согласились 70 % сотрудников прокуратур. Также внимания заслуживает то, что 33,3 % опрошенных выбрали вариант, где роль медиации отведена прокурору. Надо отметить, что многие авторы [5; 7; 16] придерживаются именно такого варианта, где прокуратура в лице соответствующего прокурора будет иметь полномочия по вынесению итогового решения при процедуре медиации в случае, если уголовное дело не было передано в суд. В связи с этим мы выделяем два начала медиации — на стадии предварительного расследования и стадии судебного разбирательства.

В завершение хотелось бы сказать, что на данный момент можно говорить о назревшей необходимости во внедрении экспериментальной модели медиации как альтернативы уголовному преследованию для несовершеннолетних лиц, которая производится по впервые совершенным делам частно-публичного или публичного обвинения.

Таким образом, на данный момент можно говорить о созревшей необходимости во внедрении экспериментальной модели медиации как альтернативы уголовному преследованию для несовершеннолетних лиц, которая производится по впервые совершенным делам частно-публичного или публичного обвинения.

Список литературы

1. Агабеков К. С. Критерии разделения уголовного преследования на виды и формы // Публичное и частное право. 2018. №3. С. 93–100.
2. Арутюнян А. А. Концепция восстановительной юстиции и медиация в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2011. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-vosstanovitelnoy-yustitsii-i-mediatsiya-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 22.06.2021).
3. Волосова Н. Ю., Барабанова Т. С. Вопросы использования процедуры медиации в уголовном процессе // Вестник ОГУ. 2013. №3 (152). С. 43–47.
4. Воскобитова Л. А. Модельный закон субъекта РФ «О службе примирения» // Вестник восстановительного правосудия. 2006. Вып. 6. С. 65–73.
5. Гатауллин З. Ш. Понятие и содержание уголовного преследования в состязательном судопроизводстве // Вестник КРУ МВД России. 2017. №4 (38). С. 51–55.
6. Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве : монография. М., 2002.

7. Деришев Ю.В., Забуга Е.Е. Потенциал прокуратуры России в сфере уголовной юстиции (на примере медиационной практики зарубежных стран) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. №1 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-prokuratury-rossii-v-sfere-ugolovnoy-yustitsii-na-primere-mediatsionnoy-praktiki-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 21.06.2021).

8. Доктринальный проект модельного закона субъекта Российской Федерации «О службе примирения». URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/15100-doktrinalnyj-proekt-modelnogo-zakona-subekta-rossijskoj-federacii> (дата обращения: 21.06.2021).

9. Жук О.Д. Формы и виды уголовного преследования // Вестник Московского университета МВД России. 2015. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-i-vidy-ugolovnogo-presledovaniya> (дата обращения: 21.06.2021).

10. Картохина О.А. Содержание и начальный момент уголовного преследования // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Право. 2005. №8 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-nachalnyy-moment-ugolovnogo-presledovaniya> (дата обращения: 19.05.2021).

11. Малахова Л.И., Коврига З.Ф. О понятии и структуре уголовно- процессуальной деятельности // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/z-f-kovriga-o-ponyatii-i-strukture-ugolovno-prot-sessualnoy-deyatelnosti-1> (дата обращения: 19.05.2021).

12. По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска : постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. №7-П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54270/ (дата обращения: 25.05.2021).

13. Салихов И.Р. Уголовное преследование как одна из функций органов прокуратуры Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnoe-presledovanie-kak-odna-iz-funktsiy-organov-prokuratury-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 15.05.2021).

14. Смирнова И.Г. Медиация: тернистый путь в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2011. №350. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-ternisty-put-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 15.05.2021).

15. Спирин А.В. Публичный интерес в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. №1 (88). С. 91 – 104.

16. Халиулин А.Г. Уголовно-процессуальное законодательство России о деятельности прокурора // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. №3 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-protsessualnoe-zakonodatelstvo-rossii-o-deyatelnosti-prokurora> (дата обращения: 18.05.2021).

17. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2020 года / Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/078/sbornik_12_2020.pdf (дата обращения: 21.06.2021).

Об авторах

Виктор Николаевич Авдеев — канд. юр. наук, доц., Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Россия.

E-mail: viktor.avdeev.1969@mail.ru

Людмила Анатольевна Александрова — канд. юр. наук, доц., Уральский государственный юридический университет, Россия.

E-mail: ml1970@yandex.ru

Инга Юрьевна Панькина — канд. юр. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: iupanjkina@yandex.ru

The authors

Dr Victor N. Avdeev, Associate Professor, Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia.

E-mail: viktor.avdeev.1969@mail.ru

Dr Lyudmila A. Alexandrova, Associate Professor, Ural State Law University, Russia.

E-mail: ml1970@yandex.ru

Dr Inga Yu. Pankina, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: iupanjkina@yandex.ru

УДК 338.22.01

А. М. Демченко

АГЕНТНЫЙ ПОДХОД К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

31

Проводится анализ подходов к пониманию термина «экономическая политика». Автор исходит из того, что государство выступает специфическим экономическим агентом; в этом качестве оно, с одной стороны, обладает правом на прямое формирование формальных институтов национальной экономики, с другой — само является одним из элементов данного сектора мировой социально-экономической системы. Предложено авторское определение режима экономической политики — совокупность правил, мероприятий, норм для достижения макроцели развития страны через совершенствование ее экономической системы. При подобном подходе становится возможной корректировка экономической политики путем изменения ее режимов в случае, если в заранее установленный период целевые показатели не были по каким-либо причинам достигнуты. Внешнюю среду, в которой государство выступает как экономический агент, автор предлагает разделить на две зоны: 1) часть мирового экономического пространства, на регулирование которой конкретное государство как экономический агент имеет полномочия; 2) часть мирового экономического пространства, в которой данное государство не имеет полномочий на прямое установление формальных институтов. В качестве основы для измерения качества экономической политики предлагается использовать критерий соотношения экономической политики государства макроцелям развития страны.

The article analyses approaches to understanding the term "economic policies". The author proceeds from the fact that the state acts as a specific economic agent and, being the economic agent, on the one hand has the right to establish formal institutions of the national economics, and on the other hand, it itself is one of the elements of this sector of the global socio-economics system. The article proposes the author's definition of the economic policies regimes, which is understood as a set of rules, measures, norms to achieve the macro-goal of the country's growth through the development of its economic system. With this approach, it becomes possible to adjust the economic policies by changing their regimes if, for a predetermined period of time, the target indicators are not achieved for any reason. The author proposes to divide the external environment in which the state acts as an economic agent into two spaces. The first is that part of the world economic area, which stays under the authority of a particular state as an economic agent. The second space is a part of the global economic area where this state does not have the authority to directly establish formal institutions. The criterion of correlation of the state economic policy with the macro-development goals of the country is proposed to serve to measure the quality of economic policies.

Ключевые слова: экономическая политика, экономические агенты, фундаментальная неопределенность, режимы экономической политики, цели развития

Keywords: economic policies, economic agents, fundamental uncertainty, economic policies regimes, development goals

Введение

Современная цивилизация переживает период существенных политико-экономических и социально-экономических флуктуаций. 2020 год выступает в данном процессе одним из наиболее сложных и важных — первое в истории снижение биржевых котировок ценных бумаг на поставку нефти (ниже нуля); пандемия нового коронавируса, поставившая международные экономические отношения в уникальные для современной экономической системы условия; протесты в ряде стран «большой двадцатки» (США, КНР, Франция и т.д.); нарастание экономических противоречий между двумя крупнейшими экономиками мира — китайской и американской и т.д. Эти процессы актуализируют вопрос о соответствии действий государств в экономической сфере различным вызовам.

Между тем само участие государства в экономической жизни, границы и параметры этого участия, с самых первых шагов развития научной экономической мысли относились к числу самых дискутируемых вопросов. Данная проблема носит междисциплинарный характер, связывая воедино представления о справедливости того или иного общества, теорию образования государства и права, теорию власти и распределения ответственности и, конечно же, экономическую теорию. Само первоначальное название последней — политическая экономия — концентрировало внимание на общественном богатстве и тем самым на развитии экономической системы страны. Начиная с А. Смита этот вопрос перешел в плоскость соотношения действий государства и индивидуальных агентов в целях достижения максимального общего благосостояния. С тех пор и до сегодняшнего дня действуют две крайние позиции: а) государство должно не вмешиваться в экономику, насколько это возможно; б) государство — это лучший способ обеспечения социальной справедливости.

Хорошо известно, что идеологическое противоречие между данными точками зрения составляло одну из наиболее важных разделительных линий между «западным» блоком и странами, входившими в СЭВ, во второй половине XX в. После демонтажа биполярной мировой социально-экономической системы в начале 1990-х гг. с экономической точки зрения установилась гегемония первого блока. Однако очень скоро практика хозяйствования в условиях XXI в. показала множество слабых мест в данной позиции. В первую очередь речь идет о чрезмерном разрыве между сегментом «сверхбогатых» и «супербедных». В странах Африки, например, по данным *Кнопета*, индекс Джини в 2018 г. варьировался от 30,00 до 57,00, составляя в США — 37,8, в РФ — 43,9 (притом

что абсолютное равенство по данному показателю, как известно, достигается тогда, когда он равен 0, а абсолютное неравенство — при значении 100). Отметим, что данный разрыв не только не сокращается, а наоборот — растет. Кроме того, все более очевидно, что рост общего уровня потребления не гарантирует роста ощущения благополучия населения, то есть человек не становится более счастливым. Данный ряд примеров можно продолжать, однако для целей настоящей работы важен тезис о том, что вышеперечисленные тренды актуализируют поиск ответов на вопрос, какой должна быть роль государства в экономической системе в текущих условиях и прогнозируемом будущем.

Традиционно совокупность мер, решений и инструментов, которые то или иное государство реализует в экономической системе национальной экономики, обозначается как экономическая политика, или, как пишет один из ведущих экспертов в данной сфере П. Вельфенс, «целенаправленное создание рамочных условий в рыночной экономике с целью оказания влияния на экономические процессы и развитие экономики» [2, с. 28]. Ниже мы остановимся на различных подходах к пониманию экономической политики. Предварительно же можно заметить, что в самом общем виде экономическая политика традиционно понимается в экономической науке как внешний инструмент, который государство реализует в целях обеспечения эффективного функционирования страны как системы. Это означает, что государство рассматривается как субъект, прямо или косвенно задающий параметры устройства социально-экономической, культурно-исторической, политико-экономической и иных подсистем, который сам в них с экономической точки зрения не включен (например, в формате роли государства как «ночного сторожа», согласно А. Смиту).

Методология

Прежде чем приступить к анализу целесообразности сохранения подобного подхода в новой реальности (или, как иногда пишут, в переходе к новой нормальности) мировой экономики, зафиксируем базовые понятия, из которых мы будем исходить в настоящей работе.

Несмотря на то что государство в отечественной научной литературе может рассматриваться и как страна, и как регулятор, и как совокупность учреждений и организаций, мы под государством далее будем понимать обладающего обособленным бюджетом и собственностью экономического агента. В этой части мы исходим из постулата, сформулированного профессором А.Н. Неверовым, согласно которому: «Наиболее общим онтологическим критерием выделения экономических агентов, из принятых в экономической науке, выступает критерий обособленности бюджетов. Любая потенциально активная единица экономической системы, обладающая обособленным бюджетом (т.е. объемом капитала, которым она может распоряжаться формально самостоятельно), может быть обозначена как экономический агент» [7, с. 152]. Таким образом, возможны два практических подхода к анализу государства как агента: а) через объем консолидированного или б) фе-

дерального бюджета. При первом рассмотрении в качестве единого агента будут рассматриваться все уровни государственных структур, тогда как при втором — в странах с федеративным устройством — под государством будет пониматься только высший уровень власти, а региональные и муниципальные уровни сформируют некий новый пласт агентов (иногда в экономической науке он определяется как мезоуровень). По нашему мнению, это положение в целом носит существенный характер, однако для целей настоящей статьи принципиальной разницы между данными подходами нет.

Необходимо отметить, что предложенный А.Н. Неверовым критерий позволяет рассматривать всю совокупность экономических агентов как одновременно действующих. Действительно, и фирма, и домохозяйство, и конечно же государство обладают обособленными бюджетами и, следовательно, могут рассматриваться как элементы единой системы.

По нашему мнению, наиболее адекватным с методологической точки зрения инструментом анализа агентного взаимодействия в экономической сфере выступает системный подход. Для понимания роли и функции государства в современной экономической системе целесообразно рассматривать его через призму внутренней и внешней среды.

Внешнюю среду, в которой действует данный агент наряду с другими типами, такими как домохозяйства, фирмы, транснациональные корпорации и межгосударственные организации и объединения, по нашему мнению, можно разделить на две зоны:

а) та часть мирового экономического пространства, на регулирование которой имеет полномочия конкретное государство как экономический агент;

б) та часть мирового экономического пространства, в которой данное государство не имеет полномочий на прямое установление формальных институтов.

Первую зону мы будем обозначать как страну, национальную экономику страны, социально-экономическую систему страны; вторую — как мировую экономику, мировую социально-экономическую систему.

Исходя из принципов теории открытых систем очевидно, что национальная экономика выступает частью мировой социально-экономической системы и находится в постоянном взаимодействии с другими национальными экономиками, то есть социально-экономическими системами, в которых полномочия по прямому регулированию принадлежат другим государствам.

Внутреннюю среду государства образует совокупность институтов и организаций, напрямую финансируемых из государственного бюджета. Под институтами мы в данном случае понимаем набор формальных и неформальных правил и практик хозяйствования.

Итак, из зафиксированных базовых определений можно вывести общий принцип анализа — государство как экономический агент, с одной стороны, обладает правом на прямое формирование формальных институтов национальной экономики, с другой — само выступает одним из элементов данного сектора мировой социально-экономической

системы. Одновременно каждое конкретное государство в масштабах всех мировой экономики выступает конкурентом другим государствам и находится под косвенным или прямым воздействием сил, внешних по отношению к национальной экономике.

В этом контексте экономическая политика, которая как самостоятельное направление научной мысли, по заключению И.М. Гольдштейна, стала выделяться из политической экономии во второй половине XVIII — первой половине XIX в. [3], предстает в качестве экономического поведения государства.

Результаты исследования

35

В современной науке представлены диаметрально противоположные подходы к пониманию сущности экономической политики. Так, согласно результатам исследований Дж. Стиглера, основную методологическую проблему образует использование в качестве основы для рассмотрения экономической системы одного из двух принципов — либо методологического индивидуализма, либо индивидуальной некомпетентности человека [10]. Вытекающие из этого противоречия позиции по отношению к сути экономической политики в значительной степени являются непримиримыми в современной экономической теории.

Согласно сторонникам первой позиции (в отечественной литературе и практике ее обозначают как экономический либерализм), каждый отдельный человек вполне компетентен и рационален. Компетентность и рациональность означают его способность и возможность оптимально достигать своих целей, максимально полно удовлетворять свои потребности. Если допустить, что этот тезис действует в реальности, то ясно, что любые механизмы, которые способны ограничить действия индивидов, наносят ущерб. Это должно происходить в силу того, что человек и без вмешательства и регулирования будет способен достигать максимума возможного благосостояния. Именно на данном постулате построена теория А. Смита и формула благосостояния В. Парето. Как известно, первый обосновал принцип «невидимой руки рынка», согласно которому эгоистические, но оптимальные для каждого действия отдельных экономических агентов выступают достаточными для обеспечения общего экономического благополучия общества, в котором данные агенты живут и функционируют. В первой половине XX в. В. Парето для обоснования этого постулата предложил принцип равновесия, согласно которому общество достигает максимального уровня благосостояния тогда, когда благосостояние ни одного из агентов не может быть увеличено без уменьшения благосостояния других агентов.

В противоположность этому, в рамках второго подхода, первоначально развиваемого школой камералистов, а затем немецкой исторической школой [5], утверждалось, что уровень изначальных возможностей у отдельных агентов и стран в экономике разный. Поэтому при постулате о свободе действий те, которые изначально были богаче и сильнее, станут еще сильнее, а слабые лишатся шанса на экономическое развитие. Позже к данному постулату добавился тезис об индиви-

дуальной некомпетентности, согласно которому реальные люди сильно различаются по возможностям выбирать оптимальный для себя путь экономических действий.

По мнению сторонника второго подхода Ю. Зодена, «наука экономической политики занимается исключительно общим имуществом общества в целом, благосостоянием государства, его приумножением и сохранением. Следовательно, она должна заимствовать принципы, из которых следует исходить в делах содействия обогащению государства, в отношении к стремлению отдельных членов общества к благосостоянию, равно как и принципы, которых следует придерживаться в вопросе, как это стремление отдельного индивида следует объединить с достижением общего благосостояния, и преимущественно в вопросе, каких границ следует придерживаться в ограничении стремления отдельного индивида с целью подобного объединения из науки, которую я называю политической экономией» [11, S. 11 – 12].

Во второй половине XX в. в Германии в качестве определенного компромисса возникла концепция социального государства, которая попробовала совместить два вышеозначенных подхода. Один из основных ее сторонников, В. Ойкен, предложил рассматривать экономическую политику через согласование с принципом «невмешательства» государства, восходящим к взглядам А. Смита [8]. Немецкий ученый и политик постулирует, что экономическая политика государства должна быть направлена на формирование экономического порядка, тогда как остальное реализует принцип *laissez-faire*, который оставляет за «индивидами не только создание правил игры, структуры или тех форм, в которых ведется хозяйство, но и повседневную борьбу за количество и цену, то есть сам экономический процесс» [8, с. 110]. Данный подход получил название «ордолиберализм».

Основные подходы к пониманию экономической политики представлены в таблице 1.

Таблица 1

Подходы к пониманию экономической политики

Автор	Определение экономической политики
Е. Филиппович [13]	Любое воздействие организованных структур (прежде всего государства) на функционирование экономической сферы. В качестве целей экономической политики выделяются: а) забота о развитии производства; б) забота о технологическом и организационном развитии; в) повышение образовательного уровня новых агентов; г) оптимизация «потребления доходов» экономических агентов
В. Ойкен [8]	Экономическая политика образует два противоположных, но интегрированных блока: а) политику порядка (собственно действия государства, направленные на обеспечение равной конкурентной борьбы фирм, компенсацию потерь от циклических колебаний для всех экономических агентов и т.д.; б) политику регулирования (прямое действие государства через установление норм и законов)

Окончание табл. 1

Автор	Определение экономической политики
П. Вельфенс, Н.М. Соболев [2; 9]	Экономическая политика выступает инструментом целенаправленного создания рамок, условий, институтов, направленных на воздействие на развитие экономики страны в определенном направлении
А. А. Мануилов [6]	Экономическая политика воспринимается как один из разделов научного знания, не сводимый и самостоятельных от политической экономии и экономической теории
Я. Тинберген [12]	Экономическое поведение государства
Л.И. Абалкин [1]	Практическое приложение экономической теории: «Экономическая теория может и должна опережать практику, предшествовать принятию тех или иных хозяйственных решений, способствовать выработке научно обоснованной экономической политики»

37

Таким образом, можно выделить несколько основных параметров, по которым подходы к пониманию экономической политики различаются между собой:

- 1) степень активности государства как экономического агента в сфере производства, обмена и потребления;
- 2) степень активности государства в качестве дизайнера экономического механизма, генератора институциональной среды экономической системы;
- 3) отношение экономической политики к экономической теории;
- 4) экономическая политика как реальное экономическое поведение конкретного государства.

Представляется, что данные параметры образуют исчерпывающий перечень инструментов оценки действий каждого конкретного государства как экономического агента и тем самым могут выступать в качестве критериев сравнения различных школ экономической политики.

Анализ различий существующих и существовавших школ экономической политики, выполненный А.А. Кирилловской [4, с. 38–39], показал, что можно выделить четыре основные школы: классическую, немецкую, российскую и современную (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение экономической политики и экономической теории в различных научных школах (по А.А. Кирилловской [4, с. 38–39])

Период доминирования школы	Название школы	Основоположники и наиболее яркие представители	Соотношение между экономической теорией и экономической политикой
1805–1850-е гг.	Начальная классическая школа	Юлиус фон Зоден, К. Жозеф К. фон Краус К. Роттек Г. Ро	Разграничение экономической политики и экономической теории

Окончание табл. 2

Период доминирования школы	Название школы	Основоположники и наиболее яркие представители	Соотношение между экономической теорией и экономической политикой
1899 – 1950-е гг.	Немецкая классическая школа	Е. Ф. фон Филиппсберг В. Ойкен	Экономическая политика как воплощение экономической науки и ее верификатор
1900 – 1927 гг.	Русская классическая школа	И. М. Гольдштейн, А. А. Мануилов, М. И. Туган-Барановский, В. М. Штейн	Экономическая политика это то, что делается на практике. Экономическая теория – то, что показывает цели и ориентиры того, как должно быть
1950 – 2010-е гг.	Современная (институциональная) школа экономической политики	Я. Тинберген П. Вельфенс Д. Родрик	Экономическая теория и экономическая политика образуют единое целое

Наличие различных школ и традиций понимания экономической политики обуславливает существование и различных подходов к сущности того, что такое экономическая политика и какой она должна быть.

Несмотря на различия существующих подходов, они имеют общую позицию, согласно которой экономическая политика государства призвана упорядочивать и стабилизировать функционирование социально-экономической системы страны в целях обеспечения максимально возможного уровня благосостояния населения последней. Однако, как справедливо отмечает А. Н. Неверов, «любое государство как экономический агент (субъект, актор) обладает своими специфическими интересами и целями, которые не могут при позитивном анализе быть сведены ни к достижению общественных целей (это требует нормативного допущения об альтруизме государственных служащих, для которых служение общественным идеалам большую часть времени превышает по уровню значимости реализацию собственных целей), ни к кооперативной игре в условиях жесткого внешнего контроля (что требует нормативного достижения о том, что люди при принятии решений в интересах себя лично и в интересах представляемой ими группы реализуют одну и ту же модель экономического поведения)» [7, с. 154]. Из возможности подобного рассогласования на практике и возникают критерии результативности экономической политики. Очевидно, что результативной может быть только та экономическая политика государства, которая реализует базовую функцию – обеспечение максимально возможного уровня развития экономической системы страны.

Кроме того, тезис об индивидуальной некомпетентности человека на самом деле очень серьезно осложняет восприятие экономической политики государства как более эффективной по отношению к дей-

ствиям микроэкономических агентов (фирм, домохозяйств). Дело в том, что если отдельный человек в силу различных обстоятельств некомпетентен, то есть не может сам определить оптимальный путь реализации своих собственных целей, то и государство будет обладать той же слабостью. Последнее объясняется тем фактом, что в любом государстве как экономическом агенте реальные решения принимают такие же люди с теми же сильными и слабыми сторонами, что и в других типах экономических агентов.

В экономической литературе встречаются попытки опровергнуть данный тезис, используя указание на эффективный отбор в государственных органах власти, который опирается на два постулата: а) за счет высокой конкуренции за должности госслужащих в их число попадают наиболее способные и относительно более компетентные из всего населения страны; б) при демократическом политико-экономическом устройстве даже при условии ограниченной компетентности госслужащих они отражают целевые установки большинства населения страны и за счет этого компенсируют провалы рынка.

Однако, по нашему мнению, в условиях фундаментальной неопределенности, ставшей некоторое время назад характерной для мировой экономики, в качестве основы для измерения качества экономической политики должен выступать критерий соотношения экономической политики государства с макроцелями развития страны. Для того чтобы данный критерий реально работал, макроцели развития страны должны быть артикулированы, то есть публично зафиксированы и приняты большинством населения страны. В качестве адекватного примера можно привести всенародное голосование по поправкам в Конституцию РФ в 2020 г. Одновременно экономическая политика должна фиксироваться не на уровне декларации целей, а в рамках увязывания режима экономической политики с артикулированными целями развития страны.

Под режимом экономической политики в данном случае мы понимаем совокупность правил, мероприятий, норм для достижения макроцели развития страны через совершенствование ее экономической системы.

Выводы

При подходе, который развивается в настоящей статье, становится возможной корректировка экономической политики через изменение ее режимов в случае, если за заранее установленный период целевые показатели по каким-либо причинам не достигнуты. Соответственно, отмеченное А.Н. Неверовым рассогласование интересов государства как экономического агента и целей развития национальной экономики становится менее вероятным.

Подводя итог настоящей статье, необходимо отметить, что в современных условиях оптимальным подходом к рассмотрению государства выступает его выделение как особого экономического агента. Это поз-

воляет увидеть риски и вызовы, стоящие перед реальным развитием событий и тем самым разработать инструменты общественного контроля за результативностью действия государства.

Список литературы

1. Абалкин Л.И. Политическая экономия и экономическая политика. М., 1970.
2. Вельфенс П. Основы экономической политики. СПб., 2002.
3. Гольдштейн И.М. Экономическая политика // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1904. Т. XL. С. 256–263.
4. Кирилловская А.А. Теоретическое обоснование приоритетов экономической политики : дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2017.
5. Лист Ф. Национальная система политической экономии. М. ; Челябинск, 2017.
6. Мануилов А.А. Политическая экономия : курс лекций. М., 1919. Вып. 1.
7. Неверов А.Н. К проблеме анализа поведения государств как экономических агентов // Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее : матер. IV междунар. науч.-практ. конф. 27–30 мая 2019 г. / под ред. А.Н. Неверова, А.В. Неверовой. Саратов, 2019. Вып. 4. С. 150–154.
8. Ойкен В. Основные принципы экономической политики / общ. ред. Л.И. Цедилина и К. Херманн-Пиллата. М., 1995.
9. Соболев М.Н. Экономическая политика капиталистических стран. СПб., 1925.
10. Стиглер Дж. Дж. Гражданин и государство. Эссе о регулировании. М., 2017.
11. Soden J. Die Nationalökonomie. Wien, 1815. Bd. 1.
12. Tinbergen J. Economic Policy: Principles and Design. Amsterdam, 1956.
13. Philippovich E. Volkswirtschaftspolitik. Freiburg, 1899.

Об авторе

Антон Михайлович Демченко — асп., Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина — филиал РАНХиГС, Россия.

E-mail: kafpsihology-piu@ranepa.ru

The author

Anton M. Demchenko, PhD Student, P. A. Stolypin Volga Region Institute of Management — branch of RANEPa, Russia.

E-mail: kafpsihology-piu@ranepa.ru

В. О. Юстратова

**СВЯЗЬ ТРАНСПОРТНОЙ ДОСТУПНОСТИ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ
В СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

41

Для сельских территорий России все более решающим фактором социально-экономического развития выступает уровень транспортной доступности. Поскольку этот процесс долгое время был саморегулируемым и второстепенным среди задач регионального развития, то на сегодняшний день не все возможности повышения транспортной доступности в случае удаленных сельских территорий используются в полной мере или частично. Учитывая особую специфику системы расселения региона, данная тема исследования вызывает интерес и является важной для рассмотрения Калининградской области как региональной модели социально-природного пространства. Используемые в работе классические полевые, экономико-географические и социологические методы сводятся к теории, что проблема транспортной доступности «центр – сельская периферия» взаимозависима с понятием качества жизни граждан. Оптимальная функциональность населенных пунктов наблюдается при сокращении расстояния до административного и общественно-делового центра области – Калининграда. Инструментом повышения инвестиционного, демографического, производственно-экономического и социально-инфраструктурного потенциала сельских поселений и области в целом становится реализация программ в сфере Транспортной стратегии Российской Федерации и региональных программ.

For Russian rural areas, the level of transport accessibility is increasingly a decisive factor in socio-economic development. Since this process has long been self-regulated and secondary among the tasks of regional development, today not all opportunities to improve transport accessibility in remote rural areas are fully or partially used. Taking into account the specific nature of the settlement pattern of the region, this research topic is of certain interest for the Kaliningrad Region to be considered as a regional model of social and natural space. The classical field, economic-geographical and sociological methods used in the work are narrowed down to the idea that the problem of transport accessibility within the frame "center-rural periphery" is interdependent with the residents' standard of living. The settlements work in an optimal regime when the distance to the administrative and public-business center of the region – Kaliningrad, is reduced. The implementation of programs on the Transport Strategy of the Russian Federation and regional programs is an instrument for increasing the investment, demographic, production, economic, and socio-infrastructure potential of rural settlements and the region as a whole.

Ключевые слова: транспорт, транспортная доступность, транспортная система, сельский населенный пункт, качество жизни, социальная мобильность

Keywords: transport, transport accessibility, transport system, rural locality, quality of life, social mobility

Введение

Понятие транспортной доступности относится к социально-экономическим категориям, поскольку не только характеризует транспортный комплекс, но и определяет устойчивые связи между отдельными территориальными элементами и позволяет оценить уровень жизни населения в них. Уровень транспортной доступности — это индикатор функционирования цикличной транспортной системы, выражающий временные затраты на преодоление расстояния между двумя населенными пунктами, в данном контексте — сельскими. Суть транспортной доступности определяет закон экономии времени, и поэтому основными показателями, относящимися к этому явлению, должны быть функции времени. Чем выше транспортная доступность, тем меньше общественно необходимого времени требуется на единицу транспортного продукта нормального качества. Процессы, связанные с конкретными целями — поездками на работу, учебу, в учреждения здравоохранения, к местам отдыха и досуга, — формируют благоприятный фон для роста инвестиционной активности и развития экономики региона с позиции государственных и хозяйственных специфик [15].

Научные идеи экономистов-классиков Иоганна фон Тюнена, Вальтера Кристаллера [19] и современные работы ученых-практиков С.С. Ушакова, В.А. Персианова, Г.М. Лаппо, М.С. Гунько и других послужили теоретическим базисом в исследовании. В 1950-е гг. в работах советских экономгеографов, анализировавших задачи и проблемы советской географии населения, — Ю.Г. Саушкина, В.В. Покшишевского, Н.И. Ляликова — были изложены принципы пространственного описания сельских поселений. Позже социально-географические и экономические исследования сельской местности на территории России проводили С.В. Славин, М.Д. Шарыгин, А.И. Алексеев, Т.И. Заславская. Актуальных научных исследований, в фокусе которых находятся сельская транспортная доступность Калининградской области и специфика системы расселения, немного, за исключением работ И.С. Гуменюка, Г.М. Федорова, А.В. Левченкова, что говорит о недостаточном внимании к изучению данной темы [3 — 6; 8 — 10; 14; 16].

Транспортная доступность Калининградского региона рассматривается автором с учетом следующих ключевых параметров: временные затраты на передвижение, преодолеваемое расстояние, транспортная и социальная мобильность населения, тарифы на перевозки пассажиров, доступность транспортных услуг для лиц с ОВЗ. Интегральный показатель расчета транспортной доступности был предложен В.Н. Бугроменко [1; 2].

Кроме того, транспортная доступность обуславливает неразрывную связь городского пространства и сельской местности как сельскохозяйственного, экономического, историко-культурного и экологического феномена [7]. Ввиду постоянного увеличения городской и антропогенной нагрузки поселковая зона остается буфером между природным и городским ландшафтом. Малым районным городам, как правило, не

хватает потенциала для создания вокруг себя пояса из поселков-спутников, поэтому сельское поселение буквально «втянуто» в социально-экономическую и общественно-деловую среду крупного центра. Об этом свидетельствует наличие у Калининградской агломерации того самого моноцентра — Калининграда. Часто применимое к нему название «город-сад» тяготеет к известной концепции сосуществования городской и сельской жизни, разработанной английским теоретиком градостроительства Э. Говардом в начале прошлого столетия [17].

Связи между городскими и сельскими континуумами всегда пространственные, поэтому уровень человеческой мобильности в них напрямую зависит от дорожно-транспортной сети. Это каркас, соединяющий между собой все населенные пункты в регионе. Такого рода целостность систем расселения в контексте социологии города и села описана в работах ученых В. Пациорковского, К. Циммермана, П. Сорокина [12–13; 18].

Ныне, в соответствии с постановлением Правительства Калининградской области от 05.02.2020 г. №12-рп «Об определении перечня сельских населенных пунктов Калининградской области и перечня сельских агломераций Калининградской области», в состав региона входит 1048 сельских населенных пунктов. Область высоко урбанизирована — городское население составляет 77,8 % (соответственно, сельское достигает фактически $\frac{1}{5}$ населения края). Кроме того, наиболее мобильное население перемещается из удаленных районов востока области в наиболее подвижную и емкую западную ее часть. Таким образом, заметен дисбаланс между динамичным развитием областного центра с прилегающими к нему территориями и спадом населения на востоке: сформировалась ярко выраженная тенденция перераспределения населения на локальном уровне из сельской местности в малые и полусредние города, а на региональном уровне — с восточных территорий в сторону развивающейся калининградской городской агломерации.

Современная региональная транспортная система является совокупностью отдельных транспортных узлов и структурных элементов, в связи с чем необходим анализ современного состояния транспортной инфраструктуры как фактора развития сельской местности для выравнивания потенциалов «запада» и «востока».

Цель и задачи исследования, методология

Данная статья ставит целью оценить текущее состояние транспортной инфраструктуры сельских населенных пунктов Калининградской области посредством полевого изучения мнения жителей.

Гипотезой к исследованию служит утверждение о том, что существует прямая зависимость между транспортной доступностью, уровнем транспортной инфраструктуры и качеством жизни сельского населения. При доказательстве гипотезы был проведен сбор данных о степени влияния транспортной доступности на качество жизни путем

опроса непосредственно среди жителей сельских населенных пунктов; установлена связь между удаленностью сельского населенного пункта Калининградской области от главных магистралей, центров городских округов и административного центра, с одной стороны, и удовлетворенностью качеством жизни проживающих в нем граждан — с другой.

В основу работы положены классические методы исследования: социологический опрос, метод аналитического сопоставления, экономико-математический метод, графический метод построения диаграмм. Информационной площадкой для получения обратной связи от респондентов послужил онлайн-сервис Google-формы (<https://www.google.ru/intl/ru/forms/about>).

Результаты

Для выявления уровня обеспеченности объектами транспортной инфраструктуры и потенциальной возможности населения пользоваться в полной мере этими объектами был проведен опрос (рис. 1). Респондентами выступили люди, ныне живущие или проживавшие в сельских населенных пунктах Калининградской области в течение последних десяти лет, в количестве 268 человек. Преобладающая возрастная категория — 18–55 лет. Опрос проводился в форме онлайн-анкетирования. Анкета была разработана по принципу последовательного изучения обстановки в каждом населенном пункте по сгруппированным тематическим параметрам запроса. Результаты опроса были обработаны и по генеральным принципам отобраны для достижения репрезентативной выборки.

Следует отметить, что были охвачены респонденты из всех 22 городских округов Калининградской области.

С наибольшей частотой отвечали жители поселков Долгоруково (Багратионовский ГО), пгт. Янтарный (Янтарный ГО), пгт. Донское (Светлогорский ГО), Победино (Краснознаменский ГО), Совхозное (Нестеровский ГО). На вопрос о регулярности следования общественного транспорта от сельского пункта в сторону Калининграда 41 % опрошенных указали 3 раза в сутки и реже; 10 % — 4–5 раз в день; с точки зрения 48 % транспорт ходит регулярно (рис. 2).

Исходя из пространственного расположения именно планомерное удаление каждого исследуемого сельского пункта от Калининграда сопровождалось все большей редкостью хождения общественного транспорта. Так, например, житель пос. Стройный (Полесский ГО) может совершить поездку до Калининграда одним из двух маршрутов за день, при этом, ввиду отсутствия прямого транспортного сообщения, воспользоваться маршрутным такси для пересадки в Полесске. В то же время житель пос. Прибрежное (Гурьевский ГО) имеет возможность доехать до центра Калининграда с интервалом хождения транспорта более раза в час. Расстояния между данными поселками и Калининградом составляют 7,5 и 44 км соответственно.

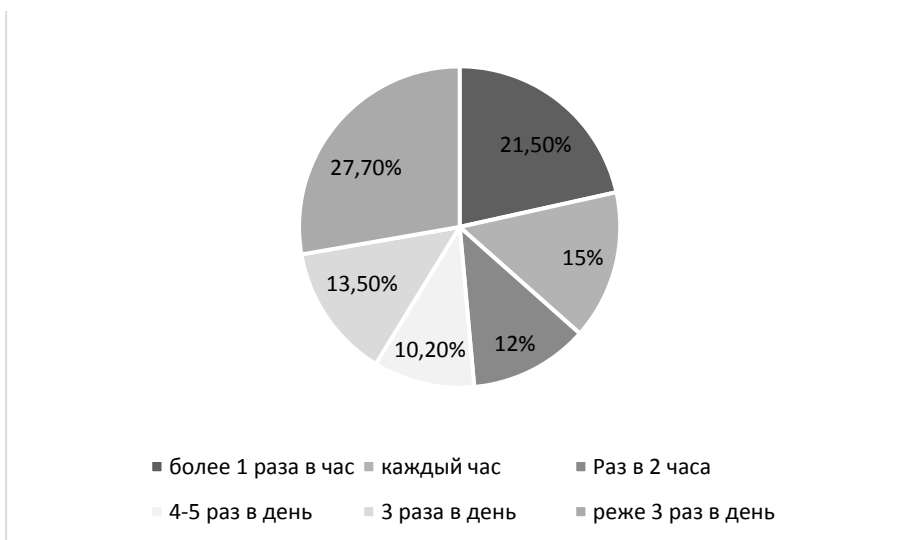

Рис. 2. Диаграмма распределения ответов респондентов на вопрос «Как регулярно следует общественный транспорт от вашего сельского пункта в сторону Калининграда?»

Кроме того, перемещение от центра к периферии характеризовалось увеличением числа и значимости проблем, которые выделяли для районов своего проживания жители: так, 8,4 % опрошенных говорят всего-навсего о наличии пробок на дорогах или вовсе об отсутствии проблем — в основном это жители пригородной зоны агломерации — округов-спутников, опоясывающих Калининград; 75 % жителей приграничных территорий отнесли к проблемам полное отсутствие транспортного сообщения, хождение пешком до ближайшей остановки 3–4 км, высокую стоимость поездок, нехватку посадочных мест, небезопасное вождение, отсутствие актуального расписания и нарушение санитарных норм внутри пассажирского транспорта. Следовательно, у жителей из этой категории возникают трудности с получением социальной и медицинской помощи, поиском работы за пределами собственного пункта проживания, учебой, бытовым обслуживанием, региональным туризмом и т.д.

Как выяснилось, улучшение нескольких или всех параметров транспортной доступности сподвигло бы 74,3 % опрошенных совершать поездки по области чаще. К целям таких поездок были отнесены: обращение в учреждения здравоохранения и социальной поддержки населения, поиск более выгодных вакансий для трудоустройства, внутрирегиональный туризм, посещение родственников / друзей, крупных отраслевых магазинов и культурно-досуговых мест.

Выводы

Сельские населенные пункты Калининградской области испытывают на себе сильное влияние административного центра. Результаты проведенного исследования доказали, что чем больше расстояние меж-

ду областным центром, транспортными сетями и сельским населенным пунктом, тем хуже в нем показатели качества жизни в этом пункте. В то же время чем ближе поселение к Калининграду, тем комфортнее в нем условия жизни людей. Наличие прямой зависимости между уровнем транспортной доступности и благосостоянием сельских населенных пунктов подтверждает выдвинутую гипотезу. Улучшение показателей транспортной доступности не только повысит эффективность процессов социально-экономической деятельности региона, но и способствует повышению его инвестиционной привлекательности.

В целом, по сравнению с другими объектами Северо-Западного федерального округа большинство сельских населенных пунктов Калининградской области совершили или осуществляют переход к устойчивому развитию.

Список литературы

1. Бугроменко В. Н. Транспорт в территориальных системах. М., 1987.
2. Бугроменко В. Н. Транспортная доступность, ТПП и нерешенные проблемы транспортной географии // Географическое положение и территориальные структуры: Памяти И. М. Маергойза. М., 2012. С. 403–421.
3. Гуменюк И. С. О соотношении понятий пространственное, стратегическое и территориальное планирование в Российской Федерации в контексте развития региона Калининградского / Вислинского залива // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2016. №1. С. 37–44.
4. Гунько М. С., Глезер О. Б. Малые районные центры и окружающие территории в центральной России в 1970–2010 гг.: динамика и распределение населения // Известия РАН. Сер. географическая. 2015. №1. С. 64–76.
5. Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Лачининский С. С. Пространственные возможности и ограничения модернизации российской экономики: пример Северо-Западного макрорегиона // Экономика региона. 2015. №3. С. 25–38.
6. Лаппо Г. М. Города России: Взгляд географа. М., 2012.
7. Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М., 2016.
8. Михайлюк М. А. Исследование влияния транспортной инфраструктуры на маятниковую миграцию (на примере Санкт-Петербургской агломерации) // Экономика северо-запада: проблемы и перспективы развития. 2017. №1 (54). С. 66–79.
9. Нефедова Т. Г. Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России // Известия РАН. Сер.: География. 2012. №3. С. 7–23.
10. Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Город и деревня: конвергенция или дивергенция? // Взаимодействие городских и сельских местностей в региональном развитии : сб. М., 2005. С. 4–23.
11. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2020 г. и в среднем за 2019 г. / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/folder/12781#> (дата обращения: 02.06.2020).
12. Пациорковский В. В. Дифференциация сельского населения: причины расхождения и ее последствия для развития сельских территорий // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2005. №11. С. 50–52.

13. Пацюрковский В. В. Сельско-городская Россия. М., 2010.
14. Персианов В. А., Курбатова А. В. Транспорт и его роль в импортозамещении сельскохозяйственной продукции: взгляд в будущее // Вестник университета. 2016. №5. С. 108–112.
15. Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 г. №151-р (ред. от 13.01.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174933/ (дата обращения: 01.06.2020).
16. Транспортная система мира / под ред. С. С. Ушакова и Л. И. Василевского. М., 1971.
17. Howard E. Garden Cities of To-Morrow. L., 1902.
18. Sorokin P., Zimmerman C. Principles of Rural-Urban Sociology. N. Y., 1929.
19. Walter Christaller. How I discovered the Theory of Central Places: A Report about the Origin of Central Places // Man Space and Environment / ed. by P. W. English, R. C. Mayfield. Oxford, 1972. S. 601–610.

Об авторе

Вероника Олеговна Юстратова — магистрант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: Niko4ka1313@mail.ru

The author

Veronika O. Yustratova, Master's degree student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: Niko4ka1313@mail.ru

ЦЕНТРЫ ГЕНЕРАЦИИ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО УРОВНЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

49

В последние несколько лет наблюдается серьезный прирост количества публикаций российских авторов в международных базах данных научного цитирования, что продиктовано стремлением повышения глобальной конкурентоспособности научных и образовательных организаций. Для того чтобы оценить результативность научной работы, используются наукометрические индикаторы, позволяющие сопоставить достижения стран, регионов и отдельных исследователей. Тем самым пространственная наукометрия дает возможность упорядочить данные об информационном потоке научных публикаций и оптимизировать навигацию в публикационном пространстве на различных уровнях. Цель работы – выявить центры генерации научного знания в России, используя наукометрические методы, а также классифицировать регионы по уровню научной продуктивности. В качестве источника данных взята библиографическая и реферативная база данных Scopus, использован аналитический инструмент Scival. В ходе исследования выявлено пространственное распределение новых знаний на территории России, определены наиболее крупные центры, рассмотрены динамика роста их продуктивности и показатели качества научных исследований.

In the past few years there has been a significant increase in the number of publications by Russian authors in international databases of scientific citation which is dictated by the desire to increase the global competitiveness of scientific and educational organizations. In order to assess the effectiveness of scientific work scientometric indicators are used to compare the achievements of countries, regions and individual researchers. Thus spatial scientometrics makes it possible to organize data on the information flow of scientific publications and to optimize navigation in the publication space at various spatial levels. The aim of this work is to identify centers for the generation of scientific knowledge in Russia using scientometric methods, as well as to classify regions by the level of scientific productivity. The bibliographic and abstract database Scopus and the analytical toolkit Scival were taken as a data source. The study revealed the spatial distribution of new knowledge on the territory of Russia, the largest centers, the dynamics of their productivity growth and indicators of the quality of scientific research.

Ключевые слова: география знания, география научного знания, пространственная наукометрия, публикационная активность, генерация знания, библиографическая и реферативная база данных

Keywords: geography of knowledge, geography of scientific knowledge, spatial scientometrics, publication activity, knowledge generation, abstract and citation database

Актуальность исследования и постановка проблемы

Основными предпосылками роста количества публикаций российских ученых в международных базах данных могут быть такие тенденции, как глобализация и интернационализация науки как сферы дея-

тельности, а также развитие открытой научной конкуренции. Российские научные институты выходят из изоляции в науке, и фокус внимания смещается на международные журналы, которые обеспечивают больший охват читателей и потенциальных цитирований, чем в случае публикации в российских журналах на русском языке. Также увеличению числа публикаций поспособствовала определенная государственная повестка — государственные программы, призванные стимулировать российских исследователей выбирать для обнародования результатов работы издания международного уровня.

Так, согласно «майскому указу» президента России 2018 г., в котором определены векторы развития государства на ближайшие годы, в пункте 10, посвященном науке, первым номером указана следующая цель: «К 2024 году обеспечение присутствия Российской Федерации в числе пяти ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования и разработки в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития»¹. Подобного рода индикатор может быть верифицирован посредством оценки публикаций в международных базах данных научных статей. Соответственно существующая система управления научными исследованиями в России тяготеет к признанию важным одного из индикаторов научного развития — числа публикаций в ведущих научных журналах, учтенных в международных базах данных.

Большой скачок в количестве публикаций мы можем наблюдать в таких областях, как компьютерные науки, науки о Земле, инженерное дело, математика (табл. 1).

Таблица 1

**Показатели публикационной активности России
по наиболее продуктивным научным областям в Scopus**

Отрасль знания	Место России в 2018 г.	Место России в 2020 г.	Страна, занимающая 1-е место в 2020 г.
Физика и астрономия	3	3	Китай
Материаловедение	4	4	Китай
Науки о Земле	5	3 (+ 2)	Китай
Химия	6	7 (-1)	Китай
Инженерное дело	7	5 (+ 2)	Китай
Математика	7	6 (+ 1)	Китай
Химическая инженерия	8	9 (-1)	Китай
Социальные науки	10	10	США
Компьютерные науки	12	8 (+ 4)	Китай

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. №204. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 18.03.2021).

Это сферы потенциального лидерства России в ближайшие несколько лет (надо учесть, что выгрузка данных по публикациям производилась в феврале 2021 г., а окончательные данные по 2020 г. появляются в Scopus летом 2021 г.).

Во многих государствах знания генерируются на уровне различных территориальных единиц, и определить центры их генерации, а также сопоставить объекты, находящиеся на различных пространственных уровнях, способно одно из молодых направлений науковедения — наукометрия, которая также одновременно является широко распространенным методом исследования пространственных аспектов генерации, применения и передачи научного знания [3].

Работы, посвященные территориальному распределению научного знания, показали значимость географического фактора, что привлекло большой интерес к пространственному изучению науки и знания в целом [14]. Необходимость измерения науки и географической близости научных знаний повлияли на появление нового направления в географической науке — пространственной наукометрии. Таким образом, повышенное внимание к «месту» стало одним из главных трендов в наукометрии [12; 13; 15]. Термин «пространственная наукометрия» применил в своей работе К. Френкен, определив эту область как количественные исследования, которые явно затрагивают пространственные аспекты научно-исследовательской деятельности [12].

В России территориальное распределение научных знаний, в том числе с применением методов пространственной наукометрии, может изучаться с точки зрения территориальных закономерностей функционирования систем научных центров. Например, экономгеографы исследуют воздействие агломерационного фактора на генерацию научного знания, а также потенциал формирования кластеров в научном пространстве России [5; 6]. Также научное пространство может быть рассмотрено с точки зрения показателей соответствия российской науки мировым трендам инновационного развития [8] или же определения центров тематических исследований, например общественно-географического направления [9] или геополитических исследований [10] с применением современных наукометрических методов. Различные варианты пространственной организации науки и территориальные единицы с градообразующим научно-производственным комплексом охарактеризованы в работах [1; 2; 11]. Помимо этого, рассматривается научный потенциал как важная составляющая инновационной среды региона во взаимосвязи с такими компонентами, как пространство, время и технологии [4; 7].

Цель данной работы — выявить центры генерации научного знания в России на уровне регионов с применением нормированных и натуральных показателей, а также провести классификацию регионов по уровню научной продуктивности. Для этого была разработана методология создания массива публикации каждого российского региона в международной базе данных Scopus за 2009—2019 гг.

Методика исследования

Для того чтобы оценить поток научных статей, были созданы базы данных научных публикаций, а также разработаны наукометрические показатели, которые позволяют ориентироваться в пространстве научной информации. Так, Scopus и Web of Science являются международными источниками информации, а во многих странах — одними из главных источников получения наукометрических данных для проведения оценки научных исследований. В России существует электронная база данных научных публикаций РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), которая включает более 12 миллионов публикаций российских авторов.

Данная работа основана на исследовании массива данных российских публикаций с использованием ресурсов базы данных Scopus, так как публикации в Scopus являются важным индикатором для российской науки. База данных используется при формировании отчетных материалов научных и образовательных организаций, а также для составления глобальных рейтингов лучших университетов.

Работа производилась в следующей последовательности: из Бюллетеня численности населения РФ были взяты наименования городов России, затем с помощью инструмента расширенного поиска была произведена идентификация публикаций каждого российского города, у которого есть профиль в базе данных Scopus. Далее массивы публикаций по городам были объединены в регионы на основе официально-административно-территориального деления. Формирование списка публикаций по регионам и последующая их выгрузка осуществлялись в феврале 2021 г., то есть публикации, проиндексированные позже, не были учтены в данном анализе.

Результаты и их обсуждение

За 2009–2019 гг. в России было опубликовано 750 тысяч работ в изданиях, входящих в базу данных научного цитирования Scopus. Лидером по абсолютным значениям научной продуктивности является Москва. Московские авторы опубликовали 51,1 % от всех статей в стране за рассматриваемый период. Далее по списку располагаются Санкт-Петербург (13,9 %), Новосибирская область (10,1 %), Московская область (7,2 %), Томская область (4,7 %).

Если рассматривать количество публикаций в расчете на 1000 жителей, значение по России в целом составляет 5,1. В данном случае лидерами являются Томская область (32,7 публикаций), Москва (31,4), Новосибирская область (27,2), Санкт-Петербург (20,1), Приморский край (8,1). Двенадцать регионов превысили средний показатель по стране (рис. 1).

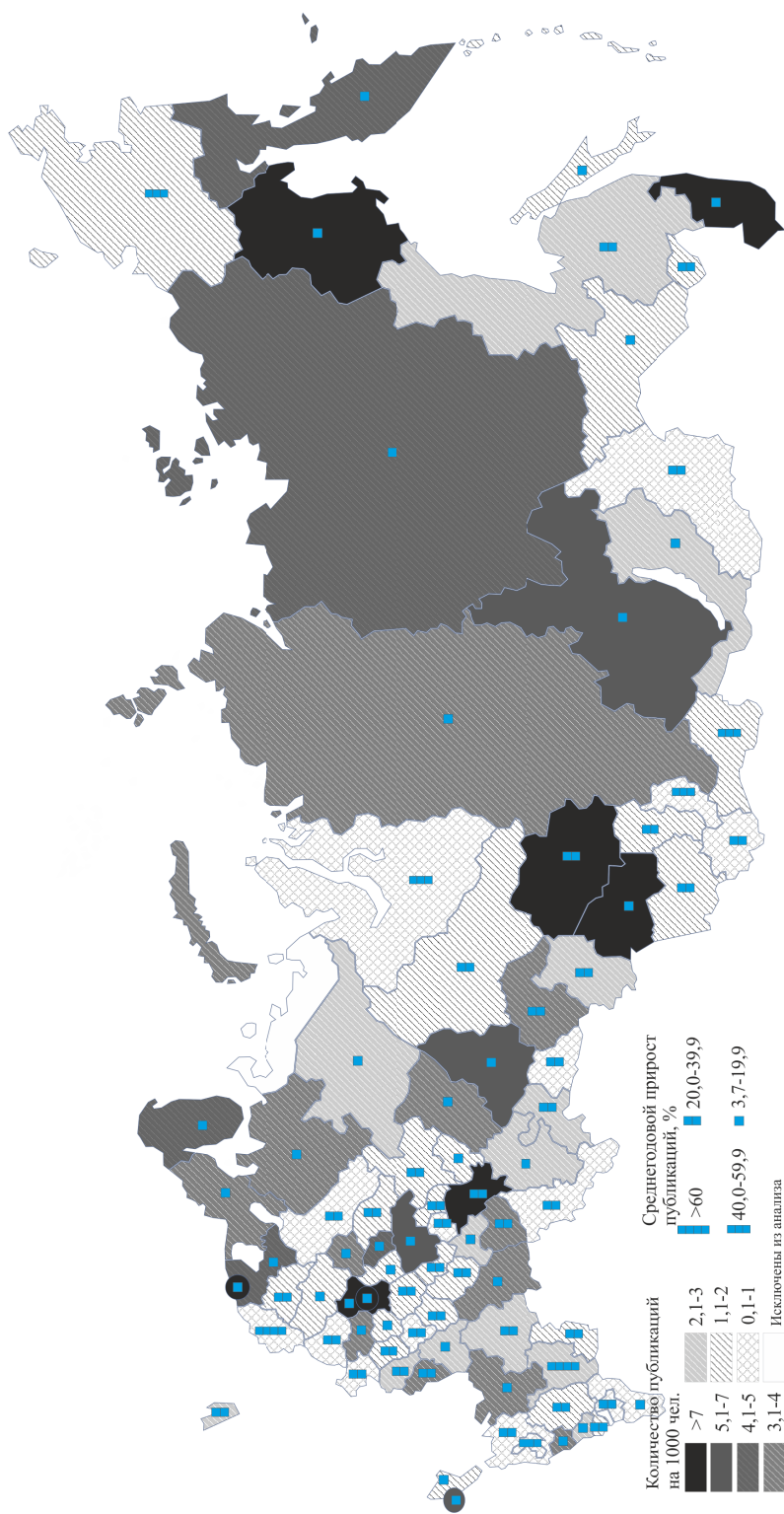

Рис. 1. Количество публикаций российских авторов в Scopus на 1000 чел., 2009 – 2019 гг.

Распределение регионов по абсолютному и относительному (публикации на 1000 человек) показателям публикационной активности имеют схожие черты. Например, первая десятка лидеров в обоих случаях идентична за исключением Магаданской области, где количество публикаций на 1000 человек составляет 7,1, что на 39 % превышает показатель по России в целом. При сравнительно небольшом количестве публикаций региона (1057 статей с 2009 г.) внутри него находятся важные научные институты (Институт биологических проблем Севера, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт, Научно-исследовательский центр «Арктика» ДВО РАН), а также Северо-Восточный государственный университет.

Наибольшее количество публикаций сосредоточено вблизи крупнейших российских агломераций, например агломераций-миллионников (Московская, Санкт-Петербургская, Новосибирская, Владивостокская, Екатеринбургская). Таким образом, можно говорить об агломерационном факторе территориального распределения научных публикаций, так как помимо всего прочего феномен агломерации открывает возможности экономического роста и наращивания человеческого капитала.

Наиболее продуктивные регионы показывают наименьший прирост публикаций. Так, регионы с показателем количества публикаций больше 7 в среднем на 1000 человек имеют 13 % среднегодового прироста публикаций, в то время как регионы, имеющие до 1 публикации, показывают рост 33,2 % в год.

Возвращаясь к рассмотрению российских регионов, наибольший показатель среднегодового прироста (более 40 %) демонстрируют регионы с наименьшим количеством публикаций за 10 лет — до 1000 (например, Псковская область — 68,3 %, Республика Калмыкия — 66,2 %, Республика Адыгея — 59,6 %, Чукотский автономный округ — 58,1 %). Регионы с наибольшим количеством публикаций в Scopus обнаруживают темпы роста на уровне общероссийского.

На карте распределения количества публикаций на одного исследователя мы уже не видим Москву и Санкт-Петербург из-за большой концентрации научно-исследовательских институтов и организаций высшего образования в пределах данных городов (рис. 2).

Лидером по количеству публикаций на одного исследователя стала Республика Марий Эл, так как в этом регионе зарегистрировано почти наименьшее количество исследователей. Среди валидированных профилей в Scopus можно найти лишь два — Марийский государственный университет и Поволжский государственный технологический университет. Соответственно научная продукция в виде статей производится преимущественно профессорско-педагогическим составом и научными работниками университета. Аналогичная ситуация в Костромской области, где основным генератором научных публикаций выступает Костромской государственный университет.

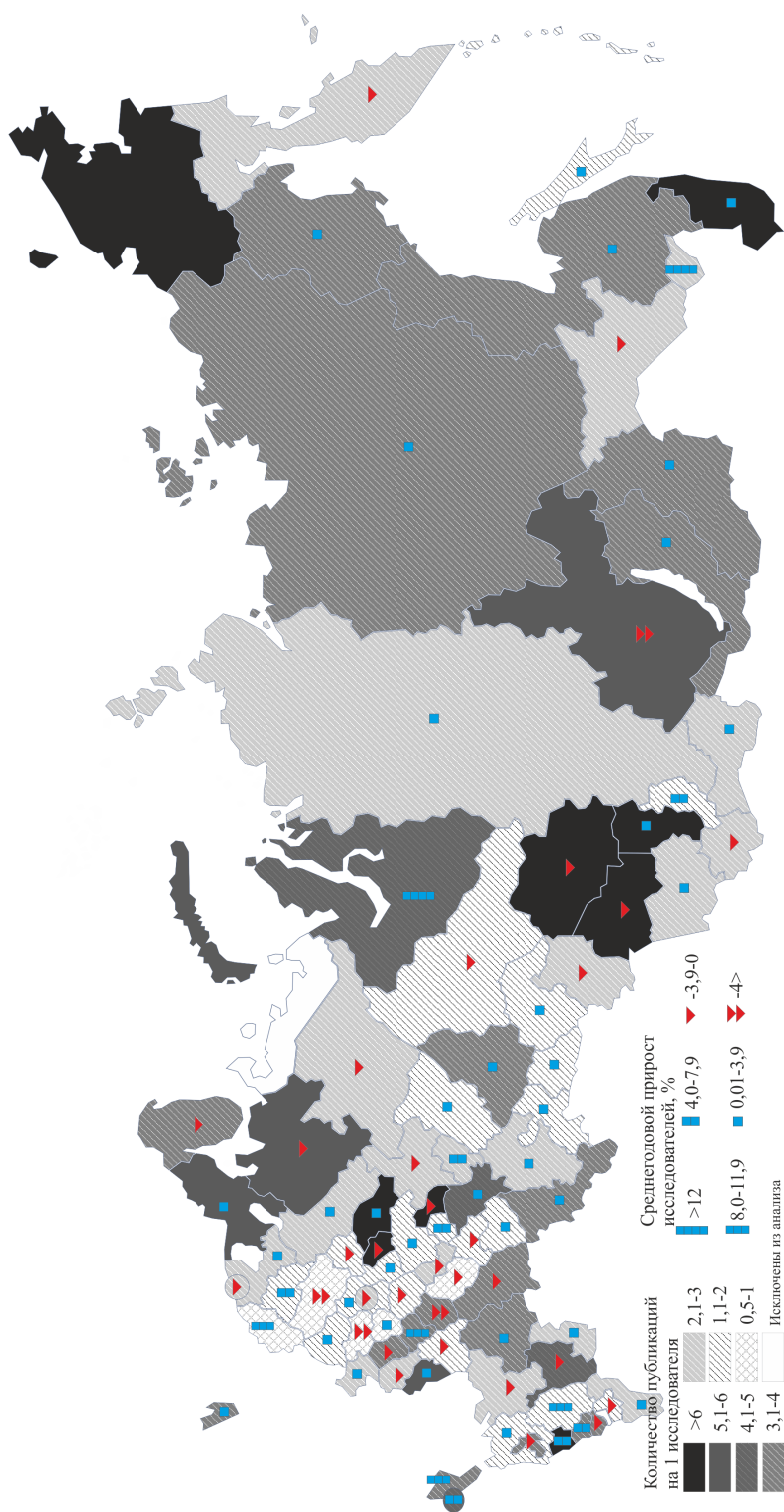

Рис. 2. Количество публикаций российских авторов в Scopus на одного исследователя, 2009 — 2019 гг.

Далее была проведена кластеризация регионов России по уровню научной продуктивности и качеству публикаций. Для этого был проведен кластерный анализ с использованием программы SPSS Statistics 21. Были использованы следующие показатели, определяющие вхождение региона в определенный кластер (табл. 2).

Таблица 2

Средние значения показателей публикационной активности в Scopus

Публикации	Кластер						РФ
	1	2	3	4	5	6	
Количество в 2009 – 2019 гг.	90 388	4716	11 523	2477	1420	441	739 768
Количество на 1000 человек	17,4	3,0	4,1	2,4	1,9	0,9	5,1
Среднегодовой прирост количества, %	13,3	19,1	16,2	17,9	22,9	41,1	11,67
Доля в изданиях первого квартала	21,1	13,1	13,1	11,7	9,0	8,5	17,2
Количество цитирований на одну публикацию	8,1	6,0	5,4	4,7	4,6	3,6	6,7
Доля статей в международном соавторстве	28,3	19,7	18,3	19,8	16,4	14,7	24,8

Первая группа – лидеры по абсолютному количеству публикаций. В эту группу вошли Москва и Санкт-Петербург, Новосибирская, Московская области и др. (см. прил.). В среднем на 1000 жителей в регионах первой группы приходится 17,4 публикаций в Scopus, что на 241 % превышает общенациональный показатель. По остальным показателям группа превышает российские показатели на 18 %. Данная группа регионов и городов федерального значения определяет более 90 % российской научной продуктивности.

Во вторую группу вошли 17 регионов – Ленинградская, Воронежская, Волгоградская, Кемеровская, Тюменская области и др. Более чем в половине регионов расположены крупнейшие города России. В среднем на 1000 человек в этой группе приходится 3 публикации в Scopus, в то время как в целом по стране – 5,1. Ежегодный прирост количества публикаций в группе равен в среднем 19,1 %, тогда как публикации первой группы растут на 13,3 %.

Третью группу составляют 9 регионов: Приморский край, Пермский край, Республика Башкортостан, Самарская область и др. Это вторая группа по величине количества публикаций в Scopus со среднегодовым приростом 16,2 %.

В четвертую группу вошли такие регионы, как Республика Крым, Удмуртская Республика, Курская область, Ульяновская область, Калининградская область и др. Суммарное количество публикаций в Scopus за 2009 – 2019 гг. в этих регионах колеблется от 2066 до 2958. Значения показателей публикационной активности четвертой группы отклоняются от общероссийских на –16,3 %. Четвертая группа отражает высокие показатели международного сотрудничества – в среднем 19,8 % статей

написаны в соавторстве с иностранными коллегами. Так, например, данный показатель в Республике Крым составляет 36,7 %, а в Калининградской области — 34,6 %.

Пятая группа характеризуется умеренным количеством публикаций (от 992 до 1943 за рассматриваемый период). Среднегодовой прирост количества публикаций равен 22,9 %. Среднее количество цитирований достигает 4,6 цитат на публикацию, однако наибольший показатель выявлен в Карачаево-Черкесской Республике — 22,1. Это может объясняться тем, что в поселке Нижний Архыз расположена Специальная астрофизическая обсерватория Российской академии наук. Сотрудники этой организации участвуют в научных коллаборациях по написанию публикаций по космологическим результатам «Планка», которые, в свою очередь, набирают по несколько тысяч цитирований за несколько лет.

Шестая группа по показателям научной продуктивности характеризуется как отстающая. В нее вошли Забайкальский край, Новгородская, Костромская, Сахалинская, Курганская области и др. В регионах этой группы с 2009 г. суммарное количество публикаций не превышает 800 единиц, а показатель количества публикаций на 1000 жителей равен 0,9. Несмотря на небольшое количество публикаций, в группе наблюдается самый стремительный рост — 41,1 %. Наибольший среднегодовой прирост публикаций был выявлен в Псковской области, и за 2009 — 2019 гг. он составляет 68,3 %.

Выводы

Количество публикаций в изданиях, входящих в базу данных Scopus, в России увеличилось в 3 раза по сравнению с 2009 г. Наиболее высокий скачок наблюдается в 2016 г. — прирост публикаций на 21,9 % по сравнению с предыдущим годом.

Распределение регионов по абсолютным и относительным показателям публикационной активности выявило лидеров генерации научного знания — Томская область, Москва, Московская область, Новосибирская область, Санкт-Петербург, Приморский край, Республика Татарстан — регионы, где расположены крупнейшие города России. Средний показатель публикаций на 1000 жителей в России составляет 5,1, однако 12 регионов превысили этот показатель.

На основании шести показателей публикационной активности была проведена кластеризация регионов, которая позволила выделить группы регионов по типам профилей публикационной активности. Первая группа — основные научные центры России: Москва, Санкт-Петербург, Новосибирская, Московская, Томская области и др. Количество публикаций в Scopus в этой группе превышает 20 тыс. с 2009 по 2019 г. Вторая и третья группы — это регионы также с высокими показателями публикационной активности, в том числе по цитируемости и по уровню научных журналов. В четвертую группу вошли регионы с умеренным количеством публикаций, но с высокими показателями уровня международной кооперации. Пятая и шестая группа показывают наибольший среднегодовой прирост количества публикаций, но низкие значения качества научной продуктивности оказываются ниже среднего по России.

Приложение

**Группы субъектов федерации на основе показателей
публикационной активности российских авторов в Scopus
(2009 – 2019)**

Группа 1:

- Москва
- Санкт-Петербург
- Новосибирская область
- Московская область
- Томская область
- Свердловская область
- Республика Татарстан
- Нижегородская область

Группа 2

- Ленинградская область
- Воронежская область
- Волгоградская область
- Кемеровская область
- Тюменская область (кроме ХМАО - Югра и ЯНАО)
- Омская область
- Белгородская область
- Ивановская область
- Краснодарский край
- Ярославская область
- Архангельская область без Ненецкого АО
- Республика Саха (Якутия)
- Алтайский край
- Мурманская область
- Хабаровский край
- Калужская область
- Ставропольский край

Группа 3

- Приморский край
- Ростовская область
- Иркутская область
- Красноярский край
- Самарская область
- Республика Башкортостан
- Челябинская область
- Саратовская область
- Пермский край

Группа 4

- Республика Бурятия
- Удмуртская Республика
- Ульяновская область
- Пензенская область
- Калининградская область
- Республика Карелия
- Республика Коми
- Республика Дагестан
- Курская область
- Владимирская область
- Республика Крым
- Севастополь

Группа 5

- Тверская область
- Тамбовская область
- Ханты-Мансийский АО - Югра
- Кабардино-Балкарская Республика
- Оренбургская область
- Рязанская область
- Тульская область
- Республика Мордовия
- Кировская область
- Карачаево-Черкесская Республика
- Камчатский край
- Республика Северная Осетия-Алания
- Чувашская Республика
- Республика Марий Эл
- Амурская область
- Орловская область
- Астраханская область
- Магаданская область
- Вологодская область
- Липецкая область
- Брянская область

Группа 6

- Забайкальский край
- Новгородская область
- Костромская область
- Сахалинская область
- Курганская область
- Смоленская область
- Республика Калмыкия
- Чеченская Республика
- Республика Адыгея
- Республика Тыва
- Еврейская АО
- Республика Хакасия
- Псковская область
- Ямало-Ненецкий АО
- Республика Алтай
- Чукотский АО
- Республика Ингушетия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-35-90055 «Оценка места российских научных и образовательных организаций в национальном и международном наукометрическом пространстве как фактор выявления закономерностей территориального распределения интеллектуального капитала».

Список литературы

1. Агирречу А.А. Наукограды России: история формирования и развития. М., 2009.
2. Бочаров Ю.П., Фрезинская Н.Р. Пространственная организация отечественной науки // Наука современности — 2015 : сб. матер. междунар. науч. конф. Москва, 29—30 января 2015 г. М., 2015. С. 204—213.

3. Гиндилис Н.Л. Из истории советского науковедения: 70-е годы // Научно-ведческие исследования. 2012. №1. С. 161 – 214.
4. Знаменский Д.Ю. Методология исследования научного потенциала региона // Регионы, вперед!: сб. ст. III межвуз. науч.-практ. конф. 20 февраля 2020 г. М., 2020. С. 62 – 68.
5. Михайлов А.С., Михайлова А.А., Хвалей Д.В. Агломерации научного пространства России // Псковский регионологический журнал. 2020. №2 (42). С. 3 – 18.
6. Михайлов А.С., Михайлова А.А., Хвалей Д.В. География знания: кластеризация национальных центров компетенций в России // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2020. №1. С. 5 – 17.
7. Нестеренко Т.В., Гуцина Ю.И., Рекеда В.В. Научный потенциал как фактор развития инновационной среды региона // Фундаментальные исследования. 2014. №6, ч. 5. С. 997 – 1000.
8. Носкова А.В. Наука в России и современном мире: финансирование, человеческие ресурсы, доверие // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2018. №2 (67). С. 95 – 102.
9. Попкова Л.И., Казаков С.Г., Степанов М.А. Вузовские центры общественно-географических исследований в России: наукометрический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2020. Т. 65, №4. С. 624 – 639.
10. Потоцкая Т.И., Сильнича А.В. Состояние географических геополитических исследований в современной России // Балтийский регион. 2019. Т. 11, №2. С. 112 – 135.
11. Приказчикова О.Ф. Территориальная организация науки Германии // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. №29. С. 123 – 130.
12. Frenken K., Hardeman S., Hoekman J. Spatial Scientometrics: Towards a Cumulative Research Program // Journal of Informetrics. 2009. Vol. 3, №3. P. 222 – 232.
13. Frenken K., Hoekman J. Spatial Scientometrics and Scholarly Impact: A Review of Recent Studies, Tools, and Methods // Measuring Scholarly Impact. Cham, 2014. P. 127 – 146.
14. Livingstone D.M. Putting Science in its Place: Geographies of Scientific Knowledge. Chicago, 2003.
15. Maisonnobe M., Jégou L., Yakimovich N., Cabanac G. NETSCITY: a geospatial application to analyse and map world scale production and collaboration data between cities // ISSI'19: 17th International Conference on Scientometrics and Informetrics. Rome, 2019. P. 631 – 642.

Об авторе

Ирина Юрьевна Пекер – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: ipeker@kantiana.ru

The author

Irina Yu. Pekar, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: ipeker@kantiana.ru

УДК 9:94(4)-05

Г. В. Кретинин, А. С. Макарычев

«400 ДНЕЙ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ» АВГУСТА ВИННИГА: ОПЫТ КОНЪЮНКТУРНОЙ МЕМУАРИСТИКИ

61

Проанализирован текст мемуаров имперского комиссара и оберпрезидента Восточной Пруссии Августа Виннига, относящийся, в частности, к периоду от революционных событий начала 1919 г. до Капповского путча в марте 1920 г. Особое внимание обращено на внешнеполитическое положение и внутрипартийную борьбу в провинции. Охарактеризованы политические взгляды А. Виннига и причины охлаждения его отношений с руководством СДПГ.

This article analyzes the memoirs of August Winnig, Reichskommissar and Oberpräsident of East Prussia, covering the time from the revolutionary events of early 1919 to the Kapp Putsch in March 1920, against the background of the foreign-policy situation and inner-party struggle in the province. Particular attention is paid to the political views of A. Winnig and the reasons for cooling in their relations toward the SPD leadership.

Ключевые слова: Кёнигсберг, Август Винниг, СДПГ, Народная морская оборона, Капповский путч

Keywords: Königsberg, August Winnig, SPD, People's Naval Defense, Kapp Putsch

С 25 января 1919 и до середины марта 1920 г., то есть с первого этапа Ноябрьской революции и до неудачного Капповского путча, значительное влияние на внутриполитические события в Восточной Пруссии, а также на складывавшуюся вокруг нее внешнеполитическую обстановку оказывал имперский комиссар и (с августа 1919 г.) обер-президент провинции Август Винниг.

Винниг пришел к назначению высшим должностным лицом провинции не только с богатым литературным и партийным опытом (плодовитый публицист и один из лидеров профсоюзного движения), но и с весомым политическим багажом: он последовательно занимал должности правительственного комиссара 8-й германской армии (захватившей Ригу в начале сентября 1917 г.), германского посланника на оккупированных кайзеровской армией территориях Прибалтики при кабинете Макса Баденского и, после начала революции в рейхе, Генерального уполномоченного Германии в Прибалтике.

Любопытный факт, но отношение к этой исторической фигуре в странах, с которыми так или иначе связана его политическая деятель-

ность, достаточно неоднозначно. В послевоенной Германии палитра ее восприятия весьма широкая: Виннига считали национально ориентированным социалистом правого толка, империалистом и организатором фрайкоров в конце Первой мировой войны [10, S. 18–37; 11, S. 217–224], антисемитом и своего рода провозвестником нацизма [12, S. 554–562] и даже сторонником европейских консервативных ценностей, идеи которого были восприняты основателями Христианско-Демократического Союза в 1945 г. [13].

В странах Балтии (особенно в Латвии и Эстонии) фигура Виннига скорее замалчиваемая, хотя он внес немалый личный вклад в появление этих государств на карте мира. Как справедливо заметил Л. В. Ланник, воспоминания Виннига корректируют «представление о событиях, положенных в основу эстонских и латышских национальных мифов, пестуемых уже столетие» [7, с. 4].

В советской историографии отношение к Виннигу долгое время было резко негативным [3, с. 303–307; 5, с. 15–17]. Как один из лидеров профсоюзного движения, он поддерживал внутреннюю и внешнюю политику канцлера Т. фон Бетман-Гольвега и кайзера Вильгельма II во время Первой мировой войны, а в период Ноябрьской революции 1918 г. играл роль «прибалтийского Носке» в Восточной Пруссии, стремясь не допустить прихода к власти левых радикалов и соединения их с наступавшими красными частями.

Необходимо все же отметить, что российскими (в том числе калининградскими) историками [1; 2, с. 379–388; 4, с. 134–147; 6, с. 369–375] деятельность А. Виннига на посту имперского комиссара и оберпрезидента Восточной Пруссии пока еще не дана взвешенная и обстоятельная оценка, а его воспоминания об этом периоде практически не привлекались и не вводились в научный оборот, хотя являются важным источником для изучения революционных событий 1918–1919 гг. в Восточной Пруссии [9].

Переводов основных работ А. Виннига на русский язык практически нет, если не считать вышеупомянутого «Прибалтийского излома» в переводе Л. В. Ланника, издание которого содержит обширные и весьма информативные комментарии [7]. И если это объяснимо применительно к его теоретическому наследию (оно интересно достаточно узкому кругу специалистов), то мемуары еще ждут своего переводчика и, вне всякого сомнения, своих читателей. В них Винниг доходчиво, не без литературного лоска и грубоватого юмора, излагает события 1918–1920 гг. в странах Балтии и Восточной Пруссии через призму геополитических интересов Германской империи и Веймарской республики.

В данной статье анализируются основные положения самых ранних мемуаров Виннига «400 дней Восточной Пруссии», посвященных этому периоду. Их текст печатался с сентября по декабрь 1927 г. в теоретическом социал-демократическом журнале «Volksstaat», а в 1928 г. вышел отдельной брошюрой. Как можно судить по намекам самого Виннига, он вел в описываемое им время дневниковые записи, которые позднее дополнил партийно-идеологическими соображениями на злобу дня, так что получилось своеобразное смешение двух жанров — мемуарного и памфлетного.

Решение Виннига написать воспоминания было связано с особенным поводом. Летом 1927 г. он присоединился к Старой Социал-демократической партии, поэтому для него было необходимо предложить собственную версию событий в Восточной Пруссии в 1919–1920 гг., в результате которых он был исключен из рядов СДПГ [9, S. 3]. Конъюнктурный повод предоставил ему также удобную возможность охарактеризовать состояние германского социалистического движения, значение которого выходило далеко за пределы того времени, не только с партийно-исторической точки зрения.

Это состояние, полагал Винниг, означало фатальный поворотный пункт в развитии рабочего движения и в большой степени ответственно за судьбу немецкой государственности [Ibid., S. 4]. Истоки этого состояния обнаруживались в расколе социалистического движения, который произошел в сентябре 1916 г., хотя, как пронизательно заметил Винниг, в известном смысле его можно отнести к 1910 г. и даже ранее. Он определялся противоположным отношением к государству, которое обнажилось с началом войны. «Оно (противоречие. — Г. К., А. М.) проявилось в конфликте между радикалами и ревизионистами, во враждебном напряжении между радикальными партийными литераторами и проникнутым рабочим духом руководством профсоюзов» [Ibid.].

Умудренный опытом бывший лидер профсоюзного движения ставит на вид руководителям социал-демократии большинства их непоследовательную позицию, даже резкую перемену, в отношении к октябрьским и ноябрьским дням 1918 г.: тогда они изо всех сил пытались предотвратить «бедствие краха», а сегодня они празднуют его как «час рождения немецкой свободы». «Социалистическое движение имеет нечистую совесть перед собственным прошлым. Оно не осмеливается взглянуть на это прошлое, поскольку стыдилось его тогда или стыдится сейчас, и поэтому оно не осмеливается объяснить его» [Ibid., S. 6].

Раскол социалистического движения и идейные разногласия внутри германской социал-демократии, военные потрясения, резкое ухудшение социально-экономического положения и нарастание антимилитаристских настроений в стране, возникновение левых радикальных группировок положили конец пресловутой политике гражданского мира. Конечно, как сторонник оборонительной, «справедливой» войны со стороны Германии, Винниг не мог заявить об этом прямо, а сделал это в завуалированной форме: «Сегодня рабочий-социалист является надеждой и доверенным лицом заграницы (западных держав. — Г. К., А. М.) и опасностью для своего собственного народа. Это великая перемена, которая произошла с рабочим и вокруг него» [Ibid., S. 8].

Однако преодоление этого состояния видится Виннигу с почвеннических, националистических позиций, с постановки риторического вопроса: «Разве может быть правильным, что он (рабочий-социалист. — Г. К., А. М.) является врагом своих соотечественников, своих братьев по крови, своих братьев по территории, своих братьев по языку и обычаю, своих братьев по историческому опыту? Разве может быть правильным, что он является их врагом — только потому, что они желают видеть страну и народ, наше общее достояние, снова свободными?» [Ibid.].

Конечно, здесь угадываются нотки антиверсальских настроений и расхожей в Германии 1920–1930-х гг. «легенды об ударе кинжалом в спину» германскому рейхсверу, однако Винниг неожиданно уводит читателя в сторону, постулируя новый исторический смысл рабочего движения и предлагая свой рецепт спасения нации и государства: «Только поистине великая задача может оправдать жертвы, которых требует рабочее движение от своих сторонников. Я вижу эту задачу в том, что рабочий призван обновить народную общность и ее государственную организацию, дать этой общности новое руководство, сформировать и оживить ее новым, рабочим духом» [Ibid., S. 9].

Обрисовав в предисловии свое видение проблем и перспектив рабочего и социалистического движения, Винниг переходит затем к фактологической составляющей своих воспоминаний.

В первый раз Винниг побывал в Кёнигсберге 8 января 1919 г. во время вынужденной остановки, следуя поездом из Митавы в Берлин. Она случилась как нельзя кстати, поскольку дала ему возможность не только осмотреться в столице Восточной Пруссии, но и попытаться устранить те препятствия для своей главной задачи в Прибалтике (переброски регулярных войск из рейха для сдерживания частей Красной армии), которые обозначились здесь, в Кёнигсберге, поскольку солдатские Советы в Восточной Пруссии останавливали военные транспорты и отправляли их обратно. Винниг посетил партийное руководство СДПГ, обер-президиум, окружное командование и собрание солдатского Совета гарнизона.

Он сразу же обозначил главную болевую точку этой проблемы: «Кёнигсберг находился во власти толпы матросов, терроризировавших город. Они организовались в военном плане и называли себя Народной морской дивизией. Она насчитывала около тысячи человек. Реальная власть находилась в ее руках. У нее одной имелось оружие, она выставляла караулы, контролировала железную дорогу, почту, телеграф, органы юстиции, государственного и муниципального управления, военные инстанции, склады оружия и интендантство. Политическая полиция также находилась в ее руках. Ее влияние не ограничивалось столицей провинции. Рабочие и солдатские Советы подчинялись ей и следовали ее указаниям» [Ibid., S. 11]. Численность этого военизированного формирования в 3–4 тысячи человек, которую приводят некоторые исследователи, видимо, следует отнести к концу декабря 1918 г. [4, с. 142]. К началу лета 1919 г. его численность значительно сократилась.

Ситуация в городе осложнялась присутствием большого количества солдат и безработных (Винниг указывает, соответственно, 78 и 16 тысяч), слонявшихся без дела и примыкавших к многочисленным демонстрациям. «Улицы были полны грязи и толчеи. На замке развевалось красное знамя и покрывало это положение дел» [9, S. 12].

К этой неразберихе прибавлялись и вполне реальные текущие проблемы, которые приходилось решать имперскому комиссару буквально в ручном режиме, — такие, как острая нехватка угля и продовольствия. Прекращение подвоза угля из рейха грозило остановкой работы важнейших предприятий и коммунальных служб. Положение было настолько серьезным, что даже респектабельная «Кёнигсбергская Гартунгская Газета» опубликовала статью с заголовком: «Не будет угля из рейха — не будет продовольствия из Восточной Пруссии» (цит. по: [8, S. 68]). Тревожная обстановка была и в имениях, где среди сельскохозяйственных рабочих большой размах набирала пропаганда доверенных лиц Независимой социал-демократической партии (НСДП), приводившая к волнениям в деревне.

Винниг сразу позаботился о том, чтобы установить контакт с руководителями матросов, которые, к его удивлению, поначалу не принимали против него каких-либо враждебных действий. «Когда я по вечерам составлял короткие заметки о событиях прошедшего дня, я иногда добавлял: “Еще не арестован”» [9, S. 13].

Большинство матросов были сторонниками спартакистов и получали подкрепления из Большого Берлина и Саксонии, однако среди них были и те, кто задумывался о чистке и легализации этого формирования, а также о подчинении его имперскому комиссару. Как опытный политик, Винниг ухватился за эти устремления и нашел в них почву для переговоров, которые представляли для него ценность только потому, что таким образом выигрывалось время для сосредоточения сил и устранения влияния второй стороны.

Вопрос ставился Виннигом в конкретной практической плоскости: «Могли ли медленно наступающие части Советской республики выйти на восточнопрусскую границу, прежде чем падет господство матросов? В этом случае, естественно, больше нельзя было бы воспрепятствовать большевизации провинции» [Ibid., S. 16]. Руководство операциями против русских войск находилось в руках генерала фон Секта, который вместе со своим штабом переехал в Бартенштайн. Крайне нежелательной для разоружения матросов была и переброска войск из Прибалтики. Там каждый солдат для Германии был на вес золота. Между тем передовой отряд русских достиг местечка Тельше в Литве, который находился всего лишь в 30 км от границы с Восточной Пруссией, на расстоянии дневного перехода.

Свои истинные намерения Винниг скрывал даже от руководства местного отделения СДПГ, которое требовало от него активных действий, а не переговоров: «Вы должны действовать! Никаких переговоров! Два миллиона восточных пруссаков каждый вечер обращают к Вам свои мольбы: “Винниг, помоги нам!” А вы четвертую неделю ведете переговоры с этим сбродом!» [Ibid., S. 20].

В эти дни состоялась и другая знаменательная встреча Виннига — с Вольфгангом Каппом, который предложил ему помощь в вербовке добровольцев для действий против матросов, от чего Винниг отказался под тем предлогом, что такие добровольцы необходимы в Прибалтике

и что здесь он собирается опереться на верных правительству рабочих-социалистов. Аналогичную позицию занимал Винниг и в переговорах с генералом фон Сектом, который предложил срочно перебросить в Кёнигсберг набранных добровольцев из лагеря под Берлином. На этот раз он уклонился под тем предлогом, что это было внутренним делом (*häusliche Angelegenheit*) рабочих [Ibid., S. 21].

Вряд ли здесь Винниг вполне искренен, однако, судя по факту публикации воспоминаний в журнале СДПГ *Volksstaat*, подобная аргументация встретила понимание и одобрение руководства СДПГ в 1927 г. Между тем разоружение буржуазных по своему составу отрядов безопасности (*Sicherheitswehr*) матросами перед зданием полицейспрезидиума и попытка ареста самого Виннига их патрулем во главе с М. Хайдemanом серьезно обострили обстановку. И все же Винниг сделал еще одну попытку прийти к соглашению с матросами на следующих условиях: переход под юрисдикцию имперского комиссара; чистка рядов и удаление одиозных фигур; немедленный отказ от противоправной деятельности; освобождение ряда школ, здания которых были реквизированы матросами; потенциальное вхождение в регулярные армейские части [Ibid., S. 23–24].

Однако новый раунд переговоров, на которых Комитет Семи (руководящий орган народной морской дивизии) представлял один из лидеров местного отделения НСДПГ, кёнигсбергский врач А. Готшалк, также окончился безрезультатно. Теперь у Виннига были развязаны руки. Операция по подавлению отрядов народной обороны (Винниг называет ее акцией по разоружению), согласованной с генералом фон Сектом, была назначена на 3 марта.

На время проведения операции из города были удалены лица, которым могла грозить опасность: руководители Социал-демократической партии большинства, известные редакторы кёнигсбергских газет и другие влиятельные персоны. Сам Винниг выехал накануне из города вместе с обер-президентом А. фон Батоцки, проведя тревожную ночь в кабриолете на проселочной дороге под Кёнигсбергом в ожидании новостей [Ibid., S. 25].

Винниг пропускает подробности уличных боев в Кёнигсберге 3–4 марта, ограничиваясь лаконичным подведением итогов операции: «Разоружение и роспуск морской дивизии одним ударом прояснили положение. Циркулярная телеграмма всем Советам провинции, в которой им предлагалось в установленный срок дать ответ, признают ли они распоряжение Совета Народных Уполномоченных от 19 января (которое ограничивало их юрисдикцию), возымела желанный успех. Теперь они все подчинились законной власти» [Ibid., S. 26].

Характерно, что на этом Винниг видел свою главную задачу выполненной и собирался покинуть Восточную Пруссию, однако имперское правительство сочло его пребывание там необходимым, поручив ему решение ряда других вопросов.

Прежде всего было необходимо остановить рост числа безработных в городе и провинции, связанный с притоком военнотружеников и рабо-

чих военных заводов. Винниг отмечает, что охотнее других откликнулись лесное ведомство и управление железной дороги, да и начавшиеся полевые работы также предоставили возможность задействовать определенное количество рабочих рук.

Сложнее обстояло дело с муниципалитетом Кёнигсберга, который уже распределил среди предпринимателей заказы по сносу укреплений, и его возможности по расширению площадок общественных работ были ограничены. Все же под нажимом Виннига, который пригрозил учредить должность городского комиссара для Кёнигсберга с широкими полномочиями, муниципалитет предоставил 6 тысяч рабочих мест [Ibid., S. 27].

Одну из важных задач имперского комиссара в новых условиях Винниг видел в противодействии спартакистской пропаганде в деревне, особенно среди наемных рабочих. Здесь сказался прежний его профсоюзный опыт работы: он предложил регулировать экономические отношения сельских хозяев и сельскохозяйственных рабочих посредством заключения тарифных соглашений, контроль за соблюдением которых должна была осуществлять специально созданная организация работодателей [Ibid., S. 28].

Однако с течением времени для Виннига на первый план все больше стали выходить внешнеполитические вопросы — сохранение германского влияния в странах Балтии и противодействие в этом регионе росту влияния большевистской России. Верный своей русофобской линии, Винниг полагал, что главной целью большевиков была смена правящего культурного слоя этих стран, который был преимущественно немецким [Ibid., S. 29].

Другим важным внешнеполитическим аспектом деятельности Виннига было противодействие территориальным притязаниям Польши на Позен, Западную Пруссию и Мазуры. Их поддерживали европейские державы, прежде всего Франция. Эти обстоятельства создавали питательную почву для роста восточнопрусского сепаратизма, который, по Виннигу, не имел ничего общего с государственной изменой, а был только своеобразной формой национального возмущения [Ibid., S. 36].

По мнению имперского комиссара, главной целью должно было стать спасение немецкой государственности на востоке посредством отделения Восточной Пруссии от рейха и образования Балтийского союза вместе с Литвой, Курляндией, Лифляндией и большей частью Западной Пруссии. Однако Винниг, при всем своем сочувствии этому плану, не верил в его жизнеспособность, поскольку реально оценивал отношение к нему литовского и латышского населения (и национальных элит), особенно после трехлетнего оккупационного правления немцев [Ibid., S. 36]. Не следует также забывать, что планы предоставления гражданства и земельных участков так называемым «балтийцам» (Baltikumer), участникам добровольческих формирований, после устранения «красной» опасности уже не находили поддержки у национальных правительств стран Балтии.

Именно в это время (весна 1919 г.), пишет Винниг, против него в партии началась борьба и клеветническая кампания. Из Веймара (местонахождение тогдашнего Национального собрания) в Кёнигсберг приезжала даже специальная парламентская комиссия для проведения расследования на месте, по итогам работы которой состоялось заседание кабинета. Характерно, что Винниг обо всем этом узнал задним числом [Ibid., S. 32].

После ухода в отставку в конце июня оберпрезидента провинции А. фон Батоцки Винниг по настоянию министр-президента Пруссии П. Хирша и министра внутренних дел Германии В. Гейне согласился занять вакантную должность, сохранив за собой все полномочия имперского комиссара. Теперь по долгу службы он должен был вникать в повседневную административную деятельность обер-президиума. Не без сожаления Винниг пишет, что его духовная жизнь в этот период стала беднее, по вечерам вместо чтения любимого О. Шпенглера ему приходилось штудировать имперское Уложение законов и другую специализированную литературу [Ibid., S. 38].

Однако не ради юридического самообразования Винниг согласился занять должность обер-президента провинции Восточная Пруссия. Вкупе с полномочиями имперского комиссара это давало ему дополнительные возможности отстаивать интересы провинции, особенно в свете предстоявших плебисцитов и возможной активизации польского повстанческого движения на спорных территориях. Как метко заметил немецкий историк Р. Шумахер, «Виннига скорее следует считать представителем интересов провинции в рейхе, нежели представителем интересов рейха в Западной и Восточной Пруссии» [14, S. 53].

Винниг даже задумывался об инвентаризации и соответствующем размещении имевшегося на складах вооружения до приезда в провинцию контрольных комиссий Антанты [9, S. 40]. Этот вопрос был косвенным образом связан с его желанием сохранить присутствие немецкого армейского корпуса в Прибалтике, который в случае необходимости можно было задействовать в борьбе с польским повстанческим движением. Однако руководство СДПГ и западные державы настаивали на его расформировании, поскольку угроза русского вторжения миновала, и в его присутствии больше не было необходимости. Винниг даже с горькой иронией отмечает, что социал-демократическая пресса охотно приводила свидетельства демобилизованных солдат о якобы имевшихся случаях злоупотреблений и насилий со стороны германской армии, замалчивая тот факт, что таковые были уволены со службы именно по этому поводу [Ibid., S. 42].

К концу года в отношениях между Виннигом и руководством СДПГ накопился изрядный горючий материал для взаимного недовольства. Политика имперского комиссара и обер-президента вызывала резкое противодействие партии, непосредственным поводом к которому послужило совмещение Виннигом двух важнейших административных должностей. Несмотря на протесты партии, министр внутренних дел Пруссии В. Гейне настоял на назначении Виннига обер-президентом

провинции. Более широко смотрел последний и на перспективы парламентской борьбы в Веймарском Национальном собрании, сближаясь в необходимых случаях с Немецкой народной партией и консерваторами. Характерно, что сам Винниг объяснял новую тактику объективным ходом вещей и реальной политикой, которую нельзя оценивать только с партийной точки зрения. Переход от оппозиции (в кайзеровской Германии) к коалиционным правительствам и ответственности кабинета (после революции) совершился слишком быстро, а СДПГ все еще пребывала в плену партийных догм [Ibid., S. 62–63].

Очередным яблоком раздора между Виннигом и руководством СДПГ стала предложенная первым кандидатура барона фон Гайля на должность комиссара по плебисциту в Алленштайне, который должен был состояться 11 июля 1920 г. В СДПГ его считали прусским реакционером, а его послужной список давал для этого все основания (руководитель политического отдела при верховном командовании «Восток» в годы Первой мировой войны; затем шеф военного управления «Литва-Север» в Ковно; в 1919 г. возглавил новую структуру «Защита Отечества» при обер-президиуме). Личное знакомство Виннига с фон Гайлем по работе в Прибалтике и политический опыт последнего стали решающими факторами в его назначении, хотя на обер-президента обрушился очередной шквал критики и обвинений в сотрудничестве с восточнопрусскими реакционерами [Ibid., S. 64].

Вообще, тема отношений Виннига с СДПГ, их взаимного охлаждения и отчуждения рефреном проходит через весь текст его воспоминаний. Однако все же складывается впечатление, что это отчуждение носило временный, ситуативно-конъюнктурный характер и не было вызвано глубинными идейными разногласиями. Р. Шиндо резюмирует: «Задачи имперского комиссара, которые заключались в обороне немецкой границы от советского наступления, а также в подавлении рабочих и солдатских Советов, делали необходимым тесное сотрудничество не только с военными властями, но и с ведущими политиками. Социал-демократ Винниг вследствие этого все более сближался с восточнопрусскими консерваторами и особенно с приверженцами плана создания Восточного государства» [15, S. 58].

Капповскому путчу в марте 1920 г. и своему участию в нем, послужившему формально-юридическим предлогом для исключения Виннига из партии и смещения со всех государственных постов, мемуарист уделяет всего лишь пару страниц. И дело здесь не столько в том, что своим отказом поддержать генеральную стачку (на которой настаивала СДПГ) и признанием де-факто власти правительства Каппа Винниг занял сторону путчистов, сколько в целеполагании его действий, которые были направлены на сохранение внутреннего спокойствия в провинции накануне Варминско-Мазурского плебисцита 11 июля [9, S. 78]. Во всяком случае, у читателя (и у руководства Старой СДПГ) должно было сложиться представление о неизбежности и правильности действий Виннига, которые сохранили за Германией важные территории на северо-востоке страны.

Список источников и литературы

1. Виноградов М. В. Восточнопрусский анклав в межвоенный период (1918–1939 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
2. Восточная Пруссия с древнейших времен до конца Второй мировой войны. Исторические очерки, документы, материалы. Калининград, 1996.
3. Драбкин Я. С. Революция 1918–1919 гг. в Германии. М., 1958.
4. Гальцов В. И., Сергеев В. В. От войны к революции: Восточная Пруссия в 1917–1918 годах // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени СПГУ. 2018. №18-1. С. 134–147.
5. Головачев Ф. Ф. Рабочее движение и социал-демократия Германии в годы Первой мировой войны. М., 1960.
6. Очерки истории Восточной Пруссии. Калининград, 2002.
7. Прибалтийский излом (1918–1919). Август Винниг у колыбели эстонской и латышской государственности / пер., предисл. и комм. Л. В. Ланника [и др.]. М., 2019.
8. *Auf Spurensuche* zur Geschichte der Sozialdemokratie Ostpreußen. Zusammen gestellt von W. Reske. Dresden, 2015. Teil 8.
9. Winnig A. 400 Tage Ostpreussen. Dresden, 1928.
10. Gause F. Die Geschichte der Königsberg in Preußen. Köln, 1996. Bd. 3.
11. Klatt R. Ostpreussen unter dem Reichskommissariat 1919/1920. Heidelberg, 1958.
12. Manthey J. Königsberg. Geschichte einer Weltbürgerrepublik. München, 2005.
13. Ribhegge W. August Winnig. Eine historische Persönlichkeitanalyse. Bonn-Bad Godesberg, 1973.
14. Schumacher R. Die Preußischen Ostprovinzen und die Politik des Deutschen Reiches 1918–1919. Köln, 1985.
15. Shindo R. Ostpreußen, Litauen und die Sowjetunion in der Zeit der Weimarer Republik. Berlin, 2013.

Об авторах

Геннадий Викторович Кретинин — д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gvkretinin@gmail.com

Александр Сергеевич Макарычев — ст. науч. сотр., Калининградский областной историко-художественный музей, Россия.

E-mail: aleks.serg.makarychev@gmail.com

The authors

Prof. Gennady V. Kretinin, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: gvkretinin@gmail.com

Aleksandr S. Makarychev, Senior Research, Kaliningrad Regional Museum of History and Art, Russia.

E-mail: aleks.serg.makarychev@gmail.com

С. О. Панин

**УЧАСТИЕ ИНОСТРАННЫХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ
В ГРЕЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1821 – 1830 ГОДОВ**

Рассматривается развернувшееся в Европе добровольческое движение в Грецию с целью определить его роль в революции 1821 – 1830 гг. Источниками для исследования послужили воззвания повстанцев, дипломатические документы, материалы филэллинских комитетов, пресса, дневники, воспоминания и корреспонденция современников. Анализируются предпосылки, организация, источники финансирования, характер участия добровольцев в боевых действиях. В исследовании использованы историко-генетический и историко-сравнительный методы. Идея об ответственности европейцев за судьбу греков появилась в просвещенных кругах Европы задолго до Греческой революции. С началом восстания на Пелопоннесе она получила развитие в виде создания филэллинских комитетов, организовавших сбор средств для греков и отправку добровольцев в Грецию. Автор делает вывод, что участие иностранных добровольцев в военных действиях имело ограниченное значение, тогда как их вклад в пропаганду греческого дела был очень существенным и выразился в побуждении общественного мнения и правительств европейских стран к заступничеству за греков. В свою очередь, дипломатическая помощь европейских держав стала главным фактором в успехе революции и обретении Грецией независимости.

71

The article examines the volunteer movement from European countries to Greece in order to assess its role in the revolution of 1821 – 1830. The study relies on the proclamations of the rebels, diplomatic documents, materials of the Philhellenic committees, the press, diaries, memoirs and correspondence of contemporaries. The author analyzes the background, organization, funding sources, the nature of the participation of volunteers in hostilities. The study used historical-genetic and historical-comparative methods. The idea of the responsibility of Europeans for the fate of the Greeks appeared in the enlightened circles of Europe long before the Greek Revolution. With the beginning of the uprising on the Peloponnese, it developed into Philhellenic committees, which raised money for the Greeks and sent volunteers to Greece. The author concludes that the participation of foreign volunteers in hostilities had limited importance, while the contribution to the propaganda of the Greek cause was highly significant and encouraged public opinion and the governments of European countries to intercede for the Greeks. In turn, diplomatic assistance from European powers played the major success role for the revolution and Greece's independence.

Ключевые слова: Греция, Греческая революция 1821 – 1830 гг., филэллизм, добровольческое движение

Keywords: Greece, Greek Revolution of 1821 – 1830, philhellenism, volunteer movement

Добровольческие военные движения, получившие широкое распространение в XIX—XX вв. [12, с. 20] и продолжающие играть важную роль в ходе различных вооруженных конфликтов, все еще остаются недостаточно изученным явлением. И хотя много написано о подвигах добровольцев, их вкладе в освободительные войны и революции, до сих пор не исследованы механизмы организации, финансирования и функционирования добровольчества, причастность к нему внешних по отношению к самим волонтерам сил, в том числе заинтересованных в сокрытии своих намерений правительств разных стран. В настоящей статье рассматривается один из самых ярких эпизодов в истории этого явления в XIX в. — движение в поддержку Греческой революции 1821—1830 гг.

В отечественной историографии эта тема была затронута в работе Г.Л. Арша (сюжет о восстании А.К. Ипсиланти) [1]. Среди зарубежных ученых внимания заслуживает исследование британского историка У. Сент-Клэра [29], который указывал на противоречивость волонтерского движения, его зависимость от политики правительств великих держав. Отдельные аспекты добровольческого движения в Грецию нашли отражение в работах Д. Финлея, Т. Гордона, Г. Толиаса [23; 25; 31]. Вместе с тем пока остаются без ответа важные вопросы, которые касаются особенностей добровольческого движения, его связей с политикой европейских государств, по-разному оценивается роль волонтеров в национальном освобождении греков. Попытка ответить на эти вопросы и является целью настоящей статьи. Источниками для исследования этой темы стали воззвания вождей восстания, документы дипломатических ведомств ряда европейских стран, отчеты и переписка филэтлинских комитетов, дневники, воспоминания и письма современников, а также материалы прессы.

Восстание Ипсиланти

К началу XIX в. все балканские народы находились под властью Османской империи. Однако эта власть ослабевала, подтверждением чему стал ряд поражений Порты в войнах с Австрией и Россией. Великая французская революция с ее идеями свободы придала импульс национальному подъему балканских народов Османской империи. В Греции и во многих европейских странах с крупными колониями греческих эмигрантов стали возникать тайные общества — этерии (гетерии), целью которых было освобождение Греции из-под турецкой власти.

Одно из таких обществ было создано тремя выходцами из Греции в 1814 г. в Одессе под названием «Филики Этерия» [2, с. 48—49] для подготовки восстания против Порты. В 1820 г. общество возглавил генерал-майор русской армии, представитель аристократического фанариотского рода Александр Ипсиланти. Первоначальный план заговорщиков предполагал высадку отряда Ипсиланти в материковой Греции, однако позже было решено действовать в Дунайских княжествах, куда

Турция не имела права вводить войска без согласия России [7]. Такому шагу благоприятствовало начавшееся в 1821 г. в западной Валахии крестьянское восстание во главе с Тудором Владимиреску, с которым этеристам удалось договориться о совместных действиях.

Нет сомнений, что все эти приготовления были известны российскому правительству. Так, в письме главному начальнику южных губерний России А. Ф. Ланжерону от 26 февраля (10 марта) 1821 г. сам Ипсиланти сообщал: «Е. в[еличест]во император осведомлен обо всем, и в[аше] с[иятельст]во не рискуете ничем, если выдадите паспорта всем грекам, желающим присоединиться ко мне и вернуться в свою страну...» [5, т. 4, с. 640]. Будучи генералом русской армии, он был формально уволен с действительной службы и беспрепятственно двинулся из Бессарабии в Яссы [10, с. 49]. Там 24 февраля (8 марта) 1821 г. он обнародовал воззвание к «мужественным эллинам» с призывом «сражаться за веру и отечество», содержавшее прямой намек на поддержку со стороны России: «Начните действовать, друзья, и вы увидите державную силу, защищающую права наши» [6, с. 294 – 295].

Силы Ипсиланти не превышали 6 тысяч бойцов [7]. Среди них основную массу составляли завербованные в Молдавии греки; второй по значимости группой были выходцы из России (греки и русские), также имелось некоторое количество болгар и албанцев из числа турецких подданных. Они были обмундированы, вооружены и обучены «по-европейски» [16, № 13, с. 76; 27, S. 67].

После первых успехов Владимиреску и Ипсиланти планировали переправиться через Дунай в Турцию [16, № 11, с. 239 – 240]. Попытки Владимиреску пойти на переговоры с Портой вызвали резко негативную реакцию у этеристов. Вдобавок Александр I отказался официально поддержать Ипсиланти, которого в Валахии считали едва ли не доверенным лицом царя. В мае 1821 г. турецкие войска вторглись в Молдавию и Валахию. Владимиреску был казнен этеристами по обвинению в сотрудничестве с турками [16, № 13, с. 76]. Движение было разгромлено турецкими войсками, а сам Ипсиланти с небольшим отрядом отступил в Трансильванию. Там он был арестован австрийскими властями и заключен в крепость [11, с. 346].

Кампания Ипсиланти в Валахии в 1821 г. с формальной точки зрения оказалась первым по времени этапом в добровольческом движении в Грецию. Однако из-за отсутствия надежных источников характер этого предприятия и мотивы повстанцев остаются нераскрытыми. Большинство волонтеров были этническими греками, закупка оружия, обмундирования и продовольствия осуществлялась греческими обществами из России. В то же время связь Ипсиланти с российскими властями [18, с. 51] дает основания предполагать, что часть участников движения не были добровольцами, а выполняли миссию, отвечающую внешнеполитическим интересам России. Восстание окончилось неудачей, но способствовало отвлечению турецких сил от борьбы с восставшими в конце марта 1821 г. греками на Пелопоннесе.

Филэллинизм в Европе: организация и финансирование

С начала XIX в. в Европе распространяется филэллинизм — увлечение греческой историей и культурой, чему способствовали рост числа путешественников в Грецию и мода на Античность [22, р. 22; 31, р. 55]. Идеи филэллинизма культивировались среди греческих эмигрантов и через них транслировались в интернациональную среду образованных сословий разных стран. В умах европейцев утвердилось мнение о греках как прямых потомках эллинов, а Древняя Греция представлялась едва ли не земным раем. Из этого следовало, что освобождение (и последующее возрождение) Греции должно стать общим делом всего цивилизованного мира.

В европейских газетах значительно преувеличивались успехи греческих повстанцев: говорилось о присоединении болгар и сербов к восстанию, сообщалось о морских победах над вражескими флотами. Агитацию в пользу греческого дела вели представители творческой элиты и прогрессивные профессора некоторых университетов. Весь этот ажиотаж побуждал особо отзывчивых жителей европейских стран откликнуться на призыв о помощи греческим революционерам и записаться в добровольцы [29, р. 62 — 63].

Волонтеры руководствовались не только возвышенными идеями. Часто отъезд в Грецию определялся трудными жизненными обстоятельствами: неудачами в личной и профессиональной жизни, тяжелым финансовым положением и др. В числе добровольцев насчитывалось немало военных, особенно пламенных бонапартистов, оказавшихся после окончания Наполеоновских войн не у дел и планировавших применить свои профессиональные навыки в Греции [25, vol. 1, р. 294]. Либерально настроенные студенты немецких университетов видели в волонтерском движении протест против реакционных властей Австрии и Пруссии. Итальянцы подчеркивали свое культурное и генетическое родство с греками, среди них было много «профессиональных революционеров», вынужденных покинуть родину и успевших поучаствовать в нескольких революциях 1820-х гг. По-видимому, похожей мотивацией руководствовался и знаменитый английский поэт лорд Дж. Г. Байрон, который писал: «Я подумывал и до сих пор подумываю о Южной Америке, но колеблюсь между нею и Грецией» [4, с. 304]. Подданные Османской империи — сербы, болгары и черногорцы — надеялись, что успех греков в борьбе за независимость станет шагом на пути к освобождению всего Балканского полуострова от османов.

Лишь небольшое число волонтеров отправились в Грецию за свой счет, самостоятельно приобретая оружие и форму. Некоторые оплатили проезд на торговых судах, как, например, лорд Байрон и шотландский филэллин Т. Гордон, либо снарядили корабль на личные средства. Большинство добровольцев вынуждены были прибегнуть к помощи благотворительных филэллинских комитетов. Первая такая организация была основана в Берне в августе 1821 г., затем они появились в других городах Швейцарии — Цюрихе, Женеве и Лозанне [29, р. 160], а

вскоре распространились по всему европейскому континенту (Нидерланды, Дания, Великобритания, Франция). В Австрии и Пруссии, правительства которых были апологетами контрреволюционных принципов Священного союза, не могло быть и речи о легальном создании таких комитетов. Зато сторонники греческого дела были активны в Бадене, Вюртемберге и других землях юго-западной Германии. В России солидарность с Грецией ограничилась официально разрешенным сбором денежных средств по подписке в пользу греческих беженцев из Османской империи [1, с. 163]. Филэллинские комитеты создавались и в других частях света — в Нью-Йорке и Бостоне (США), даже в Калькутте (Индия).

Общественное мнение по греческому вопросу не всегда совпадало с позицией правительств. Так, английское правительство первоначально не поддержало восстание в Греции [14, с. 20]. Только после резни на острове Хиос в апреле 1822 г., вызвавшей всеобщее возмущение британской прессы, и после прихода в Форин-офис Д. Каннинга, симпатизировавшего грекам, стало возможным создание комитета в Лондоне. Греки нашли поддержку и в парламенте. Депутат из Сассекса У. Уилберфорс 15 июля 1822 г. произнес в палате общин пламенную речь в их защиту: «По правде говоря, позором для всех европейских держав было то, что они давно не предприняли скоординированных усилий и не отбросили нацию варваров, древних и закоренелых врагов христианства и свободы, в Азию» [20]. Одним из мотивов этой перемены стали опасения усиления влияния России и Франции в Греции [5, т. 5, с. 93]. По этому поводу один из депутатов парламента заметил: «Если бы все народы объединились, чтобы сделать Грецию независимым государством, это стало бы барьером, который сломил бы гигантское влияние России» [26].

Греческий комитет в Лондоне был создан в марте 1823 г. для сбора пожертвований и с целью лоббирования интересов повстанческого правительства в коридорах власти. При его содействии в феврале 1824 г. было заключено соглашение о предоставлении кредита на 800 тыс. ф. ст., а в 1826 г. — о кредите еще на 2 млн ф. ст. [30, р. 127–128]. Предоставление кредита означало фактическое признание революционного правительства. Общая сумма заимствования у правительства была намного выше пожертвований, собранных всеми филэллинскими комитетами. Кредит, выданный Греции, открывал возможности для последующей британской экономической экспансии в эту страну. Об этом писал и Байрон: «... излишне напоминать Комитету о всех выгодах, какие извлечет Великобритания из победы греков и тех торговых связей, которые вероятно будут с ними установлены...» [4, с. 307].

Деятельность филэллинских комитетов в разных странах строилась примерно одинаково, между ними поддерживались связи, а иногда осуществлялась и координация действий, особенно между швейцарскими и немецкими [29, р. 69–70]. Главным направлением работы был сбор денежных средств. С этой целью печатались и распространялись брошюры, в прессе публиковались статьи и стихи, организовывались

благотворительные вечера, средства поступали от подписки на газеты и т. п. Сохранились только отрывочные сведения о собранных суммах, но они позволяют представить размах деятельности греческих симпатизантов. Так, за время революции американские комитеты сумели собрать около 60 тыс. долл., французские — 60 тыс. фр., голландские — 30 тыс. фр., Лондонский комитет — около 11 тыс. ф. ст., Калькуттское общество отправило в Грецию 1,2 тыс. ф. ст. [21, р. 381, 439; 30, р. 131–132].

Комитеты закупали и пересылали в Грецию продукты питания, одежду и обувь, медикаменты, оплачивали обучение греков в европейских школах и университетах. Но главной статьей расходов было снаряжение волонтеров, высказавших желание принять участие в войне на стороне греков. Для них приобреталось оружие, обмундирование, оплачивался проезд до Греции. Ответственность комитетов заканчивалась, как только волонтеры оказывались на греческой земле.

Численность и социальный состав добровольцев

Первыми добровольцами стали греки-эмигранты, обучавшиеся в европейских университетах или занимавшиеся морским делом. К ним присоединились греки из разбитых отрядов Ипсиланти. Примеру греков из Западной Европы последовали их соотечественники из других мест сосредоточения греческой диаспоры — Анатолии, Египта, Ионических островов.

В самом начале движения среди греческих добровольцев оказались европейцы других национальностей. В числе первых к ним примкнул французский офицер, родившийся на Крите, И. Балест. Его привлек один из вождей восстания Д. К. Ипсиланти (брат А. К. Ипсиланти) для формирования и обучения полка «на европейский манер» [23, vol. 1, р. 323].

Количество добровольцев из числа греческих эмигрантов невозможно хоть сколько-нибудь точно подсчитать. Известно, что первый регулярный батальон, который пытался сформировать Балест, в основном состоял из греков-эмигрантов с Ионических островов. У. Сент-Клэр насчитал 940 волонтеров-филэллинов из Европы: 342 немца, 196 французов, 137 итальянцев, 99 британцев, 35 швейцарцев, 30 поляков, а также небольшие группы голландцев, бельгийцев, испанцев, португальцев, шведов, датчан, венгров, американцев и др. [29, р. 356]. Из них 313 (1/3) погибли, умерли от ран или болезней. В это число не вошли добровольцы из России и с Балкан (сербы, черногорцы, болгары, румыны). Между тем одних только сербов воевало не менее сотни [9, с. 427]. Всего в качестве добровольцев в Греческой революции приняло участие несколько тысяч человек.

Добровольческое движение не было непрерывным процессом, а развивалось волнообразно. Примечательно, что в начальный период добровольческого движения (1821–1822) на первом месте по количеству добровольцев были немецкие государства, затем (в 1823–1825 гг.) — британцы, а на заключительном этапе (1826–1830) лидировали французы [29, р. 356].

Волонтеры в основном принадлежали к двум категориям — военные и студенты. Большинство первых были офицерами и придерживались либеральных либо бонапартистских взглядов. Многие имели опыт участия в Наполеоновских войнах, европейских революциях 1820-х гг. и даже в войне за независимость испанских колоний в Америке. Учащаяся молодежь была разночинской. Помимо студентов среди гражданских были представители различных профессий — врачи, юристы, купцы, ремесленники и др.

Участие добровольцев в революции

Большинство добровольцев отправлялись в Грецию с целью участия в боевых действиях на стороне повстанцев. Однако регулярной греческой армии не существовало — вместо армейского командования их встречали упомянутый выше Балест и другие энтузиасты из числа греческих эмигрантов. Балест пытался обучить новобранцев европейскому воинскому искусству, за основу был взят французский военный кодекс.

Отсутствие регулярной армии, а также политическая обстановка в Греции, которая представляла собой «лоскутное одеяло» из фактически независимых общин, которые возглавляли враждовавшие между собой вожди, привели к тому, что первые впечатления для многих из волонтеров были шоковыми [24, р. 33]. Расхождение представлений о войне в Греции и действительности было сильным. Некоторые разочарованные добровольцы с первым же кораблем покидали Грецию, этот процесс происходил на протяжении всей революции. Тем не менее их рассказам в Европе мало кто верил, списывая их разочарование на личную слабость и предвзятость. Байрон писал: «...сколько иностранных офицеров — итальянцев, французов и даже немцев вернулись оттуда (из Греции) недовольными, вообразив, должно быть, что им предстояла увеселительная поездка или самая необременительная служба с хорошим жалованием и быстрым продвижением» [4, с. 307]. Европейцы были разочарованы многим из увиденного в Греции: потомки древних эллинов «отуречились» — предпочитали сидеть на корточках [29, р. 35–36], не считали обязательным создание регулярной армии [17, с. 88]. Греки нередко убивали пленных, если за них нельзя было получить выкуп. Такие действия и военные обычаи вызывали недоумение и отвращение у многих европейцев.

Очевидец событий, шотландский филэллин Д. Финлей писал: «Турки всегда были кровожадной расой, равнодушной к человеческим страданиям... Греки в результате длительного угнетения, деградировали в некую разновидность христианских турок» [23, vol. 1, р. 235]. Они гордились своими боевыми приемами и в некоторой степени презирали европейскую дисциплину, считая ее недостойной свободных людей. Неприятие добровольцев вызывала и жестокость греков в отношении мирного населения [17, р. 72–73], хотя те считали ее ответом на многовековой османский гнет. Кроме того, волонтеры жаловались на трусость, неблагодарность и подлость греков [23, vol. 2, р. 69].

Пестрый состав добровольцев стал причиной ссор, драк и даже дуэлей между ними — французами и немцами, немцами и датчанами, солдатами и студентами и т. д. Нередко случались бытовые конфликты между греками и добровольцами, в одном из таких конфликтов был убит шведский офицер [4, с. 334]. Волонтеры роптали на антисанитарные условия, нехватку денег и продовольствия, медленное продвижение по службе.

Участие полка волонтеров под командованием Балеста в боевых действиях оказалось весьма ограниченным. Они внесли существенный вклад в падение Триполицы в октябре 1821 г. и отражение высадки турецкого десанта у Наварина. А вот действия во время штурма Нафплиона оказались неудачными и вызвали отток волонтеров из полка. Балест уехал на Крит, где погиб в одном из вооруженных столкновений, командование отрядом перешло к итальянскому полковнику П. Тарелле [22, р. 93], а затем, по инициативе филэллинских комитетов, — к отставному генералу К.Ф. Норману из Вюртемберга. Реорганизованный им батальон потерпел поражение в битве при Пете в апреле 1822 г., приняв бой с противником, имевшим шестикратное превосходство [25, vol. 1, р. 388—390]. Батальон потерял $\frac{2}{3}$ своего состава — погибли 67 филэллинов, в том числе полковник Тарелла, а генерал Норман получил ранение, от которого скончался через несколько месяцев. Батальон же был расформирован.

Дальнейшее развитие движения оказалось связанным с возросшей ролью Англии в греческом вопросе и деятельностью Байрона в Миссолонги [24, р. 34—35]. Отъезд прославленного поэта в Грецию всколыхнул новую волну добровольчества. Еще перед этим Байрон продал значительную часть своего английского имущества, собираясь потратить вырученные средства на нужды революции. Пообещав заплатить европейцам, уже находившимся в Греции, он смог привлечь в свой отряд много офицеров. Выступая в роли посредника между враждующими греческими вождями, он старался объединить силы греков. Активные боевые действия в Миссолонги не велись, поэтому Байрон решил организовать экспедицию с целью освобождения захваченного османами города Лепанто [4, с. 336—337]. Однако из-за мятежа экспедицию пришлось отложить, а сам Байрон умер от болезни в апреле 1824 г.

Переломным моментом Греческой революции стало падение Миссолонги во время третьей осады города в апреле 1826 г. Его судьба оказалась тесно связанной с именем Байрона и имела символическое значение для европейцев, возродив в европейцах филэллинские настроения [3, с. 192]. Под впечатлением этого события французский художник Э. Делакруа написал картину «Греция на развалинах Миссолонги». Под давлением общественности европейские державы перешли к активной поддержке Греческой революции.

Греческое революционное правительство снова попыталось создать регулярную армию и назначило командиром французского офицера Ш.Н. Фавье [25, vol. 2, р. 336], а командующим всеми сухопутными греческими войсками повстанческим правительством стал британский

генерал сэр Р. Черч. И на этот раз участие филэллинов-иностранцев в боях снова оказалось неудачным. Экспедиции на острова Эвбею и Хиос провалились [8, с. 191–192; 13, с. 93–94], а попытка деблокирования цитадели Акрополя в Афинах привела к крупнейшему поражению повстанцев за всю войну и падению Акрополя в июне 1827 г. На этом участие филэллинов в боях на суше закончилось, так как было прервано вмешательством европейских держав в греко-турецкий конфликт.

Около десятка добровольцев присоединились к командам военных кораблей, приняв участие в небольших сражениях. Британский офицер Ф. Э. Гастингс заказал в Англии первый паровой военный корабль для греческого флота, принял командование судном на себя и отличился при налете на порт Итея в сентябре 1827 г., уничтожив отряд из 9 турецких судов [28, р. 259–260].

Помимо военных действий добровольцы из Европы оказывали повстанцам содействие в разных сферах. С их участием открывались больницы и лазареты, в которых работали врачи-европейцы. Они участвовали в создании оружейных мастерских [21, р. 292]. Отличились волонтеры и на ниве культуры: налаживали выпуск газет, помогали открывать так называемые «ланкастерские» школы, в которых учителя обучали старших учеников, а те — младших, распространяли книги. В некоторых местах удалось организовать общедоступные библиотеки [4, с. 322].

Во время и после войны ряд волонтеров выполняли при повстанческом правительстве функции чиновников и военных губернаторов. Примечательно, что в разработке первой греческой конституции, принятой 1 января 1822 г., активно участвовал итальянский филэллин Винченцо Галлина [15, с. 168], а бывший министр иностранных дел России граф И. Каподистрия в 1827 г. был даже избран правителем Греции.

Заключение

Добровольческое движение во время Греческой революции 1821–1830 гг. по своему масштабу можно считать уникальным явлением. Тысячи волонтеров в силу религиозных, политических, культурных, гуманистических или личных соображений отправились сражаться за свободу Греции. В это число вошли греки-эмигранты и коренные жители стран Западной, Центральной и Восточной Европы, а также представители балканских народов, которые были подданными Османской империи. Характерно, что начало и окончание революции оказались связанными с деятельностью греческих эмигрантов на русской службе, один из которых, А. Ипсиланти, начал борьбу в Валахии, а другой — его брат Д. Ипсиланти — одержал победу над турками в последней битве при Петре в 1829 г.

Важную роль в организации движения сыграли филэллинские комитеты, которые смогли взять в свои руки отправку и финансирование добровольцев. Прямой вклад добровольцев в боевые действия был довольно ограниченным, значительнее оказались политические последствия. Помимо моральной поддержки волонтеры способствовали рас-

ширению финансовой и материальной помощи повстанцам, в том числе в виде государственных и частных займов греческому правительству. Действия волонтеров оказали большое влияние на общественное мнение своих стран и способствовали отказу ведущих европейских государств от политики нейтралитета в пользу греков. С другой стороны, добровольческое движение отчасти контролировалось правительствами европейских стран, а нередко и становилось инструментом их воздействия на события в Греции и вокруг нее.

Немаловажным оказался и тот факт, что движение филэллинов способствовало более близкому знакомству и культурному сближению европейцев и греков, избавлению от некоторых мифов и стереотипов в отношении друг друга.

Список источников и литературы

1. *Арш Г.Л.* Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М., 2013.
2. *Арш Г.Л.* Тайное общество «Филики Этерия»: Из истории борьбы Греции за свержение османского ига. М., 1965.
3. *Арш Г.Л.* Через тяжкие испытания к независимости. Каподистрия, первый президент Греции // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны) / отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2012. С. 190–201.
4. *Байрон Дж.* Дневники и письма. М., 1963.
5. *Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского МИД / отв. ред. А.Л. Нарочницкий.* М., 1980. Т. 4; 1982. Т. 5.
6. *Воззвание к грекам князя Ипсиланти* // Русский архив. 1868. №2. С. 294–297.
7. *Ипсиланти А.К.* // Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. 8. С. 127–128.
8. *История XIX века / под ред. Э. Лависса и А. Рамбо.* М., 1938. Т. 3.
9. *Маноллович М.* Иоанис А. Пападрианос. Грчко ослобођење 1821 и његове балканске размере // Историјски часопис. 2000. №45-46. С. 425–427.
10. *Новости политические* // Сын Отечества. 1821. Ч. 69, №15. С. 45–52.
11. *О видах касательно будущей судьбы греков* // Вестник Европы. 1821. №24. С. 340–347.
12. *Окороков А.В.* Русские добровольцы. М., 2007.
13. *Палеолог Г.Н.* История вмешательства России, Англии и Франции в войну за независимость Греции. СПб., 1863.
14. *Палеолог Г.Н., Сивинис М.* Исторический очерк народной войны за независимость Греции. СПб., 1867.
15. *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. Очерки политического развития. М., 2010.
16. *Политические и другие происшествия* // Вестник Европы. 1821. №11. С. 235–240; №13. С. 69–77.
17. *Феоктистов Е.М.* Борьба Греции за независимость. СПб., 1863.
18. *Шпаро О.Б.* Освобождение Греции и Россия. 1821–1829. М., 1965.
19. *Яковенко И.П.* Молдавия и Валахия с 1820 по 1829 год. СПб., 1834.
20. *Cause of the Greeks* // Hansard. 1822. 15 July. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1822/jul/15/cause-of-the-greeks> (дата обращения: 03.02.2020).
21. *Comstock J.L.* History of the Greek revolution. N. Y., 1829.
22. *Dakin D.* The Greek Struggle for Independence 1821–1833. Berkeley, 1973.

23. *Finlay G.* History of the Greek revolution : in 2 vols. Edinburgh, 1861.
24. *Glenney M.* The Balkans. Nationalism, War and the Great Powers, 1804–1999. L., 2001.
25. *Gordon T.* History of the Greek revolution : in 2 vols. Edinburgh ; L., 1832.
26. *Greek hostages at Constantinople* // Hansard. 1822. 17 July. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1822/jul/17/greek-hostages-atconstantinople#column_1665 (дата обращения: 19.02.2020).
27. *Pantschoff M.* Kaiser Alexander I und der Aufstand Ypsilantis, 1821. Leipzig, 1891.
28. *Phillips W.A.* The war of Greek independence 1821 to 1833. L., 1897.
29. *St. Clair W.* That Greece Might Still Be Free. The Philhellenes in the War of Independence. Cambridge, 2008.
30. *The Greek Committee* // Westminster Review. 1826. Vol. 6. P. 113–133.
31. *Tolias G.* The resilience of Philhellenism // The Historical Review. 2016. Vol. 13. P. 51–70.

Об авторе

Сергей Олегович Панин — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: spanin1995@yandex.ru

The author

Sergej O. Panin, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: spanin1995@yandex.ru

УДК 94(474.3)

К. А. Зверев

ПОЛИТИКА ЛАТВИИ В ОТНОШЕНИИ ОБРАЗОВАНИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

82

Рассмотрены развитие русскоязычного школьного образования в независимой Латвии с 1992 по 2020 г., а также процесс реформирования данной системы официальными властями. В Латвии на момент провозглашения независимости и выхода из состава СССР сложилась билингвальная система образования, позволявшая пройти обучение всех уровней (от детского сада до техникума и университета) как на латышском, так и на русском языке. Приход к власти в 1990-е гг. представителей националистических кругов и восприятие советского периода как периода «оккупации» сделали невозможным сохранение русскоязычной школы в неизменном виде. Преобразования не заставили себя долго ждать — уже в 1995 г. были приняты поправки к закону об основной школе и гимназии, провозглашавшие необходимость введения в школах для национальных меньшинств нескольких предметов с преподаванием на латышском языке. Наиболее крупные реформы были осуществлены в 2004 г., когда старшее звено русскоязычных школ (10 – 12-е классы) было обязано обучаться в пропорции 60/40 — не менее 60 % предметов на латышском языке, не более 40 % — на русском. Второй комплекс реформ начал реализовываться в 2017 г., когда старшая школа (национальных меньшинств) целиком перешла на латышский язык обучения, а средняя школа — лишь частично. Латвийские власти объясняют необходимость данных реформ стремлением повысить уровень знания государственного языка среди национальных меньшинств, в первую очередь русскоязычных. Реформа продолжается и будет завершена лишь в 2021 г. Данная статья является первой попыткой осмысления реформы русской школы Латвии с учетом последних преобразований. В работе используются статистические данные общественных организаций и Министерства образования Латвии, а также источники на латышском языке, которые вводятся в научный оборот впервые.

The article studies the development of Russian-language school education in independent Latvia from 1992 to 2020, as well as the process of reforming this system by official authorities. At the time of declaration of independence and withdrawal from the USSR, a bilingual education system which was formed in Latvia, made it possible to get education at all levels (from kindergarten to technical school and university) in both Latvian and Russian languages. The rise to power in the 1990s. nationalist politicians and the perception of the Soviet period as a period of "occupation", made it impossible to keep the Russian-speaking school unchanged. The transformations were not long in coming — already in 1995 amendments to the law on the primary school and gymnasium were adopted, proclaiming the need to introduce several subjects in the Latvian language in schools for national minorities. The largest reforms were carried out in 2004, when high school in Russian-

language schools (grades 10 – 12) was required to study in a 60/40 ratio – at least 60 % of subjects in Latvian and no more than 40 % in Russian. The second package of reforms began to be implemented in 2017, when the high school (of national minorities) completely switched to the Latvian language of instruction, and the secondary school was only partly switched to the Latvian language. The Latvian authorities explain the need for these reforms by the desire to increase the level of knowledge of the state language among national minorities, primarily Russian-speaking. The reform continues and will be completed only in 2021. This article is the first attempt at understanding the reform of the Russian school of Latvia, taking into account the latest transformations. The work uses statistical data from public organizations and the Ministry of Education of Latvia, as well as sources in the Latvian language, which are introduced into research space for the first time.

Ключевые слова: русскоязычное население Латвии, русскоязычное образование, реформирование образования, школы национальных меньшинств

Keywords: Russian-speaking population of Latvia, Russian-language education, reformation of education, schools of national minorities

Введение

Система образования является одной из основ любого государства, так как именно она отвечает за формирование личности гражданина и общества в целом. От уровня и качества знаний зависит отношение человека к тем или иным изменениям в стране и мире, а также конкурентоспособность на рынке труда. В стремлении повысить данную конкурентоспособность правительства практически всех стран непрерывно реформируют свою систему образования на протяжении последних десятилетий. Эти изменения затрагивают и интересы наших соотечественников, постоянно проживающих за рубежом. Так, на постсоветском пространстве практически повсеместно возобладала тенденция по переводу русскоязычного образования на национальные языки – по данному пути пошли государства Средней Азии, Грузия, Украина, но одной из первых – Латвия. Тем интереснее рассмотреть латвийский опыт реформирования русскоязычного образования, его цели, задачи и итоги. Дополнительную актуальность данной теме дает тот факт, что в 2020 г. латвийская реформа русской школы подошла к своему логическому завершению – впервые государственные экзамены в 9-х классах школ национальных меньшинств, а также обучение в 10–12-х классах проводились исключительно на латышском языке.

В Латвии проживает наиболее многочисленное в Прибалтийских государствах русскоязычное меньшинство, составлявшее на 1989 г. до 45 % всего населения [25], поэтому с советских времен здесь существовала билингвальная система образования, позволявшая пройти обучение всех уровней (от детского сада до техникума и университета) как на латышском, так и на русском языке. Но с выходом Латвии из состава СССР и курсом на построение национального государства встал вопрос о целесообразности сохранения данной системы. Приход к власти в 1990-е гг. националистических кругов и восприятие советского периода

как «оккупации», а местного русскоязычного населения — как «пришлых колонистов», призванных изменить этический состав Латвии [4], сделал невозможным сохранение русскоязычной школы в неизменном виде. Преобразования не заставили себя долго ждать — уже в 1995 г. были приняты поправки к закону об основной школе и гимназии [21], провозглашавшие необходимость введения в школах для национальных меньшинств как минимум двух предметов с преподаванием на латышском языке в основной школе и не менее трех в средней. Однако никакой речи об отказе от образования на русском языке не шло.

Новый же закон об образовании, принятый Сеймом в 1998 г. [18], предусматривал уже полный переход с 1 сентября 2004 г. на латышский язык обучения в старшем звене школы (10–12-е классы), а также на 1-х курсах в учреждениях среднего профессионального образования. Мотивировалась реформа необходимостью повышения уровня знаний латышского языка у иноязычных учеников, а значит и их конкурентоспособности на рынке труда. Ведь, согласно исследованиям, в 1989 г. лишь 23 % представителей национальных меньшинств владели латышским языком, в 2000 г. — уже 53 % [16].

Однако латыши восприняли реформу как ассимилятивную по своей сути, направленную на постепенное свертывание системы русскоязычного образования. Практически сразу, как стало известно о новой редакции закона об образовании, начались акции протеста со стороны учителей, родителей, общественности [7]. Была создана общественная организация «Штаб защиты Русских школ Латвии», выступившая главной координирующей силой противников реформы. Российская Федерация и ПАСЕ выразили обеспокоенность действиями официальной Риги [11; 13]. Но в целом какого-либо международного давления на Латвию оказано не было. Западные государства в канун масштабного евроатлантического расширения 2004 г. (Латвия, как и другие государства Восточной Европы, стала членом ЕС и НАТО именно в 2004 г.) предпочли не вмешиваться во внутренние дела Латвии и выработали известный консенсус по отношению к националистическому курсу Прибалтийских государств [4]. Кроме того, аналогичные преобразования в тот же самый момент планировались и в соседней Эстонии [5]. В итоге образовательная реформа фактически расколола латвийское общество по национальному признаку. Согласно социологическим исследованиям, ее поддерживали 77 % латышей, 26 % русских и 35 % представителей других национальностей [17, р. 41].

По мере приближения к установленным реформой срокам стало очевидно, что русскоязычные школы не готовы к полному переходу на латышский язык обучения (в 10–12-х классах) [15, с. 64–66]. Главными проблемами оказалось отсутствие необходимых методических пособий и недостаточный уровень владения государственным языком среди как учителей, так и учеников школ национальных меньшинств. Более масштабными стали и акции протеста [7]. В результате Кабинету министров пришлось пойти на компромисс и продлить переходный период еще на три года — до 1 сентября 2007 г. [22]. Была выработана новая

модель — 60/40: 60 % предметов должны преподаваться на латышском языке и 40 % предметов на русском, которую предусматривала новая редакция закона об образовании [19] с 10-го класса старшей школы. К преподаванию в пропорции 60/40 все школы национальных меньшинств приступили с 1 сентября 2004 г. Подчеркиваем, что реформа коснулась исключительно старшего звена, в основной школе (до 9-го класса) на данном этапе перевод на латышский язык обучения не происходил. При этом сторонниками данного компромиссного подхода в преподавании на латышском и русском к 2004 г. были лишь 18 % учителей, 11 % учеников и 7 % родителей учащихся школ национальных меньшинств [12]. Накануне осуществления реформы, в 2004 г., были проведены социологические исследования и мониторинги, показавшие, что лишь 18 % педагогов школ национальных меньшинств могут свободно говорить на латышском. 41 % учителей считали, что школьникам не под силу успешно обучаться в средней школе на латышском языке. Полностью готовы к переходу к системе 60/40 были 16 % школ; 46 % директоров, 51 % учителей, 38 % родителей и 15 % учеников считали, что их школа не сможет перейти на латышский язык обучения [1, с. 48]. Однако эти данные не повлияли на намерение латвийских властей претворить реформу в жизнь в указанные сроки.

Тем не менее правительство и Сейм четко дали понять, что пропорция 60/40 — это временное явление, конечной целью в будущем является полный перевод русскоязычного образования на латышский язык обучения (см.: [4; 5]). Продолжившиеся протесты, иск общественных организаций и русскоязычных депутатов Сейма в Конституционный суд Латвии с требованием отмены реформы как противоречащей Конституции не привели к каким-либо изменениям [23]. Однако, по нашему мнению, столь высокий общественный резонанс все-таки замедлил проведение реформы и вынудил местный политический истеблишмент действовать более осторожно. Кроме того, в соседней Эстонии, где задумывалась аналогичная реформа русскоязычной школы, власти, видя рост недовольства в Латвии, были вынуждены также продлить переходный период до 2011 г. [5].

Как видно из таблицы 1, с момента восстановления независимости латвийское правительство стабильно увеличивало количество школ с латышским языком обучения и, наоборот, сокращало число русскоязычных школ, мотивируя это малокомплектностью последних [15, с. 67—68]. Однако, обращаясь к этой же таблице, можно заметить, что к 2007 г. сократилось не только число нелатышских учеников, но и обучающихся на государственном языке, при этом количество латышских школ осталось неизменно высоким. Таким образом, официальная Рига всеми силами стремилась сохранить малокомплектные школы с преподаванием на государственном языке. Тем временем представители национальных меньшинств — в первую очередь русскоязычные жители, проживавшие в населенных пунктах, где закрывались школы меньшинств, — не имея альтернативы, вынуждены были отдавать своих детей в школы с латышским языком обучения [Там же].

Таблица 1

Количество школ и учеников в соответствии с языком обучения [15, с. 67]

Учебный год	Школы				Общее количество школ	Учащиеся			Общее количество учащихся	% обучающихся на латышском
	Язык обучения					Язык обучения				
	Латышский	Русский	Смешанный*	Другой		Латышский	Русский	Другой		
1991/92	585	219	178	4	985	183 266	154 736	208	338 210	54,19
1992/93	623	223	179	4	1029	181 875	146 457	328	328 660	55,34
1993/94	652	216	175	5	1043	191 517	143 904	461	335 882	57,02
1994/95	679	209	176	7	1071	199 146	138 002	727	337 875	58,94
1995/96	699	207	182	6	1094	209 947	136 740	854	347 541	60,41
1996/97	719	205	182	6	1112	219 684	133 882	908	354 474	61,97
1997/98	728	200	176	6	1110	228 059	130 912	1043	360 014	63,35
1998/99	728	195	145	6	1074	226 166	120 866	1173	348 205	64,95
1999/00	727	189	133	8	1057	230 239	114 469	1344	347 052	66,34
2000/01	724	178	128	7	1037	232 859	110 629	1334	344 852	67,53
2001/02	725	175	122	7	1029	232 239	103 350	1352	336 941	68,93
2002/03	720	166	124	7	1017	227 552	96 554	1397	325 503	69,91
2003/04	729	159	115	6	1009	219 975	91 209	1305	312 489	70,39
2004/05	724	155	108	6	993	214 855	84 559	1253	300 667	71,46
2005/06	727	152	97	7	983	205 189	77 471	1206	283 947	72,26
2006/07	727	148	92	7	974	194 230	70 683	1116	266 111	72,99
2007/08	722	141	88	7	958	181 107	65 402	1432	250 941	72,17

* Смешанный — применение одновременно латышского и русского языков обучения.

Мнение экспертов и педагогов, призывавших более осторожно подходить к реформе и делать ставку именно на билингвальные программы обучения [7], не было услышано. Все это дает основание говорить о реформе, как исключительно политическом шаге, лишь опосредованно связанном с декларируемой целью повышения уровня владения латышским языком. На данный аспект в своих работах указывают латвийские исследователи Гунна Лейшкалне, Яков Плинер, Валерий Бухвалов, Вадим Полещук и др. [1, с. 24—41; 2; 7; 15]. Перевод русскоязычных школ на государственный язык обучения не был должным образом подготовлен, отсутствовало обоснование необходимости придерживаться пропорции 60/40, а не какой-либо другой [1, с. 24—41]. Кроме того, претворялись в жизнь данные преобразования правым кабинетом министров, где ведущую роль играли именно националистические партии.

Результаты реформы 2004 г. оказались двоякими. С одной стороны, уровень знания латышского языка среди выпускников русскоязычных школ, бесспорно, повысился. Если в 1996 г. лишь 49 % учащихся школ национальных меньшинств оценивали свои знания латышского как хорошие, то к 2010 г. таковых набралось уже 73 %. При этом отношение к реформе образования среди школьников-нелатышей тоже улучшилось — если в 2004 г. ее поддерживали 15 %, то в 2010 г. — уже 35 % обу-

чающихся [6]. С другой стороны, снизился уровень знаний по ключевым учебным дисциплинам [1, с. 64–104]. Так, по математике средние оценки выпускников школ с преподаванием на языках меньшинств в 2004 г. были на 4 % ниже оценки выпускников школ с преподаванием на латышском языке, в 2005 г. — на 5 %, в 2006 г. — на 8,1 %, в 2007 г. — на 9,4 % ниже. В то же время разница в оценке по английскому языку была стабильной — на 6,5–7,5 % ниже. По истории результаты выпускников русскоязычных школ в 2004 г. стали хуже на 10 %, а в 2007 г. — на 20,8 % [15, с. 70]. Однако официальная Рига данные исследования игнорирует и приводит иные цифры, не свидетельствующие о каком-либо значимом снижении уровня знаний школьников-нелатышей [10]. Мы же придерживаемся мнения, что реформа привела к снижению уровня знаний учащихся школ национальных меньшинств, так как располагаем данными из соседней Эстонии, где аналогичная реформа проводилась более осторожно [5].

Разумеется, претворяя в жизнь образовательную реформу, латвийские власти стремились именно к решению языкового вопроса — добились повышения уровня знаний государственного языка, пусть и ценой снижения качества знаний. Однако русскоязычное население в целом восприняло эту реформу как ассимилятивную по своей сути, направленную на латышизацию нетитульного населения [8; 14]. С данным утверждением сложно не согласиться, так как очевидно, что преобразования в сфере просвещения к 2010-м гг. достигли декларируемой цели — повышения уровня владения латышским языком. Но официальная Рига продолжила наращивать преподавание на государственном языке в школах национальных меньшинств.

Новый виток реформ школ национальных меньшинств в Латвии был инициирован осенью 2017 г., когда министр образования и науки Карлис Шадурскис (он же выступал главным идеологом реформы 2004 г.) объявил о необходимости увеличения количества предметов, преподаваемых на латышском. Соответствующие поправки к закону об образовании были приняты Сеймом Латвии уже 23 марта 2018 г. [20]. Сущность данных поправок характеризует таблица 2.

Таблица 2

**Поэтапный переход школ национальных меньшинств Латвии
на латышский язык обучения [9]**

Классы	Требования к языку обучения в школах до поправок 2018 г.		Требования к языку обучения в школах после поправок 2018 г.
	Государственные школы	Частные школы	
1–6-е	Нет ограничений	Нет ограничений	Не менее 50 % на латышском языке (с сентября 2019 г.)
7–9-е	Нет ограничений	Нет ограничений	Не менее 80 % на латышском языке (с сентября 2019 г. в 7-х классах, с сентября 2020 г. в 8-х и с сентября 2021 г. в 9-х)
10–12-е	Не менее 60 % на латышском языке	Нет ограничений	На латышском языке (с сентября 2020 г. в 10–11-х классах и с сентября 2021 г. в 12-х)

Таким образом, к 2021 г., когда планируется вступление в силу всех положений реформы, в Латвии невозможно будет получить даже начальное образование на русском языке, в том числе в частных школах (до сих пор реформы в наименьшей степени затрагивали частные учебные заведения). Разумеется, и до 2018 г. в начальном и среднем звене школ национальных меньшинств практиковалось преподавание различных предметов на латышском, чтобы подготовить учащихся к дальнейшему обучению на государственном языке в 10–12-х классах, колледжах и вузах [2]. Однако столь жестких норм по количеству предметов на негосударственном языке до настоящего времени не существовало.

Бескомпромиссная позиция Кабинета министров Латвии привела к новому всплеску протестной активности. Кроме того, русскоязычные депутаты Сейма подали иск в Конституционный суд Латвии о противоречии реформы Конституции. Однако иск был отклонен. Суд признал поправки к закону об образовании 2018 г. соответствующими конституции, мотивировав свое решение в том числе «особыми обстоятельствами, вытекающими из продолжительной оккупации страны» (Советским Союзом) (цит. по: [24]). Фактически суд апеллировал к концепции так называемой оккупации Латвии — этот метод лежит в основе местной государственной исторической политики [4].

Крайне негативно на возможность реализации данной реформы отреагировала Российская Федерация. Соответствующее заявление приняла Государственная Дума [3], обратившись в ООН, ПАСЕ, ОБСЕ и другие международные организации с требованием оказать давление на официальную Ригу и защитить право местного русскоязычного населения на образование на родном языке. Однако какого-либо международного резонанса, как и в 2004 г., латвийская реформа образования не вызвала.

На момент написания статьи реформа по переводу школ национальных меньшинств на латышский язык обучения осуществлялась в плановом режиме и, скорее всего, будет реализована согласно первоначальному замыслу. Большая часть жителей Латвии (61 %) поддерживает данные преобразования [2]. Отдельного социологического исследования о степени поддержки реформы теми, на кого она направлена, то есть представителями национальных меньшинств, не проводилось. Однако, учитывая долю в населении Латвии представителей нетитульных наций (38 % от всего населения на 2011 г.) [26] и сопоставляя вышеозначенные показатели, можно предположить, что данная реформа у них сочувствия не встречает.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что реформирование школ национальных меньшинств в Латвии направлено в первую очередь именно на русскоязычную часть населения и преследует политические цели. Уже первый этап реформ конца 1990-х — начала 2000-х привел к

повышению уровня знаний латышского языка среди учащихся нетитульной национальности и тем самым выполнил свою задачу. Второй же этап преобразований, инициированный в 2017 г., является, по нашему мнению, исключительно ассимилятивным и проводится в русле местной государственной политики памяти. Ведь официальная Рига не оставила альтернативы национальным меньшинствам обучаться на негосударственном языке даже в частных школах. Утрата возможности получать базовое образование на родном языке — это сильнейший удар по русскоязычной диаспоре Латвии. Крайне сложно сохранить национальную идентичность, не получая знаний на родном языке. Кроме того, ни одна диаспора не сможет оставаться консолидированной и дееспособной, не воспроизводя себя, не имея хорошо образованную прослойку. Мы придерживаемся мнения, что в случае перевода школ национальных меньшинств Латвии на государственный язык обучения процесс маргинализации и размывания местного русскоязычного меньшинства многократно усилится и приведет к его частичной ассимиляции.

Список литературы

1. Бухвалов В. А., Плинер Я. Г. Реформа школ нацменьшинств в Латвии: анализ, оценка, перспективы. Рига, 2008.
2. Глухих-Полещук А. Новая школьная реформа в Латвии. Можно ли сохранить русские школы? // rus.DELFI.ee. 2011. 10 марта. URL: <https://rus.delfi.ee/daily/abroad/novaya-shkolnaya-reforma-v-latvii-mozhno-li-sohranit-russkie-shkoly?id=79914026> (дата обращения: 29.05.2020).
3. О недопустимости ликвидации школьного образования на языках национальных меньшинств Латвии : заявление Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации // Государственная дума РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/428978-7> (дата обращения: 30.05.2020).
4. Зверев К. А. Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1 (58). С. 163 — 177.
5. Зверев К. А. Политика Эстонской Республики в отношении школьного образования на русском языке (1992 — 2007) // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1, № 4. С. 112 — 115.
6. Исследование: русские школьники хотят учиться по-латышски // rus.DELFI.lv. 2011. 16 февр. URL: <https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/issledovanie-russkie-shkolniki-hotyat-uchitsya-po-latyshski.d?id=36865757> (дата обращения: 24.05.2020).
7. Лейшкалне Г. К. Русскоязычное население Латвии: проблемы интеграции в общество // Социологические исследования. 2005. № 9 (257). С. 86 — 90.
8. Малашенок А. Национальная школа и национальный вопрос // rus.DELFI.lv. 2011. 10 марта. URL: <https://rus.delfi.lv/news/daily/versions/aleksandra-malashonok-nacionalnaya-shkola-i-nacionalnyj-vopros.d?id=37298343> (дата обращения: 24.05.2020).
9. Новейшие реформы // Сайт Министерства иностранных дел Латвийской Республики. URL: <https://www.mfa.gov.lv/ru/novosti/integraciya-obshestva-v-latvii/novejshie-reformy> (дата обращения: 30.05.2020).
10. Образование национальных меньшинств // Министерство иностранных дел Латвийской Республики. URL: <https://www.mfa.gov.lv/ru/novosti/integraciya-obshestva-v-latvii/obrazovanie-nacionalnyh-menshinstv> (дата обращения: 30.05.2020).

11. К Сейму Латвийской Республики : обращение Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации от 4 декабря 1998 г. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102056813&page=1&rdk=0&link_id=1#10 (дата обращения: 23.05.2020).

12. *Опрос: школьники, родители и учителя против реформы образования* // rus.DELFI.lv. 2004. 30 авг. URL: <https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/opros-shkolniki-roditeli-i-uchitelya-protiv-reformy-obrazovaniya.d?id=8936513&all=true> (дата обращения: 22.05.2020).

13. *Перечень основных претензий и рекомендаций международных организаций и НПО к Латвии по правам национальных меньшинств (справочная информация)* // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/rso/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/492850 (дата обращения: 23.05.2020).

14. *Плинер Я. Г. Мы не Иваны, не помнящие родства* // rus.DELFI.lv. 2012. 8 февр. URL: <https://rus.delfi.lv/news/daily/versions/yakov-pliner-my-ne-ivany-ne-pomnyaschie-rodstva.d?id=42115592> (дата обращения: 24.05.2020).

15. *Проблемы прав национальных меньшинств Латвии и Эстонии* / под ред. В. В. Полещука. М., 2009. С. 64—66.

16. *Программа освоения латышского языка* // Министерство иностранных дел Латвийской Республики. URL: <https://www.mfa.gov.lv/ru/novosti/integraciya-obshestva-v-latvii/programma-osvoeniya-latyshskogo-yazyka> (дата обращения: 22.05.2020).

17. *Ethnopolitical tension in Latvia: looking for the conflict solution* / ed. by B. Zepa, I. Šupule, E. Kļave. Riga, 2005.

18. *Izglītības likums* [Закон об образовании] // Latvijas Vēstnesis. 1998. 17.11. №343/344.

19. *Grozījumi Izglītības likumā* [Поправки к Закону об образовании] // Latvijas Vēstnesis. 2004. 13.02. №24.

20. *Grozījumi Izglītības likumā* [Поправки к Закону об образовании] // Latvijas Vēstnesis. 2018. 02.04. №65.

21. *Grozījumi Latvijas Republikas Izglītības likumā* [Поправки к Закону об образовании Латвийской Республики] // Latvijas Vēstnesis. 1995. 17.08. №123.

22. *Grozījums Ministru kabineta 2000.gada 5. decembra noteikumos Nr. 463 «Noteikumi par valsts vispārējās vidējās izglītības standartu»* [Поправка к Постановлению Кабинета министров №463 от 5 декабря 2000 года «Положение о государственном общем стандарте среднего образования»] // Latvijas Vēstnesis. 2003. 13.05. №74.

23. *Latvijas Republikas Satversmes tiesa Spriedums vārdā* 2005. gada 13. Maijā Nr. 2004-18-0106 [Постановление Конституционного Суда Латвийской Республики от 13 мая 2005 года Lietā Nr. 2004-18-0106] // Конституционный Суд Латвийской Республики. URL: http://www.satv.tiesa.gov.lv/wp-content/uploads/2016/02/2004-18-0106_Spriedums.pdf (дата обращения: 23.05.2020).

24. *Latvijas Republikas Satversmes tiesa Spriedums vārdā* 2019. gada 23. Aprīlī lietā Nr. 2018-12-01 [Постановление Конституционного Суда Латвийской Республики от 23 апреля 2019 года Nr. 2018-12-01] // Конституционный Суд Латвийской Республики. URL: https://www.satv.tiesa.gov.lv/wp-content/uploads/2018/07/2018-12-01_Spriedums.pdf (дата обращения: 29.05.2020).

25. *Latvijas tauta Pēc 2000.gada tautskaites* [Народ Латвии после переписи 2000 г.] // Latvijas Vēstnesis. 2002. 30.04. №65.

26. *2011. gada tautas skaitīšanas Latvijā galvenie rezultāti* [Основные итоги переписи населения Латвии 2011 г.] // Centrālā vēlēšanu komisija [Центральная избирательная комиссия Латвии]. URL: http://www.csb.gov.lv/sites/default/files/publikacijas/nr_13_2011gada_tautas_skaitisanas_rezultati_isuma_12_00_lv.pdf (дата обращения: 30.05.2020).

Об авторе

Кирилл Александрович Зверев — канд. ист. наук, доц., Костромской государственной университет, Россия.

E-mail: zverew.kir@yandex.ru

The author

Dr Kirill A. Zverev, Associate Professor, Kostroma State University, Russia.

E-mail: zverew.kir@yandex.ru

И. И. Болотина**СОСТОЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В СРЕДЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РФ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТЫ**

92

Рассмотрена проблема состояния государственно-гражданской идентичности студенческой молодежи. На основе теоретического анализа положений социального конструктивизма автор акцентирует внимание на том, что государственно-гражданская идентичность является элементом ценностного компонента в структуре этнополитического конструкта политического сознания субъектов политики. Посредством реализации комплексного социально-политического исследования на основе метода массового опроса дается оценка уровня государственно-гражданской идентичности студенческой молодежи некоторых федеральных округов. Выявлено, что участники исследования продемонстрировали высокий уровень государственно-гражданской идентичности. Метод фокус-групп показал свою состоятельность при изучении оснований формирования данной ценностной ориентации в политическом сознании студенческой молодежи. Для участников исследования смыслообразующей категорией данного типа идентичности выступает государственность. Также исследовательская группа отметила, что государственно-гражданская идентичность студентов вузов сформирована преимущественно в аффективных и когнитивных аспектах, при этом конативная составляющая недостаточно представлена в нарративах участников фокус-групп, что свидетельствует о некоторой несформированности государственно-гражданской идентичности в структуре этнополитического конструкта студенческой молодежи.

The article touches upon the issue of state-civil identity of student youth. Theoretical analysis of the provisions of social constructivism made the author focus on the fact that state-civil identity is an element of the value component in the structure of the political consciousness ethnopolitical construct of the subjects of politics. Through the implementation of a comprehensive socio-political study, an assessment of the level of state-civil identity of student youth in some federal districts is given, which turned out to be possible thanks to the use of the mass survey method. As a result, it was revealed that the study participants demonstrate a high level of state and civic identity. The focus-group method has shown its consistency in studying how this value orientation in the political consciousness of student youth develops. For the research participants, statehood is the semantic identity category. The research group also noted that the state-civic identity of university students formed an advantage in affective and cognitive aspects, while the conative component is not sufficiently represented in their narratives. It indicates a certain lack of state-civic identity in the structure of the ethnopolitical construct of student youth.

Ключевые слова: государственно-гражданская идентичность, этнополитический конструкт, государственность, студенческая молодежь

Keywords: state-civic identity, ethnopolitical construct, statehood, student youth

Введение

В российском политическом дискурсе вопрос формирования и укрепления государственно-гражданской идентичности занимает одну из ключевых позиций. «Формирование и укрепление» — сочетание слов, устойчиво употребляемое в официальных документах Российской Федерации применительно к данному направлению национальной политики государства. В частности, в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. [14] в качестве одной из целей обозначается «укрепление общероссийской гражданской идентичности», а важной задачей видится «формирование у детей и молодежи на всех этапах образовательного процесса общероссийской гражданской идентичности». В данной связи следует отметить значимость высших учебных заведений как драйверов становления государственно-гражданской идентичности. Действительно, образовательная организация становится средой социализации личности, в рамках которой создаются условия для формирования установок идентификации себя с сообществом граждан России. В то же время высшие учебные заведения призваны обучить представителей студенческой молодежи навыку критического осмысления себя и событий социально-политической реальности, что также оказывает значимое влияние на формирование идентификационных установок личности.

Студенческая молодежь, как справедливо полагают исследователи Е.С. Фидря, О.О. Фидря и С.А. Богомаз, «является основным объектом развития человеческого капитала» [15, с. 184]. При этом уровень государственно-гражданской идентичности среди обучающихся высших образовательных учреждений выступает показателем эффективности государства в сфере реализации основных направлений национальной политики РФ. Мы полагаем, что актуальность данного вопроса возрастает также в связи с тем, что высокий уровень указанной идентичности во многом влияет на складывание таких жизненных установок представителей студенчества, как выбор страны проживания, повышение профессиональной компетентности, ориентация на активную гражданскую позицию и многие другие.

Цель настоящей статьи — анализ состояния государственно-гражданской идентичности студенческой молодежи для оценки перспектив ее укрепления при реализации государственной национальной политики РФ. В связи с этим приведено теоретическое осмысление политического феномена «государственно-гражданская идентичность», а также предложен механизм формирования данной ценностной ориентации в политическом сознании студенческой молодежи и российского общества в целом. Во второй части работы изложены результаты социально-политического исследования, позволяющие проанализировать уровень государственно-гражданской идентичности обучающихся вузов в ЦФО и УФО, а также выявить сущностные константы данной ценностной ориентации в сознании участников исследования.

Теоретические основания государственно-гражданской идентичности

Для решения исследовательских задач значимым представляется концептуальное определение категории «государственно-гражданская идентичность». Отечественные исследователи С. Ю. Белоконов, В. В. Титов, З. Р. Усманова [3, с. 91] и другие рассматривают ее как некое состояние массового сознания, а также в качестве результата деятельности по конструированию социально-политической реальности. Наше видение сводится к пониманию данного феномена как ценностной ориентации, определяющей положение индивида в социально-политическом пространстве через соотнесение себя с государством, территорией государства и обществом — людьми, проживающими в его пределах.

В данной связи возникает вопрос относительно того, насколько научно обоснованно интерпретировать государственно-гражданскую идентичность в качестве ценностной ориентации. Категория «идентичность» не имеет однозначной трактовки в научном сообществе. Выдающимся с точки зрения исследования сущности идентичности нам видится труд Р. Брубейкера «Этничность без групп» [5], в котором данный социально-политический феномен анализируется с позиции некоего тождества индивида и группы, выражающегося в солидарности, поведенческих установках и коллективном действии. При этом идентичность понимается как нечто глубокое, основополагающее, что отличает социальные группы друг и друга и, опираясь на позицию Брубейкера Р., требует сохранения и культивирования. М. Сомерс [16] полагала, что такая тождественность с группой возникает вследствие того, что индивид оказывается встроенным в некий нарратив, предложенный ему окружением. Сомерс убедительно утверждает, что социальная действительность, если не полностью, то частично, может быть *рассказана*, при этом формирование мировоззренческих позиций личности в процессе социализации во многом зависит от сюжетов по поводу социально-политической действительности, которые предлагаются ближайшим (и не только) окружением. Аналогичной точки зрения придерживаются П. Бергер и Т. Лукман в работе «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» [4]. Авторы рассматривают механизм формирования идентификационных установок личности в процессе социализации. Индивид на ранних этапах своего развития во многом зависит от мнения «значимых других» (прежде всего это семья, круг друзей, религиозная община/церковь, этническая группа), которые передают через нарративы и посредством личного примера основной набор ценностей, а также ценностные ориентации, представляющие собой алгоритмы интерпретации событий социально-политической действительности. Однако ценности являются некой основой существования человека, они с трудом поддаются изменениям, чего нельзя сказать о ценностных ориентациях, которые в большей степени подвержены изменчивости, так как, по М. Сомерс, «социальная жизнь личности зависит от нарративов, помещенных в конкретные реляционные

обстоятельства» [16]. Как убедительно показывает социально-политическая практика, ценностные ориентации личности подвержены трансформациям. В частности, примером тому может служить реализация административной реформы 2000-х гг. в РФ, преследовавшей задачу укрепления российской государственности. Как показывают результаты всероссийских социально-политических исследований тех лет [9; 13], эффективность данной политической деятельности напрямую коррелировала с уровнем государственно-гражданской идентичности членов российского общества, что дает нам основания рассматривать этот феномен именно в качестве ценностной ориентации, причем формируемой, конструируемой.

В современной России не теряет актуальность проблема соотношения государственно-гражданской и этнической идентичностей граждан. Во многом это связано с этнизацией политических процессов в РФ в 1990-е гг., сыгравшей роль катализатора развития сепаратизма. Исторический опыт предопределил ориентацию современной национальной политики РФ на формирование и укрепление основ государственно-гражданской идентичности при сохранении этнокультурного многообразия граждан, что нашло отражение в Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 года. Таким образом, государственная политическая элита проводит идею о конструировании идентичности.

Конструирование идентичности концептуализировано в рамках социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана. Основная мысль исследователей заключается в том, что социальные группы и общество в целом выступают одновременно в качестве объективной реальности и продукта деятельности людей. В отечественной политической науке наиболее яркими представителями конструктивизма являются В. А. Степанов, В. А. Тишков [13] и другие. Вместе с тем хотелось бы уточнить, что конструируется скорее не социальная группа или общество в целом; воздействию со стороны политических элит и других агентов социализации подвергается сознание людей посредством деятельности по формированию некоего этнополитического конструкта. При этом государственно-гражданская / этническая идентичности входят в его структуру.

Под этнополитическим конструктом стоит понимать одну из структур политического сознания граждан, включающую в себя личностно-, группово- и государственно-мобилизационные основания политического поведения этнофоров в пространстве политики. Этнополитический конструкт задает установки на дистанцирование от тех или иных политических субъектов (например, других этнических групп или государства), создавая тем самым дифференциацию по принципу «свой — чужой».

Выше было отмечено, что базовыми элементами этнополитического конструкта выступают личностно-, группово- и государственно-мобилизационные основания политического поведения, что обуславливает его структуру, в которой целесообразно выделять индивидуальный, групповой и государственный уровни. Каждый из них содержит цен-

ностные компоненты — ценности, ценностные ориентации и поведенческие установки. В частности, государственный уровень этнополитического конструкта представлен в виде ценностных компонент, закладываемых в сознание индивида посредством мер национальной политики и актуализируемых в нормативно-правовых документах. Не менее важным условием складывания данного уровня выступает та политическая конъюнктура (в муниципальных, региональных и федеральных органах власти), в рамках которой происходит политическая социализация индивида. Собственно, государственно-гражданская идентичность — это одна из важнейших ценностных ориентаций государственного уровня этнополитического конструкта. На сегодняшний день поиск основ ее формирования в РФ относится к числу наиболее важных исследовательских проблем в научном сообществе, что в конечном счете детерминирует трудности реализации соответствующих направлений национальной политики. Значимый вклад в изучение государственно-гражданской идентичности внесен отечественным исследователем Л.М. Дробижевой, которая видит в данной ценностной ориентации некую «скрепу согласия» [9, с. 48] российского общества.

На групповом уровне этнополитического конструкта важными агентами социализации индивида выступают, если использовать терминологию П. Бергера и Т. Лукмана [4], «значимые другие», к которым относятся родители, иные родственники, наставники, этнофоры и прочие представители социальных групп. Групповой уровень включает в себя ценностные ориентации, определяющие идентификацию индивида с группами. Также здесь содержатся представления о месте этнической группы (своей и чужой) в социально-политическом пространстве. Данный уровень этнополитического конструкта включает весь комплекс социокультурных основ, сложившихся в рамках пространственно-темпорального развития этнической группы.

Помимо таких значимых элементов группового уровня этнополитического конструкта, как язык, религия, рутинные практики, традиции, особо следует отметить историческую память. По мнению Л.В. Савинова, она также конструируема, что в контексте раскрытия категории «этнополитический конструкт» позволяет говорить о конструируемой исторической памяти на групповом и на государственном уровне. При этом важны, в том числе с точки зрения укрепления сообщества граждан, вопросы «О чем мы вспоминаем?» и «Кому принадлежит память?» [12, с. 27]. Аналогичные исследовательские позиции можно отметить при изучении мифов, согласно которым миф — это не столько произведение народного творчества, сколько функциональное средство, дающее возможность упорядочить картину мира и организовать деятельность людей [2; 6].

Также следует выделить работы И.О. Дементьева [7], который связывает становление групповой идентичности жителей Калининградской области с коммеморативными основаниями. Исследователь отмечает, что географическое положение региона, его эксклавность в государственно-территориальном отношении оказывает воздействие на формирование идентификационных установок жителей. Однако зна-

чимую роль в данной связи приобретает политика властей по формированию исторической памяти. И.О. Дементьев с опорой на труды польских исследователей приходит к выводу, что формирование региональной идентичности калининградцев во многом детерминировано «историческим опытом Восточной Пруссии, советской и постсоветской Калининградской области». При этом пример Калининградской области показателен в том отношении, что здесь групповой уровень этнополитического конструкта в меньшей степени детерминирован этнической составляющей и в большей — региональными основаниями.

Государственный и групповой уровни этнополитического конструкта имеют агентов социализации, где в первом случае базовым остается государство как политический институт, во втором — «значимые другие». В данной связи относительной самостоятельностью отличается индивидуальный уровень, ведь его наполнение в большей степени зависит от индивида. Именно в рамках рассматриваемого уровня субъект политики решает для себя мировоззренческий вопрос «Кто я?». Само существование третьего структурного пласта этнополитического конструкта позволяет рассуждать о наличии у последнего не только статических, но и динамических характеристик. Иными словами, не только государство и общество как среда влияют на формирование политической личности, но и личность в процессе своего развития способна притязательно оценивать события социально-политической реальности, отступать от исполнения ожидаемых политических ролей, изменять политическое поведение. В конечном итоге множество актов отдельных субъектов политики приводит к тому, что отношения «государство — социальная группа», сложившиеся в том или ином политическом регионе, эволюционируют.

Методика исследования

Одной из исследовательских задач настоящей работы было изучение уровня государственно-гражданской идентичности студенческой молодежи. Отметим, что данная социальная группа выделяется как в целом в структуре населения страны, так и в среде молодежи. Студенческая молодежь оказывается в промежуточном положении. Находясь под опекой со стороны государства, обучающиеся вузов стремятся проявить свою гражданскую позицию. Студенчество представляет собой одну из наиболее социально активных социальных групп, которая оказывается наиболее восприимчивой к социально-политическим проблемам.

В ноябре 2019 — феврале 2020 г. и в сентябре — декабре 2020 г. на базе лаборатории социально-политических исследований ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» было проведено комплексное исследование, посвященное изучению уровня государственно-гражданской идентичности в среде студенческой молодежи. Исследование реализовано посредством применения методов массового опроса (анкетирование) и фокус-группового интервью. Регионы исследования массового опроса — Центральный и Уральский федеральные округа. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики,

на территории изучаемых федеральных округов проживают представители разных этнических групп, но русский этнос преобладает. При этом г. Москва входит в ЦФО, а УФО географически удален от столицы РФ. В сущности, эти два параметра (национальный состав и локализация относительно Москвы) определили выбор данных регионов для исследования.

Объем выборочной совокупности составил 150 человек. Участниками исследования стали представители студенческой молодежи в возрасте от 18 до 35 лет, обучающиеся на очной форме. При расчете выборочной совокупности мы учитывали также пол респондентов и обучение в государственном образовательном учреждении высшего образования. Массовый опрос был осуществлен в дистанционном формате, посредством рассылки анкет на электронную почту респондентов. Основными тематическими блоками анкеты стали:

- идентификационный блок, отражающий государственно-гражданский и этнический векторы самоопределения студентов;
- блок вопросов, отражающий установки студенческой молодежи на межэтнические отношения;
- блок вопросов относительно потенциала межэтнической конфликтогенности.

Метод фокус-групп позволил качественно углубить исследовательские представления относительно состояния государственно-гражданской идентичности. Регионами его проведения также стали Центральный и Уральский федеральные округа. Подготовка фокус-группового исследования осуществлялась поэтапно. На первом этапе появилась необходимость сформировать группы респондентов в соответствии с критериями пола, возраста, обучения в государственном образовательном учреждении высшего образования. Метод, в свою очередь, позволяет учитывать этническую принадлежность участников. В результате предварительного собеседования было создано 6 групп по 5–6 участников. Первая фокус-группа проводилась в очном формате, однако вследствие ухода обучающихся образовательных организаций на дистанционный формат обучения в связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19, остальные пять фокус-групп проводились с использованием средств видеосвязи. Топик-гайд включал следующие исследовательские блоки:

- блок, касающийся государственно-гражданской и этнической самоидентификации студентов, а также выявления оснований идентичности;
- блок, посвященный жизненным ориентациям обучающихся вузов (страна проживания и профессиональная занятость).

В рамках данной статьи нашли отражение отдельные результаты комплексного исследования. Рассмотрим их.

Исследование по методу массового опроса среди студенческой молодежи Уральского федерального округа позволило отметить высокий уровень показателей государственно-гражданской идентичности среди опрошенных. Студенты на вопрос «С какой из приведенных ниже категорий вы могли бы себя соотнести? (выберите 3 варианта)» ответили

следующим образом: «гражданин России» — 46 %, «член семьи» — 57 %, «человек своей профессии» — 25 %, «представитель этноса» — 15 %, «житель своего региона» — 5 %, «представитель религиозной конфессии» — 12 %, «другое» — 2 %.

Результаты опроса среди студентов Центрального федерального округа не выявили серьезных расхождений с показателями, полученными в УФО. На вопрос «С какой из приведенных ниже категорий вы могли бы себя соотнести? (выберите 3 варианта)» студенты ответили: «гражданин России» — 53 %, «член семьи» — 27 %, «человек своей профессии» — 23 %, «представитель этноса» — 9 %, «житель своего региона» — 15 %, «представитель религиозной конфессии» — 14 %, «другое» — 3 %. Мы полагаем, что в рассматриваемых регионах со значимым численным преобладанием русской этнической группы уровень государственно-гражданской идентичности выше по следующим причинам. Эволюционирование русского этноса происходило здесь в неразрывной связи с развитием российского государства в целом. Исторически сложилось, что на территории нынешних УФО и ЦФО развитие государственности и формирование российской национальной общности (из русской и нерусской этнических групп) протекали коэволюционно.

В данном отношении весьма показательна ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе. Для этого региона характерны сильная взаимозависимость и диффузорность этнической, региональной и религиозной идентичностей. При этом государственно-гражданская идентичность либо несколько уступает трем вышеперечисленным по уровню значимости среди населения, либо занимает равное положение, о чем свидетельствуют результаты всероссийских социально-политических исследований [8; 11]. По данной причине в настоящий момент в СКФО по-прежнему наблюдается политический интерес жителей к достижению цели этнокультурного развития, выражающегося в стремлении изучать и использовать в повседневном общении родной язык, ношении традиционной одежды, праздновании религиозных праздников и т. д. В реальной политической практике это приводит, по мнению М. А. Аствацатуровой, «к смыканию этнических и конфессиональных интересов на фоне попыток оптимизации государственно-религиозных отношений», что выражается в усилении роли религиозных институтов в общественно-политических и политико-управленческих процессах [1, с. 31]. В то же время на Северном Кавказе до Кавказских войн XIX в. существовали свои формы государственности. На сегодняшний день в некоторых республиках Северо-Кавказского федерального округа не завершились процессы включения автохтонных этнических групп в государственное и социально-политическое пространство России, что находит отражение в показателях государственно-гражданской и этнической идентичностей жителей данного региона.

Таким образом, политическое поведение, реализуемое субъектом политики в той или иной социально-политической ситуации, во многом определяется тем, в какой конфигурации по отношению друг к другу сформированы у него государственный, групповой и индивидуальный уровни этнополитического конструкта. Пример, приведенный

выше, свидетельствует о том, что в ряде субъектов Северо-Кавказского федерального округа (Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Северная Осетия — Алания) наблюдается устойчивость группового уровня, что может негативно сказаться на развитии этнополитических отношений для государства в целом. В Уральском и Центральном федеральных округах в большей степени сформирован государственный уровень этнополитического конструкта, в то время как групповой уровень, в сущности, встроен в него. И в этой связи закономерна позитивная оценка подобной ситуации.

Современное российское общество полиэтнично, при этом многие этнические группы проживают на исторических территориях своего расселения. Важно, что этнические группы России отличаются социокультурной неоднородностью, выражающейся в приобщении к разным языковым семьям, конфессиональному многообразию и многом другом. Данный параметр российского общества следует учитывать при формировании и укреплении государственно-гражданской идентичности в структуре этнополитического конструкта граждан России. В целях изучения данной проблемы было проведено качественное исследование по методу фокус-групп.

Результаты показали, что студенческая молодежь идентифицирует себя не только с российским обществом, но и с культурно-историческим пространством государств, входивших в состав СССР. При этом студенты апеллировали к тому, что длительный период проживания в политическом, нормативно-правовом, экономическом, социальном и историческом поле способствовал формированию общего прошлого, исторической памяти и норм социального поведения. Особенно обучающимися было отмечено, что в республиках СССР государственным языком был русский, и даже в настоящий момент он остается основным средством повседневной коммуникации граждан, что является, по мнению участников исследования, важным маркером соотнесения данных государств с российским политическим и социокультурным пространством:

— ...я бы не хотел в страны Запада уезжать, в Азию. Я бы хотел остаться на посткоммунистическом пространстве. Поэтому что эти страны связаны с Россией, с моей Родиной, которая для меня много значит;

— У меня привязка к истории России, к регионам, которые территориально входили в Россию, в СССР. И Беларусь мне кажется родной, и Украина, и балтийские страны. Всё-всё-всё. Всё, к чему когда-то коснулась Россия в плане государственности, я, мне кажется, там;

— Если что-то пойдет не так, то у меня всегда есть план «свалить» в какое-либо Союзное государство, соседнее государство. Например, Беларусь, Украина. В принципе, в те страны, которые не так далеки от нас по состоянию культуры.

Представляется весьма интересным, что обучающиеся определяют посткоммунистическое пространство в качестве основы цивилизационной идентичности. При этом западные страны, не имеющие советского опыта государственности, видятся как «чужие» («Если рассматривать

самой плохой вариант переезда в Европу, то нужно будет принимать их обычаи, язык, конечно, тоже. Но самое главное — тебе придется подстраиваться под общество, в котором ты не привык жить. И из-за этого возникнут вопросы: где работать, как выстраивать коммуникацию»), в то время как Казахстан, Украина и Беларусь, Латвия, Литва, Эстония и другие воспринимаются в качестве «своих».

Таким образом, участники исследования отметили довольно значимый по силе уровень государственно-гражданской и цивилизационной идентичностей в отношении не только российского общества, но и граждан республик, когда-то входивших в состав СССР. Союзные республики СССР относятся не только к разным географическим регионам, но и принадлежат к совершенно разным цивилизационным единицам. Анализ населения республик показывает этнические, расовые, религиозные, культурные, бытовые и другие различия, однако опыт общей государственности лег в основу конструирования нового политико-культурного пространства в реальной политической практике, в то время как в этнополитическом конструкте граждан была сформирована идентичность, который не потеряла своей жизнеспособности и устойчивости даже в настоящий момент.

Следующий исследовательский вопрос затронул тему этнической идентичности участников исследования. На вопрос «Ощущаете ли вы свою принадлежность к тому или иному этносу?» обучающиеся дали отрицательный ответ:

— Я не чувствую себя причисленной к какой-либо национальности. Я чувствую себя интернациональной, хотя по папиной линии я русская, по маминой линии я молдаванка. Но моя мама провела молодость и в Украине, и в Беларуси, я тоже по этим странам покаталась. У меня друзья разной национальности. Как и знакомые по всей стране. Привязки к родословной у меня нет;

— Я не чувствую вообще никакой привязки к этносу. Просто потому что у меня этносы максимально намешаны... Этнической принадлежности я выделить никаким образом не могу в своем восприятии. Я вижу, что у меня есть от всего;

— ...я могу сказать «Я — русский», но с многочисленными оговорками;

— ...я горжусь Россией, но я не русская.

Справедливыми будут два взаимодополняющих утверждения. С одной стороны, очевидно стремление участников опроса идентифицировать себя именно с российским обществом, а не с этнической группой. С другой — для студенческой молодежи, вошедшей в фокус-группу, местом жительства и учебы выступают Центральный и Уральский федеральные округа, которые исторически сложились как регионы преимущественного расселения русской этнической группы. Иными словами, вероятнее, что в этнополитическом конструкте участников опроса принадлежность к этнической группе определяется через принадлежность к государству и наоборот.

В Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. государственно-гражданская идентичность определяется

как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества» [14]. Интерпретация данной категории в официальном документе свидетельствует о наличии в структуре государственно-гражданской идентичности аффективного, когнитивного и конативного компонентов. Принимая во внимание обозначенные выше результаты исследования, акцентируем внимание именно на когнитивном и конативной составляющих. Когнитивная константа ценностной ориентации отвечает на вопрос «Что?» и выражает необходимость рационализации причин, по которым индивид соотносит себя с данным государством и обществом. Конативная константа ставит вопрос «Как?» и предполагает стремление совершать те или иные действия, которые в данный момент значимы для индивида и устремлены на реализацию конкретной цели, высшей идеи.

Когнитивная составляющая государственно-гражданской идентичности этнополитического конструкта участников опроса актуализируется в качестве: 1) культурных и исторических; 2) символических; 3) социальных оснований.

Анализ полученных в результате проведения фокус-группы данных позволил нашей исследовательской группе в качестве одной из когнитивных составляющих государственно-гражданской идентичности выделить культурно-исторические основания, которые определяются через соотнесение себя с культурой, историей и социумом данного государственно-политического пространства («Привязанность может возникнуть к тому, что ты лично знаешь, и с чем лично знаком...»; «Я всю Тулу пешком обошла, по всей области обкаталась. Не знаю, мне очень нравятся люди, мне очень нравится история нашего края, очень нравится, как он развивается и в какую сторону идет. Я хочу быть частью этого, я не хочу никуда уезжать. Чем куда-то уезжать, здесь можно сделать хорошо»).

Символические основания находят свое воплощение, по мнению участников исследования, в праздновании государственных праздников, брендах региона, топонимах, названиях улиц и многом другом. В этой связи символы выступают здесь в качестве одного из инструментов политики памяти. Участники опроса подтвердили значимость и необходимость подобных символов, так как они олицетворяют сопричастность ныне живущим гражданам региона и России в целом, а также представителям ушедшего поколения сограждан единого государственно-политического пространства («Важнейшей, как мне кажется, является социальная привязка и... событийная»; «Да. Да, и должно быть чувство осознанности... То есть я выделяю для себя точки, почему я привязана»).

Социальные основания когнитивной составляющей государственно-гражданской идентичности предполагают, что государственно-гражданская идентичность определяется не только на основании гражданства, но и по праву территории и по праву крови, пользуясь термино-

логией Х. Линца и А. Степана [10]. Иными словами, наличие родственников и «значимых других» является еще одним основанием, связующим индивида с государственно-территориальным пространством в его исторической ретроспективе, что также подтверждают участники исследования («Я чувствую себя частью территории, которая приближена к Москве... Центральный федеральный округ. Я свою родословную знаю до 1750 года»; «Для меня важна привязка по тому, где проживают твои родственники, где проживают твои друзья. Основной пул моих друзей проживает здесь. И хотя у меня доволные сильные корни в Бурятии, но с этими родственниками я практически не общаюсь»).

Некоторая неоднозначность зафиксирована в отношении конативного компонента государственно-гражданской идентичности. Участники исследования, отмечавшие свою принадлежность к российскому обществу в целом, полагают, что право гордиться нужно заслужить через совершение социально значимого поступка:

— Когда говорят о достижениях нашей нации, о великих людях, конечно, ты русская, и ты чувствуешь гордость за свою принадлежность. Ты чувствуешь себя приобщенным к чему-то великому и надеешься, что у тебя тоже такое есть внутри. Ты признаешь себя частью великого;

— Я свою родословную знаю до 1750 года. Я знаю, что у меня были разные люди. Но чем вот я горжусь, что они были честные и трудолюбивые. Они там печники были классные, первые на деревне. Были в роду фабриканты, которых советская власть разорила. Мне очень нравятся присущие русской душе честность и трудолюбие, которые во мне тоже присутствуют. Как вот мне кажется, это были основы построения взаимоотношений во всем обществе. Мне очень не хватало и, возможно, не хватает этого сейчас.

Однако наша исследовательская группа пришла к выводу, что участники фокус-групп скорее продемонстрировали свое намерение совершить общественно значимый поступок, однако не сделали акцент на реальных действиях. Методика фокус-группового исследования предполагает анализ сказанных участниками единиц нарратива. Поэтому мы полагаем, что конативный компонент государственно-гражданской идентичности обучающихся еще недостаточно сформирован, поскольку никто из студентов не отметил своих эпизодических или рутинных действий, выполняемых из соображений социальной или государственной полезности.

Заключение

Результаты комплексного исследования показали высокий уровень государственно-гражданской идентичности в среде студенческой молодежи. Во многом это связано с тем, что академическая среда вуза оказывает благотворное воздействие на формирование значимых ценностных ориентаций этнополитического конструкта. Важна не только фактическая идентификация себя с российским обществом по признаку наличия гражданства России, но и осознанное понимание социокультурных и исторических основ, консолидирующих российское об-

щество. По этой причине участники неоднократно указывали на свою сопричастность не только Российской Федерации, но и республикам, входившим в состав СССР. Однако нельзя не отметить, что отдельные компоненты государственно-гражданской идентичности у обучающихся вуза сформированы недостаточно, что свидетельствует об отсутствии четкого понимания своей значимости для государства и общества и своей ответственности перед государством и обществом.

В целом потребность студенческой молодежи рационализировать свою причастность к государству, отмеченную исследовательской группой в процессе проведения исследования, свидетельствует о том, что забота со стороны государства о благополучии общества, росте социально-экономических показателей развития, уважении к истории своего государства становятся необходимыми источниками формирования и укрепления государственно-гражданской идентичности граждан. Эффективность национальной политики напрямую связана с укреплением государственно-гражданской идентичности, являющейся условием стабильного развития полиэтнического, поликонфессионального, поликультурного общества.

Список литературы

1. Аствацатурова М.А. Трансформация этномобилизационных факторов в современном политико-управленческом процессе на Северном Кавказе : матер. Всерос. конф. с междунар. участием «IX Южно-российский политологический конвент «Лидеры, группы, массы: российская политика и вызовы современности»». М., 2019.
2. Барт Р. Избранное. М., 1996.
3. Белоконов С.Ю., Титов В.В., Усманова З.Р. Российская национально-государственная идентичность перед вызовами начала XXI века // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2019. Т. 21, №1. С. 90–98.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
5. Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012.
6. Вебер М. Политика как призвание и профессия. М., 2018.
7. Дементьев И.О. Идентичность и коллективная память калининградцев в зеркале современных польских исследований // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2019. №2. С. 104–112.
8. Дробижева Л.М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения. 2020. №4 (158). С. 480–498.
9. Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. №8. С. 37–50.
10. Линц Х., Степан А. Государственность, национализм и демократизация. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/1997-5-2-Linz,Stepan.pdf> (дата обращения: 15.11.2020).
11. Общероссийская гражданская идентичность на Юге России. Анализ мер и предложения по Южному федеральному округу и Северному Кавказу : аналитический доклад. М., 2020.
12. Савинов Л.В. Политика памяти и национальный дискурс // Дневник алтайской школы политических исследований. 2019. №35. С. 26–32.

13. Тишков В., Степанов В. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 г. М., 2011.

14. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19.12.2012 г. №1666 (ред. от 06.12.2018 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Фидря Е.С., Фидря О.О., Богомаз С.А. Характеристики «среды жизнеосуществления» города и реализации жизненных ценностей молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. №37. С. 184 – 195.

16. Somers M.R. Narrativity, Narrative Identity, and Social Action: Rethinking English Working-Class Formation // Social Science History. 1992. Vol. 16, №4. P. 591 – 630.

Об авторе

Инна Ивановна Болотина — асп., Тульский государственный университет, Россия.

E-mail: innok1706@mail.ru

The author

Inna I. Bolotina PhD Student, Tula State University, Russia.

E-mail: innok1706@mail.ru

Ю. В. Костяшов

Рец. на книгу: Кретинин Г.В. Летопись Победы в Восточной Пруссии, 1944–1945. — Калининград: РА Полиграфычъ, 2020. — 196 с.

106

Война только закончилась, а уже летом 1945 г. группа офицеров из Отдела по использованию опыта войны при штабе 3-го Белорусского фронта во главе с военным историком полковником А.В. Васильевым провела всесторонний анализ только что прошедшей Восточно-Прусской операции и подготовила ее детальное описание. Названный очень скромно «Конспектом для разбора» этот труд на самом деле представляет собой обширное исследование на 287 листах. Долгое время он оставался секретным, хотя его использовали для написания своих работ маршал А.М. Василевский [1] и генерал армии К.Н. Галицкий [2]. В настоящее время документ рассекречен и благодаря стараниям публикатора, доктора исторических наук, профессора БФУ им. И. Канта Г.В. Кретинина впервые напечатан в полном объеме.

«Конспект» будет интересен не только военным историкам, в нем содержится довольно основательная характеристика немецкой провинции Восточная Пруссия — рельефа ее территории, климатических условий, транспортной сети, хозяйства, демографического развития и т. п. Особое внимание, естественно, уделено оборонительным укреплениям. Отмечая их плотность, авторы замечают, что «ни в каком государстве нельзя найти такого насыщения территории фортификационными сооружениями, как это имело место в Восточной Пруссии» [4, с. 23]. При общей длине сухопутной границы провинции в 700 км «протяженность всех ее укрепленных рубежей, долговременного и полевого характера, равна 1200–1300 км», то есть на один километр фронта приходилось два километра различных укрепленных позиций [4, с. 23]. В результате к началу войны «немцы создали в Восточной Пруссии глубоко эшелонированную мощную систему укрепленных позиций с применением железобетонных ДОТов и убежищ, железных и железобетонных надолбов, противотанковых рвов, проволочных и других противопехотных и противотанковых препятствий» [4, с. 25].

При этом авторы выделили в отдельный раздел «Операцию по вторжению в Восточную Пруссию» (16–28 октября 1944 г.) (ср.: [3]) и собственно Восточно-Прусскую операцию, состоявшую из пяти этапов: «1. Разгром тильзитско-инстербургской группировки противника (с 13 по 31 января 1945 г.). 2. Ликвидация восточно-прусской группировки противника юго-западнее Кёнигсберга (с 13 февраля по 29 марта).

3. Штурм Кёнигсберга (6—9 апреля). 4. Ликвидация Земландской группы войск противника (13—25 апреля). 5. Овладение косой Фрише-Нерунг (25 апреля — 9 мая 1945 г.)» [4, с. 31].

Каждый из обозначенных этапов разобран подробно по одной и той же схеме. Сначала детально освещается общая обстановка на фронте, исследуется соотношение сил сторон в людях и боевой технике. Делается вывод о том, что Красная армия имела значительный перевес, который позволял «нанести противнику мощный удар на всю глубину его боевых порядков» [4, с. 34]. Затем описывается планирование военных действий, анализируются их ход и результаты с указанием потерь и трофеев. В заключительных выводах дается оценка выполнению поставленных командованием задач и извлеченных им уроков.

Из текста видно, как тщательно готовился личный состав к каждому этапу операции. Очень любопытные сведения приводятся об оперативной дезинформации противника, имитации тех или иных действий, которые осуществлялись общевойсковыми и специальными частями. Так, например, силами мотоциклетного полка с помощью веревки фар, питаемых от мобильной электростанции, и фонариков имитировалось передвижение целых автоколонн и артиллерийских группировок с целью дезориентации врага [4, с. 69—70]. К самым ценным сведениям относится подробное описание боевых действий соединений и частей Красной армии по дням наступления. Особенно сильное впечатление производят страницы, рассказывающие о четырехдневном штурме Кёнигсберга, который стал кульминацией Восточно-Прусской операции. В ходе этого сражения было уничтожено почти 42 тыс. солдат и офицеров противника, около 92 тыс. чел. взято в плен. Интересно, что в детальном разборе штурма города используются обширные цитаты из показаний попавших в плен коменданта Кёнигсберга О. Ляша и его заместителя генерала Г. Микоша [4, с. 116—118].

Взятие Кёнигсберга, разгром и пленение значительной части его сотысячного гарнизона еще не означали завершения всей операции, так как германское командование попыталось укрепиться в западной части Земландского полуострова, обустроив там линию полевой обороны в виде сплошной сети траншей. Однако командование 3-го Белорусского фронта, создав двойное превосходство над противником в живой силе и тройное в артиллерии, обеспечило в ходе наступательных боев 13—25 апреля ликвидацию Земландской группы войск противника. При этом были разгромлены 11 пехотных, две танковых дивизии, четыре бригады и другие части.

Сопротивление противника на полуострове прекратилось с падением Пиллау, а военные действия были перенесены на косу Фрише-Нерунг. Последний этап Восточно-Прусской операции продолжался до 9 мая силами частей 11-й гвардейской и 48-й армий. После капитуляции немецких войск на косе было взято в плен более 22 тыс. солдат и офицеров [4, с. 131—137].

Украшением публикации являются 24 карты и схемы, отражающие все этапы битвы за Восточную Пруссию. В связи с этим нельзя не отметить удачный и довольно редкий для исторических работ большой

формат книги, который позволил в натуральную величину и с мельчайшими деталями воспроизвести иллюстративные материалы, великолепно выполненные командой картографов полковника Васильева.

Все сказанное позволяет оценить опубликованный документ как важный источник по истории боевых действий Красной армии в Восточной Пруссии. Однако этой констатацией не исчерпывается значимость рецензируемой книги. Документу предшествует «Необходимое предисловие», в котором Г. В. Кретинин подробно разбирает дискуссионные вопросы периодизации военных действий в Восточной Пруссии в 1944–1945 гг. — в частности, подтверждая справедливость мысли А. В. Васильева, что сражения на косе Фрише-Нерунг были составной частью Восточно-Прусской операции, завершившейся 9 мая 1945 г. [4, с. 9–14].

Весьма плодотворной представляется идея размещения в конце книги нескольких приложений, которые в форме научных очерков и комментариев призваны ввести публикуемый документ в контекст современной военно-исторической науки. В первом очерке, написанном в соавторстве с президентом Академии военных наук, генералом армии М. А. Гареевым (1923–2019), рассмотрены главные особенности битвы за Восточную Пруссию [4, с. 140–143]. Далее на основе новейших исследований и неопубликованных документов Центрального архива Министерства обороны Г. В. Кретинин характеризует распространенные в литературе стереотипы в оценке Гумбинненской операции 3-го Белорусского фронта, анализирует данные о численности и потерях сторон во время штурма Кёнигсберга, реконструирует картину перегруппировки войск в преддверии Земландской наступательной операции [4, с. 139–159].

Отдельно следует сказать о последнем очерке, посвященном формированию исторической памяти о боях за Восточную Пруссию, в котором не только разобрана профессиональная историография Восточно-Прусской операции, но и рассмотрены корреспонденции в прессе, популярные очерки, воспоминания, справочная литература, а также приведены список и краткая характеристика военно-мемориальных объектов Великой Отечественной войны на территории Калининградской области [4, с. 160–186].

Издание «Летописи Победы» стало возможным благодаря содействию Правительства Калининградской области, Областного историко-художественного музея и местного отделения Российского военно-исторического общества. Знаменательно, что книга издана в год 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Она будет очень востребована в среде профессиональных историков, но также может быть интересна всем калининградцам, интересующимся историей своего края.

Список литературы

1. Василевский А. М. Восточно-Прусская операция // Военно-исторический журнал. 1969. № 3. С. 35–55.
2. Галицкий К. Н. В боях за Восточную Пруссию. М., 1970.

3. Егоров В.Г., Кретинин Г.В. Гумбинненская (1944) фронтовая и Восточно-Пруская (1945) стратегическая наступательные операции // Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945. СПб., 2005. С. 290 – 313.

4. Кретинин Г.В. Летопись Победы в Восточной Пруссии, 1944 – 1945. Калининград, 2020.

Об авторе

Юрий Владимирович Костяшов — д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: kostyashov@mail.ru

The author

Dr Yury V. Kostyashov, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: kostyashov@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи для докторантов и докторов наук — 20–30 тыс. знаков с пробелами, для доцентов, преподавателей и аспирантов — не более 20 тыс. знаков.

4. Список литературы должен составлять от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК и (или) международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников.

5. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее* и *внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

6. Статья на рассмотрение редакционной коллегией направляется ответственному редактору по e-mail. Контакты ответственных редакторов: http://journals.kantiana.ru/vestnik/contact_editorial/

7. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта http://journals.kantiana.ru/submit_an_article и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

10. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» один раз; второй раз в соавторстве — в исключительном случае, только по решению редакционной коллегии.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (до 12 слов);

3) аннотацию на русском и английском языках (150–250 слов, то есть 500 печатных знаков). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

4) ключевые слова на русском и английском языках (4–8 слов). Располагаются перед текстом после аннотации;

5) список литературы (примерно 25 источников) оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008;

7) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы, e-mail, контактный телефон);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/vestnik/monograph/>.

Рекомендуем авторам ознакомиться с информационно-методическим комплексом «Как написать научную статью»: <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/>.

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Все научные статьи, поступившие в редколлегию Вестника БФУ им. И. Канта, подлежат обязательному рецензированию. Отзыв научного руководителя или консультанта не может заменить рецензии.

2. Ответственный редактор серии определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором серии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;
б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале, входящем в Перечень ведущих периодических изданий ВАК.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор серии направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

9. После принятия редколлегией серии решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Текст рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычным почтовым отправлением.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии серии и редакции «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» в течение пяти лет.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки
2021

№ 1

Редактор *И. О. Дементьев*. Корректор *П. С. Щербаков*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 05.08.2021 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 9,8
Тираж 1000 экз. (1-й завод 39 экз.). Цена свободная. Заказ 77
Подписной индекс 94114

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236001, г. Калининград, ул. Гайдара, 6